2
том 5
2020

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

политические
социологические
экономические науки

Bulletin of Kemerovo State University.
Political, Sociological and Economic Sciences
2020, 5(2): 139–286

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИТОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА

2020
том 5 № 2

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические, экономические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.

Издается с 2016 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова (Кемерово, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия)
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., БГУ (Иркутск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

16+

© Кемеровский государственный университет, 2020
© Авторы научных статей, 2020

BULLETIN POLITICAL SOCIOLOGICAL ECONOMIC

2020
vol. 5 no 2

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67376.

Founded in 2016.

Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2020
© The authors of scientific articles, 2020

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
I. V. Baranova, Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
S. M. Bychkova, Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
O. V. Glushakova, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
E. A. Kapoguzov, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
M. M. Kislyakov, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).
S. A. Kravchenko, Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
M. V. Kurbatova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. G. Nemirovskiy, Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
E. V. Nekhoda, Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
T. G. Ozernikova, Dr. of Economics, Prof., Baikal State University doctor of economic sciences (Irkutsk, Russia).
S. D. Reznik, Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
G. S. Solodova, Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. V. Udaltsova, Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chirun, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Ya. Yu. Shashkova, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2

Политология

Великий Русский Народ как национальная идея России
Гончар О. Н. 139

Проблема идентичности и транскультурность в работах Сейран Атеш
Михалева А. В. 156

Социология

Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске
Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. 165

Женская преступность как социальное явление: трансформация и деформация социальных ролей
Кранзеева Е. А., Сапегина К. С. 176

Развитие интереса студенческой молодежи к научному поиску: опыт и проблемы регионального университета
Резник С. Д., Черниковская М. В. 186

Экономика

Развитие цифровых компетенций и цифрового маркетинга как средство обеспечения конкурентоспособности экономических субъектов
Грудистова Е. Г. 195

Концепция организационной реструктуризации горнодобывающей промышленности
Джвигол Х. 205

Управление знаниями на предприятии 4.0: стандарт и человек
Жернов Е. Е. 214

К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации
Климова Ю. О., Усков В. С. 222

Перспективы развития туризма в Удмуртской Республике
Маненков С. А., Маненкова А. П. 232

Стратегия развития угольного региона в контексте стратегической экологической оценки
Панов А. А. 242

Исследование метода анализа среды функционирования и его применение для оценки эффективности предприятий топливно-энергетического комплекса
Покушко М. В., Ступина А. А., Медина-Було И., Дресвянский Е. С. 251

Трансформация технологий маркетинга в цифровой среде
Шадрин В. Г., Котова О. Н. 263

Коммерциализация объектов промышленной интеллектуальной собственности российскими предприятиями: актуальные аспекты проблематики
Шпак П. С. 270

Цели устойчивого развития регионального уровня: постановка и реализация на примере Кузбасса
Шутько Л. Г., Самородова Л. Л. 279

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2

Political Science

The Great Russian People as the Russian National Idea
Gonchar O. N. 153

The Problem of Identity and Transculturalism in the Works of Seyran Ates
Mikhaleva A. V. 163

Sociology Science

Dominant Concepts of Urban Improvement in Siberia: a Sociological Case Study in Omsk
Kapoguzov E. A., Ovodova S. N., Chupin R. I. 173

Women Offenders as a Social Phenomenon: Transformation and Deformation of Social Roles
Kranzeeva E. A., Sapegina K. S. 184

Development of Student Interest in Scientific Research: Experience and Problems of a Regional University
Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. 193

Economics Science

Development of Digital Competencies and Digital Marketing as a Means of Ensuring the Competitiveness of Economic Entities
Grudistova E. G. 203

A New Concept of Organizational Restructuring in Mining Industry
Dzwigol H. 212

Enterprise 4.0 Knowledge Management: Standard and Man
Zhernov E. E. 220

Training for the IT industry in the Context of Digitalization
Klimova Y. O., Uskov V. S. 230

Tourism Development Perspectives in the Udmurt Republic
Manenkov S. A., Manenkova A. P. 240

Coal Region Development Strategy in the Context of Strategic Environmental Assessment
Panov A. A. 249

Data Envelopment Analysis in Performance Assessment of Fuel and Energy Complex Enterprises
Pokushko M. V., Stupina A. A., Medina-Bulo I., Dresvianskii E. S. 260

Digital Marketing Evolution
Shadrin V. G., Kotova O. N. 268

Some Aspects of the Problems of Commercialization of Industrial Intellectual Property by Russian Enterprises
Shpak P. S. 277

Setting and Implementing Sustainable Development Goals on the Regional Level: the Case of Kuzbass
Shutko L. G., Samorodova L. L. 286

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

Political Science

оригинальная статья
УДК 323.21

Великий Русский Народ как национальная идея России

Олег Н. Гончар [a, @]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] olegnikolaevich43@gmail.com

Поступила в редакцию 28.02.2020. Принята к печати 07.04.2020.

Аннотация: Объектом исследования является государствообразующий статус русского народа. Предмет исследования – возникший в ходе обсуждения конституционным совещанием вопрос о закреплении в преамбуле документа юридического статуса государствообразующей нации. Исследование базируется на комплексном экстраполяционном моделировании, историческом, сравнительном анализе, бихевиористском подходе. Выявлены причины, обусловливающие необходимость внесения поправок в Конституцию. Проанализированы как внутриполитические, так и внешнеполитические перспективы назревших конституционных преобразований в зависимости от выбора одного из трех возможных конституционных путей решения так называемого русского вопроса в рамках инициированного судьей Конституционного Суда РФ К. В. Арановским широкого политического дискурса о государственно-историческом правопреемстве РФ. Констатирована безальтернативность провозглашенного Президентом РФ национального курса, но вместе с тем и юридическая невозможность восстановления суверенитета методом исправления неисправимой «ельцинской» Конституции. Выявлена политическая необходимость суверенизации страны путем принятия нового Основного Закона. Предсказан Всенародный Референдум по новой Конституции. Установлен факт стихийного начала русской ирреденты на Украине. Доказано, что денацификация государствообразующего этноса, детерминировав распад СССР, программирует нынешний конституционный кризис. Дан и сопоставлен геополитический стратегический анализ проектов восстановления СССР и России как наследницы Российской Империи. Рассмотрена традиционная общемировая практика наделения конституционным статусом доминирующего государствообразующего этноса, в соответствии с которой методом аналогии найдена и предложена руководству страны национальная идея России как оптимальная политико-правовая конструкция решения русского вопроса в России, устраивающая подавляющее большинство ее граждан.

Ключевые слова: поправки в конституцию, конституционная реформа, государствообразующий народ, национальное государство, Великая Русь, восстановление СССР, российская республика, русская республика, русская идея

Для цитирования: Гончар О. Н. Великий Русский Народ как национальная идея России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 139–155. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

Введение

Тема настоящего исследования – конституционный статус государствообразующего народа России, или т. н. русский вопрос, политические причины его юридической постановки в политическом пространстве РФ в ходе стартовавшей в стране конституционной реформы, его суть и методы решения, в том числе с учетом мирового практического опыта. Цель исследования – содействие органам государственной власти в осуществлении эффективного конституционного реформирования путем научного обоснования и предложения конкретного политико-правового механизма его проведения.

Актуальность избранной темы исследования состоит в унаследованном со времен СССР (распавшегося из-за 70-летнего уклонения от этой темы [1] и проигрыша информационной войны, что вытекает из исследования И. Н. Панарина [2]) игнорировании русской проблемы отечественной наукой. Несмотря на официальное включение русского вопроса в программные документы двух из четырех основных политических партий страны (КПРФ и ЛДПР), нарастающее муссирование русистики в телевизионных СМИ, например, в еженедельной авторской программе ТВЦ «Русский вопрос» директора Института стран СНГ и депутата Госдумы от «Единой России» К. Затулина, отечественные политологи предпочитают исследовать гипотетические и оттого менее значимые абстрактные политические феномены вроде *гретизма* и *мондиализма*, вместо рассмотрения перезревшей, чреватой общенациональной политической катастрофой неразрешимой апорией собственной страны дня сегодняшнего. Закономерный результат – дефицит системных исследований, отсутствие полноценного многополярного научного дискурса о методах урегулирования вышеозначенной политической коллизии, по определению долженствующей быть главным предметом изучения российской политологии, как гордиева узла большинства бед современной

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

России (если подавляющее в количественном отношении национальное большинство считает себя ущемленным по национальному признаку, то ни одно нацменьшинство страны не может чувствовать себя спокойно).

Первые хрономаркеры политического перегрева русского вопроса в РФ – априори невозможные в случае своевременной суверенизации и самоопределения русского большинства в границах исторической России межнациональные гражданские конфликты в ее пределах, в том числе в постсоветском пространстве, о которых пишут политологи [3; 4], или, как теперь говорят некоторые исследователи, в евразийском пространстве [5; 6], особенно на Кавказе [7; 8] и Украине [5; 9]. В контексте дня сегодняшнего, «барометр» перегрева русского вопроса – стремительно разворачивающийся на глазах ученого сообщества, в силу своей профессиональной компетенции раньше других улавливающего нюансы предстоящей политической трансформации, конституционный и как следствие общенациональный революционный кризис в современной России (перифраза классической ленинской формулы из «Маевки революционного пролетариата» (1913 г.): когда верхи не могут править по старой Конституции, а низы – не хотят по ней жить) вызван пассивной социентально-бихевиоральной делигитимацией «ельцинской» Конституции, узаконившей недолговечный мелкодержавный федерализм [10; 11] в сочетании с антинациональным статусом русского народа в 1993 г.

100-летняя искусственная аморфизация русской национальной идентичности [12] и насильственная советская дерусификация русской нации [13] в результате информационной революции сменилась лавинообразным ростом национального самосознания русского народа [14]. Особенно быстрый рост национального самосознания наблюдается среди русских, вопреки воле оказавшихся в иноэтнократических государствах после разрушения СССР [15].

Падение авторитета Конституции в глазах подавляющего большинства граждан продуцирует обесценивание и обессиливание всей громоздкой политико-правовой системы как вариативной интерполяции общественных настроений на 80 % реплицируемых этническими русскими. Такой парадокс следует из законов легитимистики, описанных Д. Е. Слизовским и др. [16] и Э. Э. Шульцем [17]. Как ни парадоксально, то же самое будет с любыми поправками и любой Конституцией, учитывающей интересы меньшинств без учета очевидного интереса подавляющего большинства.

Политтехнологическая задача настоящего исследования – определение причин и методов устранения стремительно надвигающегося широкомасштабного политического кризиса.

Ряд отечественных ученых, в частности [18], дипломатично предлагают использовать опробованный цивилизованный западноевропейский путь решения национального вопроса в России. Для углубленного изучения русского вопроса можно рекомендовать несколько добросовестных исследований о государствообразующем статусе русских в России. Прежде всего, это работы основоположников трех конкурирующих между собой магистральных направлений развития русской научно-политической мысли:

- социал-имперского, главный идеолог – А. Г. Дугин [19; 20];
- национально-консервативного (или национально-клерикального), в который наиболее значительный научный вклад внес А. Н. Савельев [21];
- этнополитического, модератором которого является А. Н. Севастьянов [22].

Квинтэссенцией научно-политического творчества А. Н. Севастьянова является проект новой Конституции России[1], оригинальный, определяющий Россию не как федерацию многонационального народа без Русской республики, а как унитарное мононациональное государство русской нации, ссылаясь на международное право, традиционно наделяющее статусом нации только один численно доминирующий государствообразующий народ и относящее остальные народности независимо от их численности в разряд нацменьшинств. Вместе с тем ряд концептов проекта категорически неприемлемы с точки зрения научной оценки эффективности функционирования политической системы, не говоря уже о национальных интересах государствообразующего народа. В частности, во имя достижения мифически-утопической идеи национальной справедливости предлагается «отпустить» ряд присоединенных военно-силовым путем (хотя «железом и кровью» создавались почти все государства мира!), населенных нацменьшинствами регионов России (в частности Чечню), что спровоцирует парад суверенитетов и отбросит Россию в границы XVI в.

Ультратолерантный проект А. Н. Севастьянова предполагает новую нарезку границ России по внешнему краю исторически русских национальных областей, компактно населенных русским этносом, а также пожелавших остаться в России, как формы самоопределения крупных коренных народов России, составляющих устойчивое большинство (свыше 50 %) в местах своего исторического проживания, с местным, наряду с государственным, официальным языком автономии; более того, с автономным уголовным и семейным законодательством, применяемым республиканскими судами к местным жителям – представителям титульной национальности при их добровольном согласии[2]. Севастьяновский законопроект

[1] Севастьянов А. Н. Конституция русского государства (России). 01.04.2006. Режим доступа: https://www.sevastianov.ru/proekty/konstitutsiya.html (дата обращения: 28.02.2020); Севастьянов А. Н. Время менять конституцию. 27.02 2020. Режим доступа: https://www.sevastianov.ru/proekty/konstitutsiya/21-ideologiya/konstitutsiya/317-vremya-menyat-konstitutsiyu.html (дата обращения: 28.02.2020).

[2] Там же.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

ценен как этнонациональный антипод более выигрышного, на наш взгляд, имперского проекта. Россия сильна именно как имперский проект. Принятие же за основу антиимперского законопроекта подорвет обороноспособность и благосостояние как России, так и отделившихся от нее народов по аналогии падения благосостояния республик, отделившихся от СССР.

А. Г. Дугин – крупнейший представитель социал-имперского почвеннического направления отечественной политологии, абсолютизирующего социентальную детерминанту политических процессов. В последних работах А. Г. Дугина, в частности в *opus magnum* его творчества – «Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство земли. Структура русской идентичности» [19], политическая борьба, «титаномахия» народов (в частности, русского за свою государственность) метафорически выводится не из естественно-природной борьбы видов, как у А. Н. Севастьянова, а из борьбы 3-х типов мышления (или логосов Аполлона, Диониса, Кибелы), которые имплицируются акомплементарностью геопсихологических архетипов, перманентно продуцирующих геополитический конфликт цивилизационно-психических фенотипов.

Русскость (воинственный аполлонизм), по мнению А. Г. Дугина, – не врожденное качество и не купируется биологическими рамками, оно есть сгенерированное комплексом уникальных социогеографических факторов «евразийской геополитической идентичности России как цивилизации Суши, Heartland'a» [19, с. 22] мессианское психологическое состояние метафизической имперскости или воли народа к созиданию континентальной империи, где под народом (*Volk*) А. Г. Дугин понимает «этнос, вступивший в историю» [19, с. 28]. Вследствие чего русские должны наследовать не только Россию, но и всю Евразию, которая, в понимании А. Г. Дугина, является «русским пространством», будущей «Великой Россией», которую русские как представители светлого, духовного аполлонического начала или граждане «Третьего Рима» обязаны освободить от сатанинско-материалистического «кибелизма» и цивилизовать.

Согласно знаменитой формуле, изложенной А. Г. Дугиным, «Россия может быть или великой, или никакой» [20], а социология продуцируется в качестве универсального инструмента постижения политического. Интеллектуалы западной контркультуры небезосновательно считают проф. А. Г. Дугина серым кардиналом «путинизма», «самым опасным человеком в мире»[3], «наиболее влиятельным мыслителем посткоммунистической эпохи» [23, с. 44]. Однако политология А. Г. Дугина, в отличие от политологии А. Н. Севастьянова, пассивно аналитична, а не методична и политтехнологична, она не есть руководство к действию, чего не скажешь о савельевском (национально-консервативном) направлении отечественной политической науки, представленном в работе [21].

Савельевский традиционализм, напротив, политтехнологичен. Национально-констервативное направление российской политологии есть не столько бескомпромиссная патримониально ангажированная политическая аналитика, сколько подробное руководство к прямому политическому действию. В исследовании А. Н. Савельева «Русская идеология» [21] Российская Империя XIX – нач. XX в. ошибочно позиционируется «Золотым веком» русского народа, исходной точкой сингулярности, альфой и омегой современного политического процесса, откуда он будто бы эманировал, вокруг чего вращается и куда медленно, но верно возвращается. По А. Н. Савельеву, русский народ предал своего самодержавного царя (гр. Н. А. Романова) и вот уже более 100 лет закономерно пожинает плоды этой апостасии, пребывая в статусе лишенных права на самоопределение индийских париев. В этой связи фундаментальное предназначение отечественной политической науки ученым видится в компетентном системном доведении концепции апостасии до политически индифферентного русского электората. Осознание русской общественностью апостасической природы своего настоящего национально-бесправного состояния приведет, выражаясь языком Г. Гегеля, к перерыву постепенности политического процесса и аппроксимации существующих политических институтов в исходное дореволюционное состояние.

Слабым местом в имманентной цепи савельевских умозаключений [21] является центральный пункт – отсталая феодально-монархическая Россия XIX в., как будто бы Золотой век в истории русского народа. Это, на наш взгляд, в корне неверно, т. к. подавляющее большинство российского населения того времени составляли малоземельные крестьяне, жившие в беспросветной нищете и бесправии, подробно и уничижительно описанных в многочисленных аллегорическо-политологических произведениях классиков (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, В. Г. Короленко и мн. др.), а страна почти весь XIX в., до и после обреченно проигранной Крымской войны, являлась марионеткой британской короны по причине экономической отсталости и, как следствие, военной слабости.

Подлинным Золотым веком российской истории, возможно, являются дискуссионная с времен основания РАН М. В. Ломоносовым (гипотетическая во многом по политическим причинам, связанным опять-таки с русским

[3] Ritz E. «Truly Terrifying»: Beck Introduces Viewers to the Man He Believes Is the «Architect» of Russia's Geopolitical Strategy // TheBlaze. 13.01.2015. Режим доступа: https://www.theblaze.com/news/2015/01/13/truly-terrifying-beck-introduces-viewers-to-the-man-he-believes-is-the-architect-of-russias-geopolitical-strategy (дата обращения: 28.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

вопросом) эпоха могущественной скифской Руси[4] VIII в. до н. э. – III в. н. э. по размерам несопоставимой с Россией XIX в. (Восточная Европа, Средняя Азия, Индия, Сибирь, Дальний Восток, Маньчжурия, Северный Китай до Великой Китайской стены) и языческой Руси периода 860–970 гг., когда, по свидетельствам иностранных источников, живущий в Гардарике (стране городов), еще не вкусивший крепостнического рабства, гордый, вольный и воинственный русский народ, «достигший блистательной высоты и несметного богатства» [25], по уровню экономического развития соперничал с Византией, когда «многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу!» [26], мировую сверхдержаву того времени, стоя в шаге от взятия Константинополя в 970 г., а следовательно, и мирового господства.

По сведениям летописца [27, с. 34], войско Князя Святослава, разгромив византийскую армию, вплотную подошло к Царьграду, но вместо штурма беззащитного города недальновидно ограничилось взятием дани, предпочтя золото мировой гегемонии. Стратегическую ошибку князя Святослава 970 г. можно назвать ключевой точкой бифуркации отечественной истории, которая тогда могла пойти по более славному, менее затратному, а не тысячелетнему кровопролитному сценарию, поскольку идея тысячелетнего русского мира стала бы не заоблачной метафорой, но привычной повседневной реальностью еще десять столетий назад.

Уникальность настоящего исследования в том, что, отдавая дань уважения вышеперечисленным ученым предшественникам и коллегам, в нем предлагается альтернативный анализ русской проблематики и отличный от их методологии, на наш взгляд, более эффективный, безболезненный путь решения русского вопроса.

Национальный курс российской политики

В своем ежегодном послании 15 января 2020 г. Президент РФ инициировал процесс радикального конституционного реформирования, выраженного в придании конституционного статуса государствообразующему народу. Провозглашенный В. В. Путиным новый национальный курс, выраженный в переориентации на защиту интересов представленного этническими русскими абсолютного гражданского большинства, вызвал острые дискуссии среди политологов и неоднозначную реакцию в политическом истеблишменте: от полного одобрения президентских поправок думским корпусом и конформистской частью общества до их полного неприятия протестным электоратом и несистемной оппозицией. Но так и должно быть в демократическом обществе. Небывалая динамика всенародного обсуждения конституционных поправок, выдвижения социумом все новых и новых гражданских инициатив снизу серьезно понижают точность научного прогнозирования, потому что никто не знает конечного варианта документа, который одобрит электорат.

Страна нуждается в модернизации Конституции в соответствии с требованиями времени, но еще больше она нуждается в принятии новой Конституции России, адекватной современным вызовам. Однако как бы кто не относился к идее модернизации Основного Закона, существует консолидирующий оппонентов фактор: Конституция, принятая еще в 1993 г., через два года после распада СССР устарела и более не отвечает изменившимся как внешнеполитическим [2, с. 156–159], так и внутриполитическим реалиям. Например, таким как окружение РФ по периметру границ враждебными силами, открытый геноцид русских в отделившихся республиках бывшего СССР и возрождение вследствие этого у русского народа, составляющего около 80 % населения РФ, собственного национального самосознания [15], национальной идеи русского мира, заключающейся в ирреденте русского пространства, собирании русских земель вокруг РФ на правах самой сильной части бывших СССР и Российской Империи, выраженной в названии правящей партии и наличии у России президента, объявившего себя главным националистом России: «Самый большой националист в России – это я, потому что правильный национализм – это выстраивание действий и политики таким образом, чтобы они пошли во благо народа»[5].

Россия – богатейшая страна мира, абсолютный сырьевой монополист, суммарно располагающий около 40 % невосполнимых мировых природных ресурсов (например, сверхценный для электроники стратегический металл рений во всем мире добывается только в России на Южно-Курильском острове Итуруп, отсюда и попытки Японии отнять у РФ этот остров), следовательно, приоритет международного права над национальным, если отбросить красивую юридическую риторику, означает делиться национальным достоянием, завоеванным трудами бесчисленных поколений предков со всеми как бедными, так и богатыми странами мира в зависимости от их потребностей, часто в ущерб себе. Дошло до того, что наши иностранные «партнеры» обсуждают вопрос о лишении России не только права иметь Арктический шельф, но и Сибирь, которая, якобы, очень богатая и поэтому должна принадлежать «всему человечеству».

[4] Латышев В. В.: «Мы заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-рось (Σκυθας τους Ρως) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу» – цитата Латышева В. В. по собранию сочинений Аристотеля, изданному Берлинской академией наук в 1836 г. [24, с. 332].

[5] Путин В. В. «Самый большой националист в России – это я // YouTube. 25.20.2014. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=O6F6_txVm3U&feature=emb_logo (дата обращения: 02.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

100-летняя разорительная политика интернациональной помощи вечно нуждающемуся мировому сообществу отбросила Россию с 4-го на 60-е место в мире по уровню жизни граждан, в цивилизационный тупик, откуда существует только один предложенный президентом выход – категорический отказ от такой политики.

Приоритет международного права над национальным выгоден только бедным ресурсами странам (в том числе многим развитым странам ЕЭС и др.), с которых по причине их сырьевой нищеты нечего взять, но категорически не выгоден богатым ресурсами странам, прежде всего, России. Россия располагает всеми видами сырьевых, интеллектуальных, трудовых ресурсов, достаточных для независимого от мирового сообщества автаркического существования. Таким образом, предложенная президентом смена интернациональной парадигмы на национальную не просто объективно назрела, но является единственным выходом в сложившейся ситуации.

Правовой механизм и последствия конституционной реформы

Согласно действующему законодательству РФ, порядок внесения поправок должен строго соответствовать установленной неизменяемой ст. 135, гл. 9 Конституции РФ и осуществляться путем неукоснительного соблюдения прописанных в ней процедур. С точки зрения буквы закона процедура принятия озвученных В. В. Путиным поправок о приоритете национального законодательства над международным в защищенную юридическим статусом неизменяемости 1-ю главу Конституции, равно как и дополнение конечного и защищенного 1-й неизменяемой главой Конституции перечня органов власти РФ (т. е. государственных органов, решения которых обязательны к исполнению на территории РФ), пусть даже в формально изменяемой другой главе, является дополнением конечного неизменяемого перечня органов власти РФ 1-й неизменяемой главы по факту, в связи с чем аналогична процедуре принятия новой Конституции. Для легитимного проведения конституционной реформы после абсолютно правильного экспериментального всенародного соцопроса представителям органов российской власти, обладающим правом законодательной инициативы, следует изучить ст. 135, гл. 9 действующей Конституции РФ и начать действовать в четком соответствии с ней, а именно:

1) не лавируя, но прямо и честно, как положено профессионалам, проинформировать Президента РФ о невозможности, без принятия новой Конституции, правового достижения целей, поставленных им в послании от 15 января 2020 г., т. к. нуждающаяся в замене 1-я глава «ельцинской» Конституции (с приоритетом международного права над внутрироссийским и конечным перечнем органов власти) защищена юридическим статусом неприкосновенности, согласно ст. 135. 1-2, также юридически неприкосновенной гл. 9 Конституции;
2) Думе необходимо принять закон о выборах в Конституционное Собрание;
3) провести всенародные выборы лучших юристов, экономистов и политологов страны в Конституционное Собрание;
4) созвать Конституционное Собрание, которое рассмотрит все предложенные народом проекты конституций и поправок, после чего разработает оптимальный конституционный законопроект, примет его самостоятельно 2/3 голосов (что снизит уровень его легитимности, т. е. массовой поддержки) [16, с. 105] или вынесет на Всенародный Референдум для одобрения или отклонения народом (что придаст Конституции больше легитимности);
5) провести Всенародный Референдум с 50 % нижним порогом явки избирателей по каждой поправке в действующую Конституцию в форме отдельного вопроса в бюллетене.

Альтернативный вариант – Всенародный Референдум о принятии новой Конституции.

Корректировка старой Конституции не завершится предстоящим голосованием, она откроет период ее постоянного переписывания. Сама жизнь заставит нас то и дело вносить в нее коррективы. Ставка на перекраивание старого, давно не работающего, ставшего формальным документа носит импульсивно-ситуативный характер, но в стратегическом плане ничего не решит, т. к. менять в нем нужно почти все. Это объективное требование времени.

В любом случае неизбежным конечным итогом конституционной реформы станет отказ руководства страны от делегитимированного постоянно вносимыми поправками старого документа и всенародное принятие нового.

Принятая с соблюдением необходимых демократических процедур новая Конституция будет пользоваться реальным доверием общества, ее авторитет не будет оспариваться, ее не придется без конца латать, делегитимируя все новыми поправками.

Правопреемство РФ: СССР или Россия?

Формально юридически в случае делигитимации действующей правовой системы, по мнению ряда известных политиков и депутатов Госдумы, для РФ как международно признанного правопреемника СССР открывается легитимный, но, по сути, квазиправовой путь реставрации СССР, который вместе с незаконно отколовшимися от СССР республиками вернет в состав единого государства миллионы русских соотечественников. Предлагается всего лишь решением Верховного суда РФ отменить незаконный самороспуск органов власти СССР от 26 декабря 1991 г. и объявить органы власти страны-правопреемницы СССР (РФ) органами власти СССР. Другое дело, улучшит ли восстановление СССР правовое положение

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

большинства граждан в лице государствообразующего русского народа в формально едином государстве или все останется по-прежнему? Согласится ли русский народ, возродивший наконец свою относительную национально-политическую суверенность и субъектность на Украине (в лице т. н. государств де-факто [3, с. 27] ЛНР / ДНР), со старой ролью бесправного (не имеющего собственной национальной республики в составе многонационального СССР) донора, безмолвно подпитывающего другие, пусть даже дружественные этносы? Вряд ли.

Аморфизация образа будущего [12, с. 90], угасание национально-государственной идентичности, размывание массового государственнического самосознания единственного государствообразующего этноса СССР предопределили его скорый территориальный распад. Русские перестали быть имперскими националистами, перестали считать весь СССР своей завоеванной предками родиной и не стали его защищать от антиимперского антигосударственного национализма окраин, что стало причиной его гибели. Следовательно, искусственное возвращение в правовое поле Конституции СССР 1977 г., равно как и Конституции РСФСР 1978 г. (даже с поправками 1992 г.), невыгодно русскому народу, который, в отличие от других народов, не имел в них не только официально закрепленного государствообразующего, но вообще какого-либо правового статуса, а значит, невыгодно подавляющему большинству граждан России. Такой юридический нонсенс в современном внутриполитическом контексте автоматически имплицирует ситуацию постраспада СССР на 26 декабря 1991 г., который с момента возникновения СНГ 8 декабря 1991 г. уже 18 дней как прекратил существование де-факто и остался только на бумаге, либо, в случае возвращения в правовое поле «РСФСР=РФ» конца декабря 1992 г., имплицирует конфликт ветвей власти с последующим конституционным кризисом аналога октября 1993 г. В таком случае государство ждет неминуемый распад на конгломерат независимых друг от друга национальных республик, поскольку единственный государствообразующий народ, как и прежде, будет несправедливо лишен подобающего ему априори главенствующего национального статуса, а следовательно, не будет считать это государство своим и снова откажется его защищать.

Советские Конституции, начиная с Конституции РСФСР 1918 г., после беззаконного разгона Всероссийского Учредительного Собрания 6 января 1918 г. и расстрела демонстрации рабочих, вышедших на его защиту, принимались с нарушением действующего на тот момент законодательства и демократических процедур, вопреки воле миллионов номинальных граждан, т. н. лишенцев (классов и сословий, насильственно лишенных избирательных прав) [17, с. 28], воле миллионов репрессированных согласно ленинскому «Декрету о Красном терроре» от 5 сентября 1918 г., вследствие чего, по мнению судьи Конституционного Суда РФ К. Арановского, данные документы юридически ничтожны, а СССР является нелегитимным государственным образованием[6].

К достоинствам предлагаемого рядом экспертов (в частности депутатом Госдумы от «Единой России» Е. А. Федоровым) проекта возрождения СССР можно отнести возможность остаться в Совбезе ООН, что даст правовые основания для воссоединения 15 вышедших из СССР с нарушением юридической процедуры республик (в том числе прибалтийских членов НАТО). К недостаткам – отказ на период существования нового СССР от права денонсации неправомочного (заключенного Александром II без учета мнения народа) договора об «уступке» (т. е., говоря юридическим языком, о временном управлении или аренде) 30 марта 1867 г. русской Аляски и Калифорнии Соединенным Штатам, отказ от права возвращения в состав России незаконно отторгнутых от нее в 1918 г. польской и финской автономий (СССР не может быть правопреемником Российской Империи, как убийца не может законно наследовать права и имущество убитого), а также вступление в силу старой Конституции СССР 1977 г. (пусть временное, до всенародного принятия новой Конституции), что в условиях нынешнего падения рейтинга власти приведет к смене политического строя.

Чисто бюрократическими методами, без восстановления идеологии СССР и опоры на нее, объединить страны постсоветского пространства невозможно. Итогом неидеологического восстановления СССР (вне формата провалившейся интеграции ЕАЭС [5, с. 137] со ставкой на отредактированную действующую многонациональную Конституцию РФ, которая де-юре вправе взять на себя функции Основного Закона СССР вместо старой Конституции 1977 г.) станет не «Крым-2», а «Варшава-2», т. е. рецидив неудачного польского похода 1920 г. Мобилизованные во имя защиты национального суверенитета титульные этносы окажут ожесточенное сопротивление «русской агрессии», в то время как лишенный политической субъектности, а следовательно, демобилизованный имперский этнос будет в массе своей безучастно наблюдать за провалом авантюры силовиков. Если в 1989 г. известное событие в Афганистане закончилось разрушением СССР, то в нынешних условиях 14 новых «афганов» приведут не к восстановлению СССР, а к демонтажу политической системы и распаду РФ по границам национальных республик с появлением целого ряда новых независимых государств (Республики Идель-Урал, Сибирской Республики, Казакии, Хазарии и др.). Иными словами, попытка реставрации СССР в любой его форме чревата для страны потрясениями.

Напротив, восстановление правопреемственности современной России от России 1917–1918 гг. (Российской Республики) как правопреемницы Российской

[6] Черных А., Глухова Н. Судья КС отделил РФ от СССР. Константин Арановский выразил особое мнение о статусе российского государства // Коммерсантъ. 17.02.2020. № 28. С. 3. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4258690 (дата обращения: 17.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

Империи позволит ей инициировать роспуск обессмысленной сломом Ялтинской системы из-за расширения НАТО [28, p. 56] на Восток карманной «нью-йоркской» ООН[7] и действовать по усмотрению, в рамках дугинского «русского пространства» [6, с. 90], или марковского «естественного ареала»[8], без оглядки на эту проамериканскую марионеточную организацию с ее двойными стандартами. Ставка на усиливающуюся политизацию [15, с. 126] все еще многочисленного в границах СССР имперского этноса и мирное восстановление им Единой и Неделимой России (как минимум в границах СССР, как максимум в границах Российской Империи до 30 марта 1867 г., включая территории, вошедшие в ее состав по итогам Второй мировой, по праву меча), благодаря высвобождению русской пассионарной энергии во временно отпавших регионах, имеет куда более реалистичную, хотя и более продолжительную во времени перспективу.

Государствообразующий народ – гарант целостности России

Показательно, что русская ирредента началась стихийно, без участия отечественных политтехнологов. «Фактор И. Стрелкова», крымское восстание, герилья русского народа на Востоке «бандерофашистской» [9, с. 140] Украины, образование непризнанных русских республик ЛНР / ДНР, взлет популярности личности «национал-патриота» И. В. Сталина и лозунга, приписываемого Российскому Императору Александру III [29, с. 92] «Россия для русских!»[9] показали, что исторический лимит на долготерпение русского народа исчерпан, а выдвижение депутатами думских фракций «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ инициативы о включении в преамбулу Конституции РФ упоминания о государствообразующем русском народе отчасти отражает реальные настроения электората, хотя и не вполне. Игнорировать русский фактор, прикрываясь антинаучным термином *многонациональный народ* (что есть юридический нонсенс, т. к. народ всегда мононационален, а нация, т. е. исторический создатель государства, в стране может быть только одна)[10], в который не включен самый многочисленный народ России (по причине неимения им своей национальной республики, а значит и юридического статуса нации), ограничиваясь лишь однократным употреблением субстантива *русский* (в ст. 68, гл. 3 Конституции РФ – о русском языке) стало не только неполиткорректно, но и неразумно.

Не каждый народ имеет собственное национальное государство и потому не каждый народ имеет юридический статус нации. «В современном мире, если придерживаться общепризнанных оценок, существует 193 суверенных государства. При этом народов (этносов), по разным оценкам, насчитывается от 3 до 5 тысяч» [30, с. 31]. Но каждый крупный государствообразующий народ мира, кроме государствообразующего русского народа, имеет свое государство. «Созданы прецеденты признания независимости не только бывших союзных, но и автономных образований (Абхазия и Южная Осетия), а также смены юрисдикции территории одной страны в пользу другой (Крым)» [4, с. 10], вот только Республики Русь как не было, так и нет, если не считать таковыми находящиеся за пределами границ РФ, до сих пор официально не признанные ею (в отличие от «нерусских» Абхазии и Южной Осетии) «криминально-этнократические» [31, с. 66] русские республики ЛНР / ДНР.

По факту русские – это самый многочисленный народ Европы и крупнейший в мире репрессированный, разделенный народ[11], переживший в XX в. трагедию геноцида. Как денационализированный (потерявший свою национальную государственность) народ, наряду с другими денационализированными народами (валлонами, фламандцами, шотландцами, курдами), русские стремятся восстановить собственные утраченные в XX в. национальное единство и суверенитет. Их больше не устраивает воображаемое, наряду с шотландцами [32, с. 198], номинальное пассивное гражданство, по сути подданство [18, с. 251]. Они намерены вернуть себе законный национально-правовой статус, которым обладали до 19 июля 1918 г., которым обладает государствообразующий народ каждой страны мира. Кто вправе помешать им это сделать, или «кто решает, какому-то народу предоставить возможность реализовать свое суверенное право на самоопределение в формате государства или не предоставить такового»? [7, с. 109].

[7] Территориальная целостность Украины. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES 68/262 от 27.03.2014. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/68/262 (дата обращения: 24.02.2020); Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES 71/205 от 19.12.2016. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/71/205 (дата обращения: 24.02.2020).

[8] Марков С.: «Мы ведем себя как империя, которая ужалась до границ меньше своего естественного ареала. И мы сейчас, после некоторого кризиса, будем распространяться до своего естественного ареала». Цит. по: Может ли Запад приструнить Россию? Интервью С. Маркова радиостанции «Эхо Москвы» // 21.10.2008. Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/548083-echo/ (дата обращения: 04.05.2009).

[9] Попов Д. Почему лозунг «Россия для русских» начал поддерживать каждый второй // Московский Комсомолец. 11.10.2019. Режим доступа: https://www.mk.ru/social/2019/10/11/pochemu-lozung-rossiya-dlya-russkikh-nachal-podderzhivat-kazhdyy-vtoroy.html (дата обращения: 24.02.2020).

[10] Савельев А. Н. [09:55–13:30] Своя правда 4 марта 2020. Муфтий Татарстана выступил против поправки в Конституцию о «государствообразующем» народе. Видеоархив Говорит Москва // YouTube. 04.03.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=v8_5HgwQ1F8 (дата обращения: 04.03.2020).

[11] Интервью В. В. Путина американскому журналисту Ч. Роузу для телеканалов CBS и PBS // Президент России. Официальный сайт. 29.09.2015. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50380 (дата обращения: 12.03.2018).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

В мире нет державы, где национальные меньшинства имели бы 21 собственную конституцию и 21 суверенное государство внутри единой страны. Так обстоят дела только в РФ, являющейся в этом плане тем же «временным геополитическим недоразумением», что и СССР, просуществовавший по историческим меркам ничтожно короткий срок и рухнувший в одночасье под грузом нерешаемой десятилетиями русской проблемы. Государства, имевшие сходное многонационально-территориальное устройство, давно распались при первом же серьезном внутриполитическом кризисе, а значит, по неумолимой исторической аналогии данная опасная неизбежность подстерегает и РФ.

Отчего не распалась РФ, и означает ли это, что она застрахована от распада? Проблема в том, что целостность РФ сегодня не означает сохранения ее целостности завтра, в случае столкновения с потрясениями, с которыми столкнулся СССР и другие страны, построенные по многонационально-территориальному принципу (СФРЮ, ЧССР). По замечанию Н. Петрова, конституционно узаконенный в РФ национально-экстерриториальный федерализм – «атавизм, от которого очень трудно (если только возможно) избавиться, чреватый этноконфликтами и практикой "этновыдавливания", дроблением регионов по этническому признаку» [10, с. 8]. Статус-кво РФ связан с ее географическими масштабами. РФ – крупнейшее государство на планете. Центробежная тектоника его распада, как у СССР, может затянуться на десятилетия, но она дотрясет страну до полной региональной дезинтеграции по причине той же юридически-правовой мины, заложенной в его административно-территориальном фундаменте, что и в СССР, где каждая национальная республика была государством в государстве. На данное обстоятельство неоднократно обращал свое внимание В. В. Путин[12].

Многонациональная Россия: опыт распада. От СССР до РФ

Закономерный, небывалый за всю ее историю развал исторической России начался с 1918 г. сепаратистским выходом из ее состава автономных царства Польского и княжества Финляндского, продолжился в 1991 г. (отсоединением т. н. 15 союзных республик) и не преодолен в наши дни.

Русский народ утратил собственную национальную идентичность вместе с ликвидацией большевиками русского национального государства – России – путем свержения законного (сформированного после малодушного отречения царя всенародно избранной Государственной Думой) Временного правительства 25 октября 1917 г. и разгона Всероссийского Учредительного Собрания 6 января 1918 г. На месте упраздненной русской исторической государственности, ранее объявленной В. И. Лениным «тюрьмой народов» [33, с. 107], 19 июля 1918 г. было создано антирусское, номинально конституционное [34, с. 24] государственное образование – РСФСР (в котором понятие *великоросс* заменили на *советский трудящийся*, и сказать «я – русский!» или даже «я – патриот!» стало синонимом «я – белогвардеец!», а сказать «я люблю родину» значило «я люблю Деникина») – и с этого момента страна на десятилетия погрузилась в гражданскую войну и массовые репрессии, в результате чего советская Россия стала тюрьмой русского народа, а с многовековым национальным миром и спокойной жизнью в России было покончено «всерьез и надолго».

Интересно, что накануне прихода к власти будущий глава советского государства В. И. Ленин подчеркивал свою «великоросскость» и «диалектически» использовал националистическую риторику для обмана, господствовавшего на тот момент, имперского этноса во имя достижения собственных политических целей. В 1914 г. в статье «О национальной гордости великороссов» он писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика… Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» [33, с. 107–108].

Незадолго до октябрьского переворота в июне 1917 г. В. И. Ленин открыто призывал преобразовать всю территорию бывшей Российской Империи в унитарную и мононациональную Русскую республику, заявляя: «Русская республика ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет, ни с одним народом… не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов» [35, с. 269].

Отказ большевиков от «русского великодержавного шовинизма», их новая ставка на «мелкодержавный

[12] Путин В. В. Ленин заложил мину замедленного действия под Россию; прав был Сталин! // YouTube. 25.01.2016. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=pbkctc7pESk (дата обращения: 24.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

шовинизм» окраин связаны с отказом господствовавшей в стране русской элиты, оказавшей им вооруженное сопротивление, от поддержки коллаборационно-пораженческого курса этих «проплаченных германских марионеток». По сути, главная геополитическая катастрофа XX в. – разрушение В. И. Лениным тысячелетнего русского национального государства (России). Это событие в свою очередь запрограммировало катастрофу наспех собранного им из российских имперских обломков искусственного псевдоимперского симулякра – СССР (в котором исторически скреплявший единство страны имперский этнос как политический субъект отсутствовал де-юре), распад которого в силу постепенной атрофии инерционной имперскости русских стал лишь делом нескольких десятилетий. По меткому выражению профессора Калифорнийского Университета в Беркли Ю. Л. Слёзкина, «СССР создавался националистами и был разрушен националистами» [1, p. 415], националистами окраин, которые, в отличие от созидающих огромные империи националистов государствообразующего этноса, есть виктимные сепаратисты-разрушители.

Идеологической квинтэссенцией русофобской политики большевистской власти можно назвать формулировку советского представителя в Исполкоме Коминтерна Н. И. Бухарина, озвученную им на XII съезде РКП(б) в 1923 г. «Нельзя даже подходить здесь с точки зрения равенства наций, и т. Ленин неоднократно это доказывал. Наоборот, мы должны сказать, что мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, идя наперерез, только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» [36, с. 613].

Ленинские посулы Русской республики завершились построением в СССР иерархической пирамиды народов по типу британской колониальной системы в Индии, где русские оказались в самом низу. Согласно анализу М. Х. Экзекова, «эта система базировалась на 4-уровневой модели национально-территориального устройства: одни народы были выделены в союзные республики, другие – в автономные республики в составе союзных республик, третьи – в автономные области и автономные округа в составе краев и областей» [8, с. 262]. Ф. В. Даминдарова и Г. Ш. Исмагилова отмечают, что «единственный из крупных этносов, которому в СССР было отказано в процедуре создания "своей" нации, был русский… Этнически русские люди составили в грандиозном здании советской страны своего рода связующий материал для создаваемых кирпичиков-наций, которым в свою очередь был предоставлен максимум национальных прав. Так и РСФСР оказалась единственной ненациональной союзной республикой, которая даже внутри себя, имея немало национальных автономий, не допускала какого-либо подобия форм русской нации, что во многом унаследовано и современной Российской Федерацией» [13, с. 65]. Иными словами, создатель и защитник России, самый многочисленный и единственный государствообразующий народ, благодаря которому единая страна только и может существовать, наряду с не претендующими на собственную республику из-за крайней малочисленности кетами, цыганами, чамалалами и др., не получил даже автономию в пределах краев и областей «этнобесхозного» РСФСР, требования которой закончились массовыми посадками и сталинским расстрелом русской интеллигенции в рамках «Ленинградского дела» в 1949–1952 гг. Лишенный мыслящего слоя русский народ был сломлен и превращен в удобрение для произрастания суверенитетов других, более сильных народов, как в свое время это провидчески предсказал П. А. Столыпин.

Закономерный распад СССР вызвал кратковременный всплеск энтузиазма русского народа, надеявшегося после 70-летнего перерыва занять, наконец, подобающее ему достойное место в семье братских народов в созданной им России, что русским вернут экспроприированные у них права государствообразующей нации. В 1991–1993 гг. после распада антирусского СССР и образованием на его «костях» СНГ это считалось чем-то само собой разумеющимся. Однако русских подвела отличительная черта их тысячелетней национальной психологии народа-воина: слепо выполнять приказы, всецело полагаясь на мудрость вождя, вследствие чего они, не читая, по умолчанию, приняли предложенную Б. Н. Ельциным Конституцию РФ, по сути, списавшую принципы национально-государственного устройства из Конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. – союз республик малых народов, без упоминания наиболее многочисленного (около 80 % всех граждан) и потому единственного государствообразующего русского народа.

Как следствие, РФ синхронно повторила путь СССР, оказавшись на пороге еще не вполне осознаваемого руководством страны, но стремительно активирующегося на наших глазах запрограммированного событиями декабря 1993 г. конституционного кризиса (бифуркационной исторической развилки), вынуждающего поставить крест либо на старой, изжившей себя Конституции, либо на стране. Из-за меньших размеров в сравнении с СССР автоматического запуска данного процесса внутри себя РФ не пришлось ждать и 70 лет. Но есть и положительный момент политизации русского вопроса – осознание руководством страны невозможности сохранения конституционного статуса-кво и инициирование им широкой общественной дискуссии по поиску путей выхода из правового тупика, переходу от столетней антинаучной политики искусственного «конструирования национальной идентичности» [37, с. 55] к политике ее официального признания.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

Мононациональное государство как мировая практика решения национальных проблем

Чем русские, как самая многочисленная и государствообразующая нация, создавшая самую большую страну, хуже других государствообразующих народов мира? Почему русские не вправе самоопределиться и написать в Конституции созданной ими страны, как написано в Конституциях других стран, например соседки Украины: «Р. 1. Ст. 13. Земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы ее континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны являются объектами права собственности Украинского народа. От имени Украинского народа права собственника осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах, определенных настоящей Конституцией»[13]? И это есть общепризнанная мировым сообществом общечеловеческая демократическая практика. Вот лишь несколько примеров.

В преамбуле конституции Республики Армения говорится: «Армянский народ, принимая за основу фундаментальные принципы армянской государственности и общенациональные цели, закрепленные в Декларации о независимости Армении, осуществив священный завет своих свободолюбивых предков о восстановлении суверенной государственности, будучи приверженным делу укрепления и развития Родины во имя обеспечения свободы, общего благосостояния, гражданского согласия для потомков, подтверждая свою верность общечеловеческим ценностям, принимает Конституцию Республики Армения»[14].

В Основном Законе Германии, в которой немцев не 99 %, а около 90 %, сказано: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный желанием служить делу мира во всем мире в качестве равноправного члена в объединенной Европе, немецкий народ в силу своей учредительской власти дал себе настоящий Основной закон. Немцы в землях Баден-Вюртемберг, Бавария, Берлин… [далее идет перечисление всех немецких земель] достигли путем свободного самоопределения единства и свободы Германии. Тем самым настоящий Основной закон действует для всего немецкого народа»[15].

Основной закон демократического Израиля, где евреи составляют лишь 74 % населения (что в процентном отношении меньше, чем русских в РФ), а около 26 % – арабы, арамеи, армяне, друзы, копты, самаритяне, черкесы и мн. др., гласит: «Израиль – национальное государство еврейского народа. Ст. 1. Основные принципы: (алеф) Эрец-Исраэль (Страна Израиля) есть историческая Родина еврейского народа, в которой родилось Государство Израиль. (бет) Государство Израиль есть национальное государство еврейского народа, в котором он реализует свое естественное, культурное, религиозное и историческое право на самоопределение. (гимель) Реализация права на национальное самоопределение в Государстве Израиль принадлежит исключительно еврейскому народу»[16].

В Конституции Французской Республики: «Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета»[17] (далее по тексту говорится о французах, которые составляют около 80 % населения Франции, а остальные 20 % населения, представляющие нацменьшинства страны (бургунды, бретонцы, корсиканцы, нормандцы, фламандцы, эльзасцы и др.), в Конституции демократической Франции никак не упоминаются.

Вводный раздел испанской Конституции констатирует, что «национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от которого исходят полномочия государства… Политической формой испанского государства является парламентарная монархия… Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, единой и неделимой для всех испанцев Родине»[18]. Как и во французской Конституции, в Конституции королевства Испании говорится только о государствообразующем народе – испанцах (около 75 % всего населения), и ни о каталонцах, ни басках, ни о галисийцах и прочих национальных меньшинствах (около 25 % населения Испании) ничего не сказано.

В демократической Конституции Турецкой Республики, настойчиво стремящейся в Евросоюз, речь идет исключительно о государствообразующей турецкой нации (75 % населения) и нет ни слова о курдах, армянах, греках, сирийцах, арабах, евреях и прочих проживающих в Турции, но не наделенных статусом нации народах (около 25 % населения), вот что заявлено в ее преамбуле: «В соответствии с концепцией национализма… настоящая Конституция, которая утверждает вечное

[13] Конституция Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141. Режим доступа: https://rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

[14] Конституция Республики Армения. Принята референдумом РА 05.07.1995, с изм. от 06.12.2015. Режим доступа: https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения: 17.02.2020).

[15] Основной Закон Федеративной Республики Германии (23.05.1949). Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation (дата обращения: 17.02.2020).

[16] Основной закон Государства Израиль (по состоянию на 19.07.2018). Режим доступа: https://main.knesset.gov.il/RU/activity/pages/basiclaw.aspx?LawId=13 (дата обращения: 17.02.2020).

[17] Конституция Французской Республики (04.10.1958). Режим доступа: https://study.shmat.by/konstitutsiya-frantsii-ot-4-oktyabrya-1958-goda/ (дата обращения: 17.02.2020).

[18] Конституция королевства Испании (27.12.1978). Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/004/082/15.htm (дата обращения: 17.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

существование Турецкой нации и Родины, а также неделимое единство Турецкого государства, воплощает: понимание абсолютного верховенства воли нации и того факта, что суверенитет полностью и безусловно принадлежит Турецкой нации, а также того, что никакое лицо или орган, уполномоченные осуществлять этот суверенитет от имени нации, не должны выходить за рамки либеральной демократии и правового строя… никакие взгляды и убеждения не должны противопоставляться национальным интересам Турции, принципу неразрывного единства турецких граждан со своей страной и территорией, историческим и духовным ценностям Турции или национализма, принципам, реформам и преобразованиям Ататюрка… все турецкие граждане объединены национальной честью и гордостью, в национальной радости и печали, в их правах и обязанностях по отношению к национальному существованию»[19]. В «Разд. 4. Политические права и обязанности I. Турецкое гражданство Ст. 66.» заявлено, что «Ребенок от отца-турка и матери-турчанки – турок. Гражданство ребенка, отец которого иностранец, а мать турчанка, определяется в соответствии с законом»[20] и т. д.

Аналогичным методом, т. е. путем создания численно доминирующим государствообразующим титульным этносом мононационального государства, национальный вопрос решается в либеральной Швейцарии, Швеции, Японии и др. передовых демократических державах Европы и Азии.

Заключение

Анализ исторической ретроспективы с целью определения максимально выигрышной в ракурсе развития правовой перспективы точки отсчета современной российской государственности не оставляет СССР никаких шансов и, напротив, дает их России (Российской Республике), провозглашенной Постановлением Временного Правительства 1 сентября 1917 г. после отречения Императора.

Мировая конституционная нациестроительная практика и весь исторический опыт человечества подтверждают смелый тезис судьи Конституционного Суда РФ К. Арановского к Постановлению № 39-П/2019 от 10 декабря 2019 г. о необходимости скорейшего избавления России от тоталитарных антиправовых тенденций прошлого и восстановления попранного в результате насильственного свержения законной государственной власти в октябре 1917 г. и незаконной ликвидации государства Россия (путем провозглашения нелегитимного РСФСР) в июле 1918 г. права русского народа на национальное самоопределение и суверенитет в границах созданной им страны – России.

Сохранение территориальной целостности РФ невозможно без реформы ее территориального устройства, без отказа от принципа национально-территориального деления. Безболезненно осуществить столь радикальную реформу без риска сепаратистского распада страны по границам национальных республик государственное руководство может только при полной поддержке этой реформы абсолютным большинством населения. В конкретных современных условиях такое большинство нельзя получить иначе, кроме как напрямую, четко и недвусмысленно обратившись за поддержкой к этому абсолютному государствообразующему большинству, вызвав его из политического небытия, громко назвав по имени и открыто опершись на него.

Для сохранения собственной территориальной целостности РФ должна «перестать быть РФ» и вернуться к русской мононационально-суверенной унитарности образца России сентября 1917 г. Если этого не сделать, государствообразующий народ, считающий страну многонациональной, а значит, «не своей» страной, будет снова хранить молчание при ее распаде, как в 1991 г., и не будет за нее сражаться под триколором, как сражался в 1918–1922 гг. Обратиться к государствообразующему народу необходимо не только на словах, но и на деле, в формате уже запущенной конституционной реформы.

В ходе диалога власти с обществом предлагаются многочисленные поправки к старой «ельцинской» Конституции, а между тем безболезненный выход из конституционного кризиса существует только один: новая Конституция России, подтверждающая государствообразующий статус русского народа, как подтверждает статус своего государствообразующего народа Основной Закон других стран (Израиля, Украины, Германии и др.).

В фундамент итогового, выносимого на Всенародный Референдум проекта Основного Закона необходимо заложить семь ключевых, модернизированных применительно к современности принципов, на которых более тысячелетия назад началось возведение государства российского и без которых существование России в долгосрочной перспективе невозможно.

Первый принцип: о юридическом признании существующего де-факто мононационального и государствообразующего статуса самого многочисленного в России и создавшего Россию Великого русского народа, за которым на этом основании конституционно закрепляются права на суверенитет на всей ее территории и обязанности единственного полновластного хозяина страны, осуществляющего в ней всю полноту государственной власти.

Второй принцип: о признании гражданами России всех этнических русских и представителей всех коренных народов России, независимо от наличия российского паспорта и страны их проживания. Биологическая принадлежность к государствообразующему народу России либо к коренным народностям России (исторически проживающим

[19] Конституция Турции (Турецкой Республики) (07.11.1982). С. 2. Режим доступа: https://legalns.com/download/books/cons/turkey.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

[20] Там же. С. 27.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

в составе Руси, Российской Империи, России и не имеющих своих государств за пределами исторической России) как незыблемое юридическое условие предоставления российского гражданства.

Третий принцип: о биометрическом ДНК-тестировании репатриантов (в случае отсутствия информации, подтверждающей национальный гражданский статус въезжающего) как маркере подтверждения российского гражданства, аналогично процедуре репатриации и получения гражданства в демократическом Израиле.

Четвертый принцип: о русском ирредентизме (стремлении государства к восстановлению и незыблемости исторических границ России по состоянию до 30 марта 1867 г., присовокупляя земли, вошедшие в состав страны по праву меча, исходя из принципа Императора Всероссийского Николая I: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен!», по итогам победы русского народа над иностранными агрессорами во Второй мировой войне), и процедуре вхождения государств в состав России по примеру Крыма, но на правах не республик, а группы областей. На ирреденте «русского пространства» и «изначальной евразийской миссии, являющейся высшей формой русского мессианства», выраженной в проекте и историческом императиве построения Евразийского Союза [19, с. 24], базируется новая Государственная идеология России – Русский Мир. Поскольку «Россия может быть или Великой, или никакой» [20].

Пятый принцип: о более устойчивом и тысячелетиями проверенном унитарном[21] территориальном устройстве России, основанном на чисто экономическом (а не национальном или лингвистическом) административно-территориальном делении страны на 40–50 макрорегионов, областей или штатов, как планировал еще Ю. В. Андропов в 1983 г.[22] Экономическое деление страны на стирающие национальные границы области ликвидирует дисбаланс отношений между Центром и регионами, снизит этнокультурную разнородность регионов и покончит с дисбалансом их экономического развития, когда только 20 из 85 субъектов РФ экономически самостоятельны [11, с. 96]. Возможно сохранение земского федерализма в форме большей самостоятельности штатов, как в США, но без национально-административного деления, без национально-территориальных автономий, как предлагает А. Н. Севастьянов [22].

Шестой принцип: о союзническом правовом статусе братских национальных меньшинств, как имевших ранее свою государственность в пределах границ России, так и не имевших таковой (в случае вхождения их национального государства в состав России), о их праве на этнокультурную, но не территориальную автономию (они должны быть равноправны, но не должны иметь даже формального национального превосходства над государствообразующим народом в виде собственных национальных республик, государственных привилегий, особых национальных квот, преимуществ в уровне зарплаты, распределении средств госбюджета в сравнении с русскими регионами и т. п.).

Седьмой принцип: о благоденствии (благосостоянии) русского народа[23] как русской национальной идее, цели и смысла существования Российского государства, т. к. если хорошо будет русским – будет хорошо всем, и наоборот: если русским (т. е. 80 % граждан) будет плохо, ни одно нацменьшинство в России не сможет жить спокойно.

Возвращение России исконно русского и изначально задуманного ее первосоздателями исторического самоназвания – Великая Русь – точнее и предпочтительнее любых других позднейших терминов и аббревиатур, образованных на основе иностранного византийского термина «Рос» и «Росия» (страна росов), которым византийцы называли русов по причине отсутствия в греческом языке буквы «у» (*ипсилон* читался как «ю»). Без восстановления изначального традиционного национального исторического названия государства не может быть никаких разговоров о полноценном русском суверенитете. Интересно, что даже в государственном гимне интернационально-русофобского сталинского СССР существовали такие слова: «сплотила на веки Великая Русь». И в наши дни в международной практике повсеместно используются термины на основе корня «rus», а не «ros». Любая конституция, не упоминающая о русских в стране, где 80 % граждан составляют русские, останется формальным документом, который подавляющая масса граждан не будет уважать, а следовательно, не будет соблюдать.

На основании вышеизложенного, пользуясь всенародным обсуждением стартовавшей в РФ конституционной реформы, в целях скорейшего эволюционного преобразования страны в наиболее оптимальное для сохранения ее территориальной целостности, эффективного функционирования и благоденствия подавляющего большинства граждан, унитарное и мононациональное государство государствообразующего русского народа, о котором пишет А. Н. Савельев [21], предлагаем: не ограничиваться исправлением старой «ельцинской» Конституции, написанной по рекомендациям американских политтехнологов из консалтингового агентства USAID, т. к.

[21] «Чем более компактной и однородной является система, тем меньше вариации политических действий внутри нее, тем больший процент граждан придерживается единого кодекса поведения, нормы которого легко передаются словом и примером, а нарушения становятся видимыми. Следовательно, облегчается применение санкций посредством жестких или мягких форм социального взаимодействия и затрудняется уклонение от санкций» [38].

[22] Гордеев Я. Москва предлагает разделить страну на 14 макрорегионов. То же предлагал и Андропов в свое время // Концептуальная площадка «ТатПолит». 27.08.2018. Режим доступа: https://tatpolit.com/politiya/moskva-predlagaet-razdelity-stranu-na.html (дата обращения: 13.02.2020).

[23] Известная политическая концепция государства всеобщего благосостояния или государства всеобщего благоденствия (англ. *Welfare state*), заложенная в основу государственной политики КНР.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

внешнее «концептуальное управление и субъектность нации, да еще в условиях ведущейся против России глобальной гибридной войны, – вещи несовместимые» [39, с. 135], а воспользоваться конституционной процедурой ст. 135.3, гл. 9, предусмотренной Основным Законом РФ для разработки новой полноценной Конституции унитарного государства, которая будет служить нам не одно столетие, как это происходит в передовых странах мира (пример: Франция и США), и на разработку которой в условиях организации всенародной дискуссии с концептуальным изложением и выслушиванием всех существующих в обществе точек зрения, с подключением к ее разработке всего спектра научных школ, от унитаристов-государственников (В. А. Ковалев [40], В. А. Ачкасов [41], В. Р. Филиппов [42]) до оппонирующих им коллег из других авторитетных научных школ, внесших серьезный вклад в развитие теории федерализма: лингвистов-полиэтнистов (учеников недавно ушедшего профессора И. Н. Гомерова [42]), инструменталистов-этнофедералистов (М. Х. Фарукшин [44; 45], Ф. Х. Мухаметшин и Г. А. Исаев [46] и Р. Г. Абдулатипов [47]).

Конституционное реформирование такой огромной страны как Россия – крайне ответственное дело, не совместимое с форсированным подходом. Разработка новой Конституции – главное событие жизни каждого участника этого процесса и может потребовать не один год.

Литература

1. Slezkine Yu. L. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
2. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003. 319 с.
3. Маркедонов С. М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1. С. 24–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40
4. Маркедонов С. М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2. С. 9–16.
5. Дурдыева А. А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3. С. 134–140.
6. Плотников Д. С. К вопросу о национальной идентичности русского народа (на примере доктрины А. Г. Дугина) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 89–97.
7. Асриев Р. В. Этнотерриториальные конфликты в современном мире: международный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 105–110.
8. Экзеков М. Х. Некоторые особенности национализма на Северном Кавказе // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 260–264. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6454
9. Снежкова И. А. Современная конфессиональная ситуация на Украине: межконфессиональные проблемы и поиски компромиссов // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 142–146. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6619
10. Петров Н. Федерализм по-российски // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 7–33.
11. Шишков В. В. Российский федерализм и его особенности в свете постимперского транзита // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 90–105.
12. Белоконев С. Ю., Титов В. В., Усманова З. Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 90–98. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98
13. Даминдарова Ф. В., Исмагилова Г. Ш. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политологическом дискурсе // Власть. 2014. № 4. С. 63–67.
14. Данилова Е. А. Великодержавность в массовом сознании россиян как внутриполитическая основа национального брендинга РФ // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 93–99.
15. Вавилова В. В., Кайгородова А. Ф., Коротаева Ю. В., Мяленко Ю. В., Панов П. В. Политизация русских меньшинств в странах постсоветского пространства // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 126–145.
16. Слизовский Д. Е., Ожиганов Э. Н., Алехнович С. О. Стратегический анализ и прогнозирование политических процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 4. С. 98–108.
17. Шульц Э. Э. Русская революция и проблема легитимности // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 1. С. 22–34.
18. Фан И. Б. Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 246–254. DOI: 10.17223/1998863X/52/22

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

19. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2019. 461 с.
20. Дугин А. Г. Русская Вещь. Очерки национальной философии. М.: Арктогея-центр, 2001. Т. 1. 624 с.
21. Савельев А. Н. Русская идеология. За что и против чего стоит бороться русским людям. 2016. Режим доступа: https://readanywhere.ru/savelev-andrej/books/russkaya-ideologiya-za%C2%A0chto-i%C2%A0protiv-chego-stoit-borotsya-russkim-lyudyam/220423/Trial (дата обращения: 29.02.2020).
22. Севастьянов А. Н. Конституция русского национального государства: к постановке проблемы. Статья первая // Вопросы национализма. 2013. № 3. С. 54–71.
23. Некрасов С. Н. А. Г. Дугин: настоящий постмодерн» // Дискурс-пи: научно-практический альманах. 2001. № 1. С. 43–52.
24. Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 249–332.
25. Ловягин Е. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // Христіанское чтение. 1882. № 9-10. Ч. II. С. 430–443. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Fotij_Konstantinopolskij/beseda_vtoraya_na_nashestvie_rossov/ (дата обращения: 08.02.2020).
26. Константинопольский Ф. Окружное послание Фотия, Патриарха Константинопольского, к Восточным архиерейским престолам, а именно – к Александрийскому и прочая // Альфа и Омега. 1999. № 3. С. 97–98.
27. Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. 240 с.
28. Beyme K. von. Die Russland-Kontroverse. Eine Analyse des ideologischen Konflikt szwischen Russland-Verstehern und Russland-Kritikern. Wiesbaden: Springer VS., 2016. 136 s.
29. Иванов А. А. «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX – начала XX вв. о лозунге «Русского возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–102.
30. Медведев Н. П. Этнос, нация и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 29–36.
31. Чернышков Д. В. К вопросу о преступном государстве // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 57–72.
32. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. 2015. Т. 23. № 4. С. 195–200.
33. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 106–110.
34. Медушевский А. Н. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 21–40. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-21-41
35. Ленин В. И. I Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов. 3–24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 261–291.
36. Бухарин Н. И. Отчет российского представителя в Исполкоме Коминтерна // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 611–615.
37. Митрохина Т. Н., Шайдуллов А. А. Политическое проектирование: некоторые аспекты проблемы проектирования гражданской идентичности в современной России // Власть. 2018. Т. 26. № 5. С. 52–58. DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5821
38. Dahl R., Tufte E. Size and Democracy. Stanford: Stanford University press, 1973. 148 p.
39. Пальцев А. И. Субъектность нации и государственная безопасность России // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 133–136. DOI: 10.31171/vlast.v27i2.6339
40. Ковалев В. А. Россия: федерализм «до востребования». Ч. 2. Опыт, проблемы и перспективы российского федерализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 4. С. 52–66.
41. Ачкасов В. А. Конфликтный потенциал этнофедерализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 2. С. 27–43.
42. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: ЦЦРИ РАН, 2003. 379 с.
43. Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ЮКЭА, 2002. 832 с.
44. Фарукшин М. Х. Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 345 с.
45. Фарукшин М. Х. Институциональные основы этнических федераций // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 103–117. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.07
46. Мухаметшин Ф. Х., Исаев Г. А. Региональный политический процесс в федеративном и социологическом измерениях. Казань: Идел-Пресс, 2002. 152 с.
47. Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства. М.: Славянский диалог, 1995. 220 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

original article

The Great Russian People as the Russian National Idea

Oleg N. Gonchar [a, @]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] olegnikolaevich43@gmail.com

Received 28.02.2020. Accepted 07.04.2020.

Abstract: The present research featured the state-forming status of the Russian people. The article focuses on the issue of fixing the legal status of Russians as the state-forming nation in the preamble to the Constitution. The research was based on a complex extrapolation modeling, comparative historical analysis, and behavioral approach. The author justified the amendments and explored domestic and foreign policy prospects for the long-overdue constitutional reforms. He introduced three possible constitutional solutions to the so-called Russian question and commented upon the opinion expressed by the judge of the Constitutional Court K. V. Aranovskiy on the state historical continuity of the Russian state. The author believes that there is no alternative to the national roadmap proclaimed by the President of the Russian Federation. However, there is a legal option to restore sovereignty by correcting the incorrigible "Yeltsin" Constitution. The country can claim its political sovereignty by adopting a new fundamental law and conducting the national Referendum on the New Constitution. The author gives evidence in favor of the spontaneous onset of the Russian irredenta in Ukraine. The denationalization of the state-forming ethnic group probably determined the collapse of the USSR and triggered the current constitutional crisis. The research also involved a geopolitical strategic analysis of various projects that proclaim the USSR and the Russian Federation the direct successors of the Russian Empire. The article features the traditional global practice of granting constitutional status to the dominant state-forming ethnic group. The analysis proved the Russian national idea as the optimal political and legal structure for solving the Russian question.

Keywords: constitutional amendments, constitutional reform, state-forming nation, national state, Russia the Great, the restoration of the USSR, Russian Republic, the Russian idea

For citation: Gonchar O. N. The Great Russian People as the Russian National Idea. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 139–155. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

References

1. Slezkine Yu. L. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism. *Slavic Review*, 1994, 53(2): 414–452.
2. Panarin I. N. *Information warfare technology*. Moscow: KSP+, 2003, 319. (In Russ.)
3. Markedonov S. M. De-facto states: the post-Soviet political phenomenon. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2018, (1): 24–40. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-24-40
4. Markedonov S. M. The post-Soviet space. Disintegration or detention. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2017, (2): 9–16. (In Russ.)
5. Durdyeva A. A. Integration dilemma within the Eurasian space in the context of the Ukrainian crisis. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2015, (3): 134–140. (In Russ.)
6. Plotnikov D. S. On the issue of the national identity of the Russian people: the case of A. G. Dugin's doctrine. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2013, (2): 89–97. (In Russ.)
7. Asriev R. V. Ethnoterritorial conflicts in the modern world: the international aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 2010, (1): 105–110. (In Russ.)
8. Ekzekov M. Kh. Some features of nationalism in the North Caucasus. *Vlast*, 2019, 27(3): 260–264. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6454
9. Snezhkova I. A. The current confessional situation in Ukraine: interfaith problems and search for compromises. *Vlast*, 2019, 27, (4): 142–146. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6619
10. Petrov N. Federalism Russian style. *Pro et Contra*, 2000, 5(1): 7–33. (In Russ.)
11. Shishkov V. V. Russian federalism and its features in the light of the post-Imperial transit. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2014, (1): 90–105. (In Russ.)
12. Belokonev S. Yu., Titov V. V., Usmanova Z. R. Russian national-state identity: facing challenges of the 21st century. *RUDN Journal of Political Science*, 2019, 21(1): 90–98. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

13. Damindarova F. V., Ismagilova G. Sh. Ethnic, supra-ethnic and civil identity in the Russian political science. *Vlast*, 2014, (4): 63–67. (In Russ.)
14. Danilova E. A. Greatpowerness in the mass consciousness of Russians as an internal political basis of the Russian Federation national branding. *Vlast*, 2017, 25(9): 93–99. (In Russ.)
15. Vavilova V. V., Kaigorodova A. F., Korotaeva Yu. V., Mialenko Yu. V., Panov P. V. Politicization of Russian minorities in the post-Soviet countries. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2014, (1): 126–145. (In Russ.)
16. Slizovskiy D. E., Ozhiganov E. N., Alekhnovich S. O. Strategic analysis and prognosis of political processes. *RUDN Journal of Political Science*, 2008, (4): 98–108. (In Russ.)
17. Shults E. E. The Russian revolution and the problem of legitimacy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 12. Politicheskie nauki,* 2017, (1): 22–34. (In Russ.)
18. Fan I. B. The Western European model of national citizenship in Russian conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, (52): 246–254. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/52/22
19. Dugin A. G. *Novomedia: wars of the mind. Russian Logos I. The Kingdom of the earth. Structure of Russian identity.* Moscow: Akademicheskii proekt, 2019, 461. (In Russ.)
20. Dugin A. G. *Russian Thing. Essays on national philosophy*. Moscow: Arktogeia-tsentr, 2001, vol. 1, 624. (In Russ.)
21. Saveliev A. N. *Russian ideology. What should the Russian people fight for and against?* 2016. Available at: https://readanywhere.ru/savelev-andrej/books/russkaya-ideologiya-za%C2%A0chto-i%C2%A0protiv-chego-stoit-borotsya-russkim-lyudyam/220423/Trial (accessed 29.02.2020). (In Russ.)
22. Sevastyanov A. N. Constitution of the Russian national state: problem statement. Article one. *Voprosy nastionalizma,* 2013, (3): 54–71. (In Russ.)
23. Nekrasov S. N. A. G. Dugin: the real postmodern. *Discourse pi: scientific and practical almanac*, 2001, (1): 43–52. (In Russ.)
24. Latyshev V. V. News of ancient writers, Greek and Latin, about Scythia and the Caucasus. *Vestnik drevney istorii,* 1947, (2): 249–332. (In Russ.)
25. Loviagin E. Two conversations of his Holiness Patriarch Photius of Constantinople on the Russian invasion of Constantinople. *Hristianskoe chtenie*, 1882, (9-10, pt. II): 430–443. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Fotij_Konstantinopolskij/beseda_vtoraya_na_nashestvie_rossov/ (accessed 08.02.2020). (In Russ.)
26. Konstantinopolsky F. District message of Photius, Patriarch of Constantinople, to the Eastern Episcopal sees, namely, to the Alexandrian see and others. *Alfa and Omega,* 1999, (3): 97–98. (In Russ.)
27. Sakharov A. N. *Svyatoslav's diplomacy.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1982, 240. (In Russ.)
28. Beyme K. von. *Die Russland-Kontroverse. Eine Analyse des ideologischen szwischen Konflikt Russland-Verstehern und Russland-Kritikern*. Wiesbaden: Springer VS., 2016, 136.
29. Ivanov A.A. "Russia for Russians": pro et contra. Right wingers and nationalists of the late XIX – early XX century on the slogan "Russian Renaissance". *Tribuna russkoi mysli,* 2007, (7): 92–102. (In Russ.)
30. Medvedev N. P. Ethnos, nation and politics. *RUDN Journal of Political Science,* 2012, (2): 29–36. (In Russ.)
31. Chernyshkov D. V. Concerning the criminal state. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2017, (3): 57–72. (In Russ.)
32. Tjurin E. A., Savinova E. N. National style of the development of the political process in modern Scotland: about the Scottish identity. *Vlast*, 2015, 23(4): 195–200. (In Russ.)
33. Lenin V. I. To the national pride of the great Russians. *Complete Works*, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1969, vol. 26, 106–110. (In Russ.)
34. Medushevsky A. N. The constitution and social demand for change in contemporary Russian society. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie,* 2019, (1): 21–40. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-21-41
35. Lenin V. I. I All-Russian Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies. June 3–24 (June 16 – July 7) 1917. *Complete Works*, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1969, vol. 32, 261–291. (In Russ.)
36. Bukharin N. I. Report of the Russian representative in the Executive Committee of the Comintern. *The Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923. Verbatim report*. Moscow: Politizdat, 1968, 611–615. (In Russ.)
37. Mitrokhina T. N., Shaydullov A. A. Political design: some aspects of the problem of designing civil identity in modern Russia. *Vlast*, 2018, 26(5): 52–58. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v26i5.5821
38. Dahl R., Tufte E. *Size and Democracy*. Stanford: Stanford University press, 1973, 148.
39. Paltsev A. I. The subjectness of the nation and the state security of Russia. *Vlast*, 2019, 27(2): 133–136. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v27i2.6339
40. Kovalev V. A. Russia: federalism "oste restante". P. 1. Experience, problems and prospects of the Russian federalism. *Political Expertise: POLITEX*, 2011, 7(4): 52–66. (In Russ.)
41. Achkasov V. A. Conflict potential of ethnic federalism. *Political Expertise: POLITEX*, 2008, 4(2): 27–43. (In Russ.)
42. Filippov V. R. *Criticism of ethnic federalism.* Moscow: TsTsRI RAN, 2003, 379. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155

43. Gomerov I. N. *The state and state power: prerequisites, features, structure.* Moscow: IUKEA, 2002, 832. (In Russ.)
44. Farukshin M. Kh. *Ethnicity and federalism.* Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2013, 345. (In Russ.)
45. Farukshin M. Kh. Institutional foundations of ethnic federations. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, (2): 103–117. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.02.07
46. Mukhametshin F. Kh., Isaev G. A. *Regional political process in Federal and sociological dimensions.* Kazan: Idel-Press, 2002, 152. (In Russ.)
47. Abdulatipov R. G. *Paradox of sovereignty: perspectives of a person, nation, state.* Moscow: Slavianskii dialog, 1995, 220. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

оригинальная статья
УДК 325 (297.17)

Проблема идентичности и транскультурность в работах Сейран Атеш

Альбина В. Михалева [a, @, ID]

[a] Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Россия, г. Пермь
[@] mialba@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-0075-9714

Поступила в редакцию 13.02.2020. Принята к печати 24.03.2020.

Аннотация: Пройдя длительный путь общественных дебатов о ляйткультуре и мультикультурализме, Германия сегодня вновь оказалась перед проблемой поиска объединяющей идентификационной модели для немцев с учетом иммиграционного компонента. В данной публикации предлагается рассмотреть общественно-политические взгляды женщины-имама и основательницы Либеральной мечети в Берлине Сейран Атеш по вопросам культурной идентичности, ляйткультуры и интеграции в Европе. Автор опирается на биографический метод и метод текстового анализа источников, в качестве которых выступают монографии, статьи и интервью немецкой активистки. В результате проведенного анализа обнаруживается иерархическая двухкомпонентная структура идентичности с приоритетом европейской ляйткультуры. Сделан вывод, что несмотря на декларативную приверженность транскультурному подходу, С. Атеш склоняется к простому смешению культур. Процесс сближения мигрантов и принимающего общества, который она не хочет описывать в терминах интеграции, не получает иных концептуальных рамок и остается теоретически не проясненным. Можно лишь догадываться о его составляющих из рассуждений о транскультурной идентичности. Однако простое сосуществование в разных культурных ипостасях содержательно не раскрывает процесс трансформации на субъектном уровне, а оставляет ощущение культурного хаоса.

Ключевые слова: транскультурная идентичность, мультикультурализм, ляйткультура, интеграция, мигранты, Германия

Для цитирования: Михалева А. В. Проблема идентичности и транскультурность в работах Сейран Атеш // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 156–164. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

Введение

Пройдя длительный путь общественных дебатов о ляйткультуре[1] и мультикультурализме, Германия на фоне демографических и этнокультурных трансформаций последних лет сегодня вновь оказалась перед проблемой сохранения своей идентичности. Как отмечает немецкий политолог Б. Тиби, вопрос сохранения цивилизационной идентичности Европы и Германии, в частности, напрямую зависит от умелого сочетания евроислама и ляйткультуры в одном политическом концепте, что добавляет особую остроту протекающим дискуссиям о культурном разнообразии в немецком обществе[2]. Не смогла остаться в стороне от общественных дебатов и немецкая активистка, основатель Либеральной мечети в Берлине Сейран Атеш, активно выступающая за просвещенный, либеральный ислам. Позиция светских, секуляризованных мусульман представляет особый интерес с точки зрения выстраивания потенциальных контактов между принимающим обществом и людьми с миграционным прошлым. Именно такие «послы из параллельного мира»[3], как называют С. Атеш, подогревают общественные дискуссии и задают неудобные вопросы себе и своим оппонентам: «мы можем обустроить будущее и спросить себя, какую культуру, какую родину, какой мир мы хотим иметь в изменившихся условиях. Что мы сохраняем и что мы можем и хотим изменить» [1, S. 47].

В данной публикации предлагается рассмотреть общественно-политические взгляды С. Атеш по вопросам культурной идентичности, ляйткультуры и интеграции в Германии. Дополнительную ценность работе придает тот факт, что данная проблематика в интерпретации мусульманских активисток Европы еще не получила должного освещения в научной литературе. Интерес к общественной деятельности С. Атеш в зарубежной

[1] Ляйткультура – одно из ключевых понятий общественно-политических дискуссий в ФРГ последние двадцать лет. Термин был введен немецким политологом Бассамом Тиби в 1996 г. и использовался для описания ценностного консенсуса в отношении ряда обязательных европейских стандартов и норм, таких как светская демократия, приоритет разума перед религией, плюрализм и толерантность.

[2] Tibi B. Der Anteil Muslime an der europaeischen Bevoelkerung wird weiter wachsen: Wie will Europa damit umgehen? // Neue Zuercher Zeitung. 05.07.2019. Режим доступа: https://www.nzz.ch/feuilleton/willkommenskultur-islam-und-muslime-in-europa-wie-weiter-ld.1493390 (дата обращения: 21.08.2019).

[3] Wefing H. Seyran Ates: Aetsch, ich darf stolz sein // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 01.02.2006. Режим доступа: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/seyran-ates-aetsch-ich-darf-stolz-sein-1306268.html (дата обращения: 12.09.2019). Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

академической среде появился в 2007–2008 гг. С этого времени ее имя постоянно упоминается в научных исследованиях по исламскому феминизму и гендерной проблематике, например в дебатах о платке [2–7], реже – о немецкой идентичности [8, S. 88]. В российской академической среде имя С. Атеш впервые прозвучало несколько лет назад и до сих пор знакомо лишь узкому кругу исследователей [9–13]. Однако все упомянутые российские и зарубежные работы ограничиваются либо упоминанием имени немецкой активистки, либо краткой характеристикой ее взглядов или отдельных инициатив без содержательного анализа предлагаемых ею наработок. Однако сегодня, в условиях непростой идентификационной картины в усложняющихся поликультурных обществах, возникает необходимость детального изучения теоретических наработок западных активистов в этом направлении.

В основу работы положены качественные методы исследования: биографический подход и метод текстового анализа источников – монографий, статьей и интервью немецкой активистки. Биографический анализ позволил понять исходные условия жизненного пути С. Атеш, отследить развитие приобретенных ею установок, а также их трансформацию в зависимости от жизненных обстоятельств и социального окружения.

Борьба за идентичность Сейран Атеш

Поскольку каждого индивида отличает «временная последовательность его вхождения в орбиту социетальной диалектики» (П. Бергер), первичная социализация является наиболее важным этапом когнитивного обучения и эмоционального становления личности, в процессе которого корректируются базовые ценностные установки, в том числе относительно того или иного типа социальных действий. Значительное влияние на становление С. Атеш оказала контрастность социокультурных традиций ее внешнего окружения.

Немецкая активистка родилась в 1963 г. в Стамбуле (Турция) в рабочей семье курдско-турецкого происхождения и с 6 лет проживает в Берлине (ФРГ), куда ее родители переехали в поисках работы. Детские годы запомнились ей множеством конфликтных ситуаций внутри семьи, которые затрагивали ролевые, статусные, финансовые и идентификационные вопросы. Например, Сейран наблюдала конфликтную идентичность отца, его попытки скрыть свое курдское происхождение [14, S. 16]. В эти годы она осознала свою этническую и религиозную идентичность, наметились потенциальные линии будущих противоречий, но Сейран не испытывала явных идентификационных неудобств. Это время в ее жизни можно назвать периодом относительного идентификационного комфорта.

На следующем этапе, наблюдая непростую ситуацию в семье, она все больше отдалялась от родных – формировалось протестное поведение подростка. С 6 класса при выборе школы для дальнейшего обучения она учитывала и критерий продолжительности ежедневных занятий, чтобы как можно меньше времени проводить дома [14, S. 80]. На этом этапе она восхищалась стилем жизни и ценностями немецких одноклассников, их свободой, а пребывание в доме родителей приравнивала к заключению в тюрьме [14, S. 80]. Позже в автобиографии она описала один день своей жизни со сменой нескольких идентичностей: утреннее пробуждение турчанки, нейтральное самовосприятие на пути до школы и немка в стенах школы [14, S. 80]. Сейран научилась мимикрировать и менять свою идентичность в зависимости от обстоятельств. Она не хотела иметь ничего общего с турками и турчанками. Они казались ей слишком отсталыми и этническими [14, S. 89]. А все происходящее за закрытыми дверями в турецком кругу казалось ей лживым и неприличным [14, S. 95]. Данный период ее жизни можно назвать периодом внутреннего противоборства двух идентичностей.

В возрасте 17 лет Сейран решилась на открытый разрыв с семьей с твердым убеждением в невозможности дальнейшего воссоединения [14, S. 104]. Однако затем последовало возвращение домой и повторный уход в «счастливую» немецкую реальность [14, S. 128]. В течение четырех лет после переезда Сейран вела двойную жизнь, которую она назвала «метанием между двумя мирами» [14, S. 73] или «изнурительным шпагатом» [14, S. 130].

Внешним обстоятельством, которое изменило ее привычный уклад и вернуло к семье, стал теракт в сентябре 1984 г., после которого Сейран по физиологическим причинам разорвала отношения с другом и переехала к родителям.

В 24 года после улучшения физического состояния С. Атеш вновь ушла из семьи и решила начать самостоятельную жизнь в Берлине [14, S. 197] без контроля близких и обязательств перед ними. Это стало временем познания себя, своих интересов, знакомством с внешним миром и альтернативным жизненным стилем.

С этого момента и на протяжении всех 1990-х гг. вопросы этнокультурной идентичности никоим образом не отражены в записях Сейран. Это был период профессионального самоутверждения: обучение на юридическом факультете, сдача профессиональных экзаменов, начало карьерного пути в качестве адвоката, правозащитницы и феминистки.

Долгое время ее логика самовосприятия реализовывалась в рамках двухкомпонентной схемы этнокультурной идентичности – турчанки и немки, что подтверждают рассуждения и выдержки из ее автобиографии, переизданной в 2006 г.

Транскультурный подход vs. мультикультурализм

Зарекомендовав себя в профессиональном поле, С. Атеш стремилась расширить спектр своей деятельности и обратилась к политической практике. С 2006 г. в качестве

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

приглашенного эксперта она принимает активное участие в работе Исламской конференции Германии, регулярно общается с немецкими политиками, в результате чего у нее происходит корректировка целевых установок и теоретических парадигм. В это же время в ее книге «Мультикультурная ошибка» появляется термин *транскультурность* и рассуждения о сдвиге общественных дискуссий в сторону транскультурности: «Я думаю сегодня, что реальность этого концепта устарела и мы, не использовав возможности мультикультурного общества, находимся на пути к обществу, которое более точно обозначается как "транскультурное"» [15, S. 267].

По мнению С. Атеш, мультикультурный подход – это ошибочный путь: «Мультикультурализм, который принимает и поддерживает большинство авторитарных мировоззрений, в конечном итоге – это путь к социальной катастрофе»[4].

Взамен мультикультурности для описания актуальных общественных процессов С. Атеш предлагает использовать концепцию транскультурности. Понятие и концепт С. Атеш взяла из работ немецкого философа В. Вельша, который представил его в 1990-х гг. Согласно этому подходу, транскультурность как пересечение различных культур всегда существовала и раньше, но сегодня приобрела иной масштаб. Культура не является автономным гомогенным явлением, а постоянно трансформируется и впитывает чужеродные культурные коды. При этом границы культур не совпадают с территориальными границами. На субъектном уровне индивид трактуется как культурный гибрид со смешанной идентичностью, поэтому и транскультурная идентичность – не единообразное понятие, а уникальное в субъектном измерении явление.

С. Атеш не дополняет предложенную теорию, а оперирует наработками предшественников и повторяет их основные положения о неповторимости субъектной идентичности [1, S. 105, 112], отсутствии чистоты культуры [1, S. 101] и смешанной природе идентичности [1, S. 102–103, 105].

Согласно представленной концепции, недостатки мультикультурности заключаются в простом признании разности культур, понимании культуры как автономного культурного ядра, а общества – как совокупности гетерогенных культурных групп на фоне слабого межкультурного обмена. Напротив, транскультурность призвана выстроить новую общность через понимание друг друга независимо от культурных отличий. В результате мы получаем не изоляцию отдельных граждан и групп, а преодоление культурных границ, активную коммуникацию представителей разных культур для поиска объединяющих элементов, что становится необходимым условием успешной коммуникации, воспитания и обучения. Иначе говоря, транскультурность снимает напряженность и эмоциональный накал процесса интеграции, делая ставку на взаимоизменения обеих сторон.

В структурном отношении транскультурная идентичность представляет собой некий новый продукт, полученный из смешения различных культур. Конкретизируя иерархию взаимоотношений культур, С. Атеш добавляет, что там, где возникают противоречия, приоритетом должна стать культура принимающей страны [15, S. 3358], именно это вправе требовать принимающее общество от мигрантов.

Между тем С. Атеш не всегда и не везде придерживается выше приведенных тезисов. Очень часто она оперирует понятием *мультикультурное общество* и использует его в позитивном ключе. Часто в рассуждениях она опускает приоритет культуры принимающего общества, например, оправдывая неисполнение национального гимна немецким футболистом М. Озилем в 2012 г. или защищая существование параллельных обществ [1, S. 94].

Этнокультурная самоидентификация Сейран Атеш в 2000-е гг.

Непоследовательность С. Атеш во взглядах на природу культурного взаимодействия в современных обществах объясняется отчасти накалом общественно-политических дебатов в Германии относительно оптимальной модели принимающего общества с учетом инокультурного компонента, а также многообразием обсуждаемых теоретических парадигм по его включению. На этом фоне обращение к этнокультурной самоидентификации немецкой активистки позволяет выявить используемые ею теоретические рамки на персональном уровне.

В автобиографии, вышедшей в 2006 г., она пишет: «Я говорю, воспринимаю, думаю и мечтаю на двух языках, и я несу отпечаток двух культур, которые похожи, дополняют друг друга, а также противоречат друг другу. Это делает меня разностороннее и более открытой для других культур» [14, S. 250]. В 2013 г. она продолжает эту мысль: «Все же я турчанка и немка» [1, S. 8]. Аналогичным образом в двухкомпонентном ключе С. Атеш рассуждает о своей западной и восточной идентичности в 2017 г.: «Я – две стороны, верующая и феминистка, просвещенная и отчасти очень традиционная, Восток и Запад. Многие люди, которые родом из Турции, знают это» [16, S. 194]. При этом курдскую идентичность отца она опускает в силу семейных причин: «Даже если я не была больше турецкой подданной, я и дальше была все же турчанкой и немкой. Моя мать турчанка, мой отец ассимилированный курд. Я не могу утверждать, что обладаю курдской идентичностью... Я не хочу потерять турецкую культуру и идентичность, как мой отец и мы, дети, потеряли курдскую часть нашей идентичности» [1, S. 21–22].

[4] Ates S. Die in klassischen Einwandererlaendern … 16.07.2019. Режим доступа: https://web.facebook.com/SeyranAtesBerlin/posts/481659282620474?_rdc=1&_rdr (дата обращения: 09.09.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

Параллельно в книге 2013 г. С. Атеш пишет о себе как о носителе транскультурной идентичности: «После уже описанных попыток исключения как с немецкой, так и с турецкой стороны мне взрослой стало однажды ясно, что я больше не обладаю никакой турецкой идентичностью, которая позволяет аккуратно отгородиться от моей немецкой идентичности, приобретенной в Германии, что я развила турецко-немецкую смешанную идентичность, что я обладаю не мультикультурной, а транскультурной идентичностью» [1, S. 102–103].

В структурном отношении этнокультурная идентичность С. Атеш реализуется в бикультурной схеме. Многокомпонентность своей идентичности она воспринимает не как конфликт, а как обогащение [14, S. 250].

В рассуждениях о значимости отдельных компонентов идентичности и их иерархии С. Атеш обращается к истории мигрантских волн в Германии. У первого поколения мигрантов преобладала культура страны-происхождения и они были закрыты для немецкой культуры. Во втором поколении между мигрантами наметился раскол: одна часть из них выступала за национальную идентичность, против германизации, другая – за транскультурную идентичность. У третьего и четвертого поколения мигрантов, на ее взгляд, самые большие идентификационные проблемы: они оказались без родины и без корней [1, S. 108]. Подобные рассуждения С. Атеш косвенно описывают: 1) ассимиляционные процессы в мигрантской среде, 2) многовариантность идентификационных стратегий при внешне схожих условиях. При этом С. Атеш ставит под сомнение качественную сторону своего турецкого наследия: «Турецкую культуру, мы, дети второго и третьего поколения, к сожалению, недостаточно хорошо знаем, чтобы мы ее действительно могли передать. Наш турецкий также не настолько хорош» [14, S. 215]. Однако это не мешает ей говорить о равнозначной идентификации с Турцией и Германией [1, S. 43]. Очевидно, что валентность отдельных культурных компонентов может быть не равнозначной в соотношении с другими культурными составляющими. Однако более подробных рассуждений в этом направлении в текстах найти не удалось. Можно предположить, что соотношение и значение отдельных идентификационных компонентов остается на усмотрение иммигранта.

Ключевые критерии этнокультурной идентичности

Актуальное содержание идентичности не статично, с течением времени могут меняться как структурные модели, так и содержательное наполнение ее отдельных элементов. В связи с этим особый интерес вызывает система этнодифференцирующих признаков этнокультурной идентичности в интерпретации немецкой активистки.

В определении основополагающих маркеров культурной идентичности С. Атеш активно выступает против традиционных подходов. Она открыто заявляет, что *кровь* и *земля* давно утратили свое значение [1, S. 31], и призывает создать новые маркеры идентичности [1, S. 46]. Однако эта позиция не мешает ей параллельно утверждать: «Происхождение человека несомненно важно» [16, S. 211], или в рассуждениях о религиозной идентичности: «Я остаюсь верной моей религии, так как я в ней рождена» [16, S. 191].

Одним из значимых критериев идентичности для С. Атеш является понятие *родины*, но родина не по рождению, а выбранная родина. С. Атеш не признает родину по крови и земле, подчеркивает, что родин может быть несколько, а потому это многокомпонентное явление [1, S. 27]. Несмотря на утверждение многокомпонентности, немецкая активистка предлагает только два понятия родины – родина (*Heimat*) и выбранная родина (*Wahlheimat*), подразумевая, что многовариантность касается последнего термина. В ее случае эти два понятия равнозначны: «Я идентифицирую себя и с Турцией, и с Германией в равной степени» [1, S. 43]. А ощущение родины складывается «из опыта и воспоминаний, из языков, на которых я говорю, из моих эмоций от ландшафтов, музыки, литературы, искусства, от всей культуры, которую я переживаю, от жизни, которую я веду» [1, S. 27–28]. Родина становится инклюзивным, как она сама отмечает, а не эксклюзивным понятием [1, S. 29]. Географические координаты при определении родины отходят на второй план, теряют свою значимость, поскольку ощущение родины может возникать в разных географических точках и иметь ситуативный характер. По этому поводу она любит говорить: «я принадлежу тому, где я сейчас нахожусь» [14, S. 250].

Помимо указанных критериев родины и идентичности для С. Атеш крайне важны и значимы понятия социальной и политической включенности в общественные процессы [1, S. 44]. Примечательно, что последний критерий в определении родины в ее случае применительно к Турции не срабатывает. Тем не менее это не меняет ее ощущение родины.

Гражданство и паспорт, по мнению С. Атеш, не могут выступать критериями идентичности [1, S. 22], поскольку нация как политико-экономическое явление исчезает [1, S. 90], уходит в прошлое [1, S. 112], а идентичность вышла на наднациональный уровень. В целом о сегодняшнем дне она пишет как о «наднациональной эпохе» [1, S. 93]. Политика становится все более мультинациональной. Государства все больше и больше отказываются от национальных претензий и объединяются в сообщества государств, как ЕС, с наднациональным законодательством, внешней и экономической политикой. Тем более термин *нация* не годится для интеграционных процессов в Германии с ее историческим прошлым.

Основными критериями в определении идентичности у С. Атеш становятся эмоциональные ощущения субъекта, и несмотря на декларативные утверждения, по факту не утратили свое значение и некоторые из традиционных маркеров – язык, место рождения, семейные традиции.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

Ляйткультура

Включившись в концептуальную дискуссию о мультикультурности, С. Атеш не смогла обойти своим вниманием еще один ключевой для дебатов 2000-х гг. термин – ляйткультура. Она не отрицает правомерность его использования, только предлагает переосмыслить в новом ключе: не в духе немецкой ляйткультуры, предложенной немецким политиком Ф. Мерцем [15, S. 3988], а скорее, как европейская ляйткультура, с общими ценностями и универсальными правами человека[5]. Данный термин С. Атеш заимствовала у немецкого политолога Б. Тиби из его книги «Европа без идентичности? Ляйткультура или ценностный хаос» 2000 г. издания: «Я выступаю за понятие европейской ляйткультуры, которое дает немцам с турецким происхождением представление об обществе, в которое они интегрируются и частью которого уже являются» [15, S. 3945–3952]. Именно в европейской ляйткультуре нуждается западное общество на фоне иммиграционных потоков.

С. Атеш активно поддерживает усилия по выработке общего ценностного ряда для европейской ляйткультуры: «У меня вообще в связи с этим нет никакой проблемы с выработкой набора ценностей, выработкой общей ляйткультуры. Это не только немецкая, местная (автохтонная) немецкая, но это культура людей, которые здесь живут»[6]. По мнению С. Атеш, реальные различия между культурой мигрантов и принимающего общества минимальны. Немецкая активистка предлагает провести открытые общественные дебаты по этой проблематике и утвердить конкретный перечень культурных ценностей. Сама она исходит из установки, что европейская ляйткультура базируется на универсальных ценностях: всеобщие права человека, равенство, солидарность, толерантность, уважение природы, совместная ответственность за общество [15, S. 3944]. Эти же ценности на национальном уровне отражены в политической конституции и социальных правах. Конкретизируя политическую составляющую европейской ляйткультуры она добавляет: «Эту культуру нельзя отделить от демократии, лаицизма и просвещения, и она должна приниматься обществом» [15, S. 3959]. Помимо этого, эта культура подразумевает и способность к самокритике [15, S. 3959].

С. Атеш считает, что сегодня нужно жестче прописывать правила совместного проживания во избежание общественной напряженности и конфликтов [15, S. 3988]. Структурно европейская культура имеет общие основы, обязательные для всех, и культурные и религиозные традиции, которые должны подчиняться конституции принимающей страны [15, S. 3988]. Таким образом, она оговаривает четкий приоритет политических ценностей принимающего общества. Поэтому мигранты из мусульманских стран должны отказаться от угнетения женщин, разрешить девочкам посещать школьные занятия о сексе, исключить браки по принуждению [15, S. 3988–4003]. С другой стороны, некоторые культурные традиции мигрантов могут быть полезны для европейского общества: а именно ценности семьи, уважение религии, почитание старших, любовь к детям и супружеская верность [15, S. 3959]. О способе реализации этих ценностей на практике автор умалчивает. Например, пункт о супружеской верности мусульманских мужчин вызывает самые противоречивые оценки.

Однако через пару лет в другой своей книге С. Атеш выскажет диаметрально противоположную точку зрения: «Такие понятия как "ляйткультура" и "мультикультурализм" – сгоревшие инструменты, и совсем не подходят для дискуссии об интеграции и идентичностях в мультикультурном обществе. Они усиливают шоры и блокируют мысль» [1, S. 112–113]. В итоге она призывает отказаться от них в пользу транскультурного подхода: «Все больше и больше становящиеся транскультурными идентичности буквально кричат об освобождении от устаревшего концептуального корсета» [1, S. 113].

Казалось бы, прорисовались терминологические предпочтения немецкой активистки, однако в 2018 г. на одном из выступлений С. Атеш вновь обращается к теме ляйткультуры и подчеркивает: «Необходим концепт, как люди разных культур и религий могут мирно сосуществовать»[7].

Складывается ощущение, что немецкая активистка готова продолжить дискуссии в этом направлении и с этим же понятием, ожидая новых идей со стороны. При этом собственная противоречивость в высказываниях на обозначенную тему ее нисколько не смущает.

Интеграция vs. сосуществование

Общественные дебаты о ляйткультуре, транскультурной идентичности затрагивают и процесс включения инокультурного компонента в принимающее общество, о котором чаще рассуждают в терминах интеграции. За активное содействие этому процессу в апреле 2019 г. немецкая активистка была удостоена премии Лютера как «пионер интеграционной работы»[8]. Итак, что же предлагает С. Атеш в вопросе интеграции?

Во-первых, она сомневается в правильности используемого термина: «Понятие интеграция я использую неохотно. Оно в моих глазах неподходяще, если мы говорим

[5] Arning M. Anstrengungen zur Leitkultur // Frankfurter Rundschau. 04.10.2006. Режим доступа: https://www.fr.de/kultur/literatur/anstrengungen-leitkultur-11652748.html (дата обращения: 23.08.2019).

[6] Koldehoff S. "Kein Problem" mit deutscher Leitkultur // Deutschlandfunk. 02.02.2006. Режим доступа: https://www.deutschlandfunk.de/kein-problem-mit-deutscher-leitkultur.691.de.html?dram:article_id=49389 (дата обращения: 21.05.2019).

[7] Pressegespraech: Was Oberoesterreich zusammenhaelt // Katolische Kirche in Oberoesterreich. Режим доступа: https://www.dioezese-linz.at/news/2018/09/03/pressegespraech-was-oberoesterreich-zusammenhaelt (дата обращения: 21.09.2019).

[8] Zacharias S. Einsatz gegen religioese Gewalt. Frauenrechtlerin Seyran Ateş erhaelt Lutherpreis // Pro-medienmagazin. 27.04.2019. Режим доступа: https://www.pro-medienmagazin.de/gesellschaft/kirche/2019/04/27/frauenrechtlerin-seyran-ates-erhaelt-lutherpreis/ (дата обращения: 02.06.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

о том, как создавать "мы-общество", так как оно подразумевает включение мигрантов в существующее общество и тем самым часто неправильно понимается как ассимиляция» [1, S. 44]. Ущербность этого понятия она видит в неравноправном статусе мигрантов, в требовании их абсолютного приспособления к новым условиям. В июне 2016 г. на одном из мероприятий, организованном Фондом Розы Люксембург в Магдебурге, С. Атеш прочитала лекцию, где вновь высказала свое неприятие используемой в общественном дискурсе терминологии: «Я не называю это интеграцией или включением – я называю это сосуществованием!»[9].

Однако как бы ни критиковала С. Атеш термин *интеграция*, ничего другого ею не предложено, и она по-прежнему рассуждает об интеграции, что и подтверждает текст последней ее монографии 2017 г. Правда, следует признать, что С. Атеш вносит свое содержательное наполнение и трактует интеграцию с позиции транскультурности: «Интеграция обозначает все же возможность чувствовать себя как дома во многих языках и многих культурах» [15, S. 567]. С. Атеш не оспаривает ассимиляционные процессы, ведь «интеграция означает также элемент ассимиляции» [1, S. 107], но подчеркивает, что этот процесс затрагивает обе стороны. Настоящая интеграция двусторонняя, активная, что не всегда понимает немецкая сторона: «Ни немецкое государство, ни немецкий язык, ни жизнь среди немцев не гарантируют интеграцию, если общество большинства не хочет интегрировать» [15, S. 537].

Итак, все общественно-политические меры по интеграции мигрантов становятся второстепенными по отношению к готовности и желанию немецкого общества встать на этой путь. Также, по мнению С. Атеш, степень интеграции не зависит от социального положения мигранта [15, S. 537]. В доказательство она приводит пример турецкой домохозяйки и турецкого врача, которые не включены в немецкое общество. Корреляцию уровня образования и интеграционных успехов мигрантов она в данном случае игнорирует.

Обращаясь к политике по интеграции мигрантов в Германии, С. Атеш всегда повторяет, что как таковой интеграции не было: существовали и существуют параллельные миры, а потому она называет ее «неудавшейся интеграцией» [15, S. 537]. Долгое время, по ее мнению, «говорили о нас, а не с нами» [1, S. 167]. А потому курды и турки, по-прежнему живущие в параллельных мирах, не говорят по-немецки и не имеют представления о конституции этой страны, о ее ценностях[10]. Отмечая двусторонний характер проблемы и привычку мигрантов существовать в своей среде[11], основные причины интеграционных неудач С. Атеш напрямую связывает со второй стороной – полным игнорированием мигрантов и их проблем немецким обществом и отсутствием реального диалога между ними [14, S. 213]. Поэтому в своей книге 2017 г. она открыто ставит немцев перед дилеммой: «Германия должна наконец задать себе вопрос, хочет ли она, чтобы новые граждане быстро интегрировались в гражданскую нацию или остались навсегда иностранцами / чужими» [16, S. 144].

Ключом к интеграции С. Атеш называет любые образовательные программы по продвижению демократии и ее ценностей[12], активную работу с детьми мигрантов, изучение немецкого языка. В то же время она открыто критикует работу интеграционных курсов для мигрантов, которые занимаются, по ее мнению, принуждением к ассимиляции [1, S. 168].

Следующим важным шагом на пути успешной интеграции С. Атеш считает корректировку немецкой политики в вопросах религии, содействие т. н. «модернизированному исламу»[13]. С. Атеш призывает активизировать общественную и политическую практику интеграции. Ведь главной целью интеграционных усилий является создание относительного консолидированного немецкого общества за счет обеспечения мигрантам равного доступа во все его сферы [1, S. 165, 168].

По поводу прогнозов на будущее С. Атеш крайне противоречива. В своей последней монографии она пишет, что «до сих пор никаких шагов в деле дерадикализации [ислама] и интеграции не достигнуто, и это не случится в будущем» [16, S. 47]. Однако двумя годами позже в интервью немецкой ежедневной газете ее заявления были не столь пессимистичны: «Я уверена, что через много лет наконец начнутся дебаты об интеграции и исламе»[14].

Очевидно, деятельность С. Атеш в вопросах интеграции и правозащитной тематики находит общественное признание и государственную поддержку (Орден земли Берлин 2008 г., Федеральный крест за заслуги 1-го класса 2014 г., Федеральный крест Германии 2017 г.,

[9] Kumar G. Seyran Ateş: "Ich nenne es weder Integration noch Inklusion – Ich nenne es zusammenleben!". Режим доступа: https://www.rosalux.de/fileadmin/ls_sanh/pdf/2016/16_0620Seyran_Ate%C5%9F_Lesung_mit_Bildern-Endfassg.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

[10] Spahn T. Interview Seyran Ates: "Es sollte sein, dass ich ueberlebe" // Deutsche Welle. Nachrichten & Analysen: der globale Blick auf Schlagzeilen. 14.07.2018. Режим доступа: https://www.dw.com/de/seyran-ates-es-sollte-sein-dass-ich-%C3%BCberlebe/av-42909999 (дата обращения: 11.06.2019).

[11] Jacobsen S. Liberal Islam and Migrant Integration with Seyran Ates // Conatus News. 13.04.2018. Режим доступа: https://conatusnews.com/seyran-ates-faith-feminism-law/ (дата обращения: 17.09.2018).

[12] Ates S. Erwiderung auf Walid Nakschbandi. Die Maer vom unterdrueckten Islam // Tagesspiegel Causa. 23.07.2019. Режим доступа: https://causa.tagesspiegel.de/migration%20und%20integration/empoert-euch-nehmen-muslime-in-deutschland-zu-viel-hin/die-maer-vom-unterdrueckten-islam.html (дата обращения: 05.09.2019).

[13] Там же.

[14] Ates S. Politischer Islam. Wir muessen die rosa Brille ablegen // Tagesspiegel Causa. 26.02.2019. Режим доступа: https://causa.tagesspiegel.de/politik/gehoert-der-politische-islam-zu-deutschland/wir-muessen-die-rosa-brille-ablegen.html (дата обращения: 19.05.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

персональная охрана из сотрудников Государственной криминальной полиции). Несмотря на то, что долгие годы С. Атеш позиционировала себя в качестве сторонницы транскультурной идентичности и транскультурного подхода, часть немецкого дискурса по-прежнему игнорирует ее ключевые установки. Так, немецкое научное общество «Урания» (Берлин) в сентябре 2019 г. вручило С. Атеш медаль за приверженность мультикультурализму, религиозной свободе и содействие диалогу[15].

Заключение

Сейран Атеш – яркий пример самореализующегося типа с одновременным присутствием инновационного, конформистского и бунтарского компонентов в поведении, которые раскрываются в зависимости от культурной среды. Она активно использует потенциал прошлого, изначально невыгодные позиции умело превращает в свои достоинства, активно саморефлексирует, играет культурными кодами, но при этом не достигает необходимой теоретической глубины и остается ведомой в интеллектуальном контексте своего времени. В типологии жизненных стратегий, предложенных российскими психологами Е. П. Варламовой и С. Ю. Степановым [17, с. 57–58], применительно к немецкой среде она вполне соответствует типу активной типичности, которая направляет свою активность на реализацию общепринятых норм и ценностей.

Проведенный анализ позволяет говорить, что в своих текстах и выступлениях С. Атеш реализует двухкомпонентную структуру этнокультурной идентичности с приоритетом европейской ляйткультуры. Правда, каждая из них у нее существует в автономном режиме.

Рассуждения С. Атеш об отмирании нации выглядят несколько преждевременными. Она недооценивает стремление и потребность индивидов в коллективной, в том числе локальной, групповой идентичности, даже в рамках ЕС.

С. Атеш отвергает термин *немецкая ляйткультура*, не пытаясь рассмотреть его через призму поддержанного ею транскультурного подхода, а также с учетом временных трансформаций и разнообразия идейных течений. Для нее это исключительно гомогенное явление, которое не учитывает смену тем и настроений.

Концепция транскультурной идентичности изложена С. Атеш в уже известном теоретическом наполнении без нововведений. Несмотря на декларативную приверженность транскультурному подходу С. Атеш склоняется к простому смешению культур, которые можно переключать в зависимости от ситуации. Выступая против мультикультурализма в общественных дебатах, она остается верной ему на индивидуальном уровне, варьируя и переключая культуры по мере необходимости. Она не останавливается на моментах реального взаимодействия и сосуществования разных культурных норм, не учитывает ресурсы, амбиции и авторитеты каждой из культур, которые могут затруднять процесс сосуществования, даже при условии внешнего соответствия Основному закону.

Процесс сближения мигрантов и принимающего общества, который С. Атеш отказывается описывать в терминах интеграции, не получает иных концептуальных рамок оформления, остается теоретически не проясненным. Можно лишь догадываться о его составляющих из рассуждений о транскультурной идентичности. Однако простое сосуществование в разных культурных ипостасях содержательно не раскрывает процесс трансформации на субъектном уровне, а оставляет ощущение культурного хаоса.

Литература

1. Ates S. Wahlheimat: Warum ich Deutschland lieben moechte. Berlin: Ullstein Hardcover, 2013. 173 S.
2. Amir-Moazami S. Dialogue as a governmental technique: managing gendered Islam in Germany // Feminist Review. 2011. Vol. 98. № 1. P. 9–27. DOI: https://doi.org/10.1057/fr.2011.8
3. Petersen J. Media and the Female Imam // Religions. 2019. Vol. 10. № 3. DOI: https://doi.org/10.3390/rel10030159
4. Rommelspacher B. Feminismus und Islam: Emanzipationsansprüche einer multikulturellen Gesellschaftn // Multikulturalität in Europa: Teilhabe in der Einwanderungsgesellschaft / Hg. E. Ariëns, E. Richter, M. Sicking. Transcript Verlag, 2012. S. 125–146.
5. Rostock P., Berghahn S. The ambivalent role of gender in redefining the German nation // Ethnicities. 2008. Vol. 8. № 3. P. 345–364. DOI: 10.1177/1468796808092447
6. Weber B. M. Freedom from violence, freedom to make the world: muslim women's memoirs, gendered violence, and voices for change in Germany // Women in German Yearbook. 2009. Vol. 25. P. 199–222.
7. Zellentin A. Der philosophische Neutralitätsbegriff und die Kopftuchdebatte // ARSP: Archiv fuer Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 2014. Vol. 100. № 3. P. 347–365.
8. Mayer-Tasch P. C. Was heißt heute noch "Deutsch"? Zur Politischen Kultur eines europäischen Kernlandes // Zeitschrift fuer Politik. 2007. Vol. 54. № 1. S. 76–91.
9. Гонсалес Седилло Х. И. Роль мусульманской уммы в борьбе с ваххабизмом как политическим движением в России и Германии // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1. С. 5–16. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-5-16

[15] Pfuhl K. Frauenrechtlerin Seyran Ates erhaelt Urania-Medaille // Evangelischer Kirchenkreis. 03.09.2019. Режим доступа: https://kkbs.de/blog/43293/frauenrechtlerin-seyran-ates-erhalt-urania-medaille (дата обращения: 12.09.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

10. Лебедева И. В. Политика мультикультурализма в Германии: вчера и сегодня // Современная наука и инновации. 2015. № 3. С. 141–150.
11. Лебедева И. В. Политика мультикультурализма и безопасность в Европе // Современная наука и инновации. 2015. № 2. С. 156–161.
12. Лебедева И. В., Лебедева Л. К. Турецкий взгляд на проблему мультикультурализма в Германии (рецензия на книгу Сейран Атеш «Заблуждения мультикультурализма») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 443–446.
13. Лебедева И. В., Орешкина А. А., Могилат А. В. Политические элиты Европы и их отношение к миграционным процессам // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации: матлы Междунар. науч.-практ. конф. X науч.-образов. форума (Сочи, 1–30 апреля 2017 г.) / под ред. В. В. Бобылева. М.: Перо, 2017. С. 253–258.
14. Ates S. Grosse Reise ins Feuer. Die Geschichte einer deutschen Tuerkin. Berlin: Rowohlt, 2006. 252 S.
15. Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben koennen. Berlin: Ullstein, 2011, 4457 S. (Kindle File Format).
16. Ates S. Selam, Frau Imamin: wie ich in Berlin eine liberale Moschee gruendete. Berlin: Ullstein, 2017, 305 S. (Kindle File Format).
17. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Психология творческой уникальности. М.: ИП РАН, 2002. 256 с.

original article

The Problem of Identity and Transculturalism in the Works of Seyran Ates

Albina V. Mikhaleva [a, @, ID]

[a] Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Perm

[@] mialba@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-0075-9714

Received 13.02.2020. Accepted 24.03.2020.

Abstract: With its extensive experience in public debate about Leitkultur and multiculturalism, Germany still faces the need for a unifying identification model that would suit both the Germans and the immigrant community. This article considers the socio-political views of Seyran Ates, a female imam and the founder of the Liberal Mosque in Berlin, on cultural identity, Leitkultur, and integration in Europe. The author used the biographical approach and the method of text analysis of monographs, articles, and interviews with S. Ates. The analysis revealed a hierarchical two-component identity structure with a priority of European Leitkultur. Despite the declarative commitment to the transcultural approach, S. Ates is in fact inclined towards a simple mix of cultures. The process of convergence between migrants and the host society, which she does not want to describe in terms of integration, does not receive any other conceptual framework and remains theoretically unclear. One can only guess about its components from her speculations about transcultural identity. However, a simple coexistence in different cultural forms does not reveal the process of transformation at the subject level, but leaves a feeling of cultural chaos.

Keywords: transcultural identity, multiculturalism, Leitkultur, integration, migrants, Germany

For citation: Mikhaleva A. V. The Problem of Identity and Transculturalism in the Works of Seyran Ates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 156–164. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

References

1. Ates S. *Wahlheimat: Warum ich Deutschland lieben moechte.* Berlin: Ullstein Hardcover, 2013, 173.
2. Amir-Moazami S. Dialogue as a governmental technique: managing gendered Islam in Germany. *Feminist Review*, 2011, 98(1): 9–27. DOI: https://doi.org/10.1057/fr.2011.8
3. Petersen J. Media and the Female Imam. *Religions*, 2019, 10(3). DOI: https://doi.org/10.3390/rel10030159
4. Rommelspacher B. Feminismus und Islam: Emanzipationsansprüche einer multikulturellen Gesellschaftn. *Multikulturalität in Europa: Teilhabe in der Einwanderungsgesellschaft*, Hg. Ariëns E., Richter E., Sicking M. Transcript Verlag, 2012, 125–146.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-156-164

5. Rostock P., Berghahn S. The ambivalent role of gender in redefining the German nation. *Ethnicities*, 2008, 8(3): 345–364. DOI: 10.1177/1468796808092447
6. Weber B. M. Freedom from violence, freedom to make the world: muslim women's memoirs, gendered violence, and voices for change in Germany. *Women in German Yearbook*, 2009, 25: 199–222.
7. Zellentin A. Der philosophische Neutralitätsbegriff und die Kopftuchdebatte. *ARSP: Archiv fuer Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 2014, 100(3): 347–365.
8. Mayer-Tasch P. C. Was heißt heute noch "Deutsch"? Zur Politischen Kultur eines europäischen Kernlandes. *Zeitschrift fuer Politik*, 2007, 54(1): 76–91.
9. Gonzalez Sedillo H. I. The important role of Ummah in the fight against Wahhabism as a political movement in Russia and Germany. *Islamovedenie*, 2019, 10(1): 5–16. (In Russ.) DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-5-16
10. Lebedeva I. V. The policy of multiculturalism in Germany: yesterday and today. *Sovremennaia nauka i innovatsii,* 2015, (3): 141–150. (In Russ.)
11. Lebedeva I. V. Multiculturalism policy and security in Europe. *Sovremennaia nauka i innovatsii*, 2015, (2): 156–161. (In Russ.)
12. Lebedeva I. V., Lebedeva L. K. Turkish vision of the multikulturalism problem in Germany (review of the book written by Seyran Ates "Der Multikulti-Irrtum"). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2013, (3): 443–446. (In Russ.)
13. Lebedeva I. V., Oreshkina A. A., Mogilat A. V. Political elites of Europe and their attitude to migration processes. *Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. X Academic Forum, Sochi, April 1–30, 2017, ed. Bobylev V. V. Moscow: Pero, 2017, 253–258. (In Russ.)
14. Ates S. *Grosse Reise ins Feuer. Die Geschichte einer deutschen Tuerkin.* Berlin: Rowohlt, 2006, 252.
15. Ates S. *Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben koennen*. Berlin: Ullstein, 2011, 4457. (Kindle File Format).
16. Ates S. *Selam, Frau Imamin: wie ich in Berlin eine liberale Moschee gruendete.* Berlin: Ullstein, 2017, 305. (Kindle File Format).
17. Varlamova E. P., Stepanov S. J. *Psychology of creative uniqueness.* Moscow: IP RAN, 2002, 256. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

оригинальная статья
УДК 316.4

Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске*

Евгений А. Капогузов [a, @, ID1]; Светлана Н. Оводова [a, ID2]; Роман И. Чупин [b, ID3]
[a] Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, г. Омск
[b] Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Россия, г. Новосибирск
[@] egenk@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-8083-5654
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-3408-1913
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-8904-1380

Поступила в редакцию 30.03.2020. Принята к печати 20.04.2020.

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы конфликта между городскими сообществами, возникающего в процессе институционализации стратегии благоустройства городской среды. Предлагается междисциплинарный подход к изучению институционального диссонанса с точки зрения дискурсивных практик, образующих урбанистический дискурс городских сообществ. В ходе социологического исследования произведена диагностика институционального диссонанса, выражающегося в недовольстве со стороны жителей города Омска деятельностью местной власти по благоустройству городской среды, в непонимании со стороны власти потребностей жителей, в конструировании в средствах массовой информации негативно окрашенного образа города, усиливающего недовольство качеством жизни со стороны горожан. Основой статьи являются результаты авторского эмпирического исследования, выполненного методом кейс-стади. Эмпирической базой исследования послужили 17 интервью с представителями городских активистов Омска, а также 5 интервью с представителями местной власти, результаты включенного наблюдения за деятельностью городского сообщества активистов Омска, публикации региональных СМИ, посвященные проблемам благоустройства города. В результате исследования выявлены доминирующие концепты благоустройств города Омска. Зафиксирован институциональный диссонанс, репрезентированный в урбанистическом дискурсе. Продемонстрирована актуализация доминирующих концептов благоустройства города Омска в дискурсе активистов, региональной власти, в публикациях региональных СМИ.

Ключевые слова: благоустройство городской среды, институциональные диссонансы, конфликт, урбанистический дискурс, локальность, идентичность

Для цитирования: Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 165–175. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

Введение

С 2017 г. в ряде крупных городов РФ стартовал приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды»[1], призванный обеспечить комплексное развитие городской инфраструктуры в крупных мегаполисах. Однако в ходе реализации проекта так и не были выделены универсальные подходы к благоустройству городской среды, включая единое понимание местными органами власти и жителями городов базовых понятий *благоустройство* и *комфортность*. Наиболее ярким примером отсутствия единства позиций выступает концепция *Smart City*, в рамках которой усиление тенденции по благоустройству города может приводить к снижению комфортности городской среды и к усилению уровня сегрегации городского пространства [1]. В качестве основной причины возникновения негативных тенденций при реализации концепции развития городской инфраструктуры отмечаются различия в смыслах, вкладываемых в понятие *благоустройство* со стороны власти и жителей города: если власть ориентируется на достижение целевых показателей по росту IQ города (*digital*), то жители – на рост комфортности и эргономики городского пространства (*smart*). В результате концепция *Smart City* привела к образованию цифровых, но не умных городов.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-311-00210 «Социолингвистический анализ урбанистического дискурса городских сообществ (на примере города Омска)».

[1] Приоритетный проект «Формирование комфотной городской среды». Режим доступа: http://government.ru/projects/selection/649/ (дата обращения: 09.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

Схожая ситуация отмечается и с другими концепциями. Например, с доступной средой для инвалидов [2], городом-садом [3] и созданием многофункциональных агломераций [4]. При рассмотрении различных кейсов российских городов, где когда-либо применялись упомянутые концепции, выявлялся конфликт между властью и жителями города, выраженный в недовольстве последних практически любыми действиями и стратегиями по благоустройству города. В ранее проведенных исследованиях нами отмечена институциональная природа данного конфликта [5], позволяющая охарактеризовать его через феномен институционального диссонанса, репрезентирующегося в дискурсивных практиках социальных групп.

При этом предложенные муниципалитетами программы по благоустройству не предусмотрели механизмов по нивелированию данного конфликта. В том числе принятые в Новосибирске, Омске, Кемерово, Красноярске и в других городах Западной Сибири программы и связанные с ними правила, планы и мероприятия предполагают механизм общественных слушаний для отбора заявок на ремонт дворов и создание общественных пространств. Однако преобладающая доля жителей города не участвуют в обсуждениях и выборе проектов по благоустройству. Несмотря на это, приоритетным проектом «Формирование комфортной городской среды» предлагается не просто участие граждан в экспертизе проектов, но и разработка предложений. Вместо этого жители продолжают выказывать недовольство как городской средой, так и деятельностью власти по ее развитию [6; 7].

Критика жителями мероприятий местной власти по благоустройству городской среды озвучивается в средствах массовой информации (СМИ) [8; 9]. Несмотря на наличие реальных результатов по реализации муниципальных программ (включая создание новых общественных пространств), в медиадискурсе преобладают темы о бездействии местных властей на фоне критического состояния жилищно-коммунальной инфраструктуры и жилищного фонда городов. Данный контекст поддерживается активистами местных локальных сообществ, которые начинают самостоятельно реализовывать независимые от власти проекты по благоустройству [10].

Более того, местные органы власти, ориентируясь на СМИ и позицию активистов, воспроизводят нетипичные для индустриальной урбанистики дискурсивные практики. В том числе при институционализации стратегий благоустройства города конституируются *концепты креативный город, лофт, лекторий, коворкинг* и т. п.

Урбанистическая тематика проявляется не только в дискурсе власти, деятельность которой с неизбежностью связана с благоустройством города, но и в дискурсе активистов, высказывающих критическую позицию по отношению к градостроительным решениям, и в дискурсе СМИ, которые реагируют на самые востребованные в регионе темы.

Важность дискурсивного аспекта благоустройства городской среды объясняется также тем, что смену типов дискурсов сопровождает процесс институциональных изменений до момента принятия правил. Урбанистический дискурс представляет собой особую структуру понимания и общения, которая конституирует социальную реальность и конституируется данным порядком через дискурсивные практики. Город (как источник урбанистического дискурса), таким образом, изучается через нарративы [11–13]. В данном контексте урбанистический дискурс представляет собой результат возникновения и функционирования «глобального городского сообщества», в котором ключевыми элементами являются «союз урбанистов, архитекторов и на определенном этапе работы к этому союзу подключаются заинтересованные структуры городской власти» [14, с. 175].

Для определения доминирующих концептов благоустройства города требуется понимание субъектности дискурса: кто влияет на общественное мнение и какие группы формируют представления о городе в массовом сознании. Субъекты дискурса о благоустройстве города в городе могут формироваться посредством тройной спирали (*Triple Helix Model*), в рамках которой проблемы города решаются через механизм взаимодействия власти, бизнеса и СМИ [15]. Успешными примерами взаимодействия субъектов по схеме *тройная спираль* являются Лондон и Стокгольм [16]. Однако на современном этапе в урбанистике чаще применяется концепция четвертой спирали, предполагающая участие общества в генерации знаний и технологий [17]. Наглядным случаем такой интеграции общества в вопросы благоустройства города является Токио [18].

Возникает необходимость выявления доминирующих концептов благоустройства Омска. Выявление содержания и структуры урбанистического дискурса возможно посредством интервьюирования субъектов дискурса, являющихся носителями определенных трактовок концептов.

Методы и материалы

Эмпирическое исследование авторов статьи представляет собой *case study* (кейс-стади) и проведено в стратегии понимающей социологии качественными методами: полуформализованные глубинные интервью с представителями городского сообщества активистов Омска продолжительностью от 20 минут до 1,5 часов, проведенные в период с 01.01.2016 по 30.09.2018 (17 глубинных интервью); дневниковые записи по результатам включенного социологического наблюдения за деятельностью нового городского социального движения активистов Омска, произведенное в период с 01.01.2016 по 31.12.2019.

Осуществлен анализ публикаций региональных СМИ, посвященных проблемам благоустройства города за период с 01.01.2010 по 31.12.2019, с целью выявления динамики употребления доминантных концептов

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

благоустройства в дискурсе СМИ. Публикации отобраны с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия»[2].

Также в данном исследовании нами предложены результаты экспертных интервью, проведенных в декабре 2019 г. совместно с Институтом территориального планирования «ГРАД», целью которых являлась диагностика социологических и лингвистических особенностей урбанистического дискурса власти. В экспертную выборку вошли: Э1, Э4 и Э5 – представители региональной власти, принимающие решения в сфере благоустройства; Э2 и Э3 – члены архитектурно-градостроительного совета Омской области.

Эксперты были отобраны из представителей региональных органов власти, влияющих на благоустройство города. Проведенные полуформализованные глубинные интервью позволяют понять, какие концепции развития города представители власти видят наиболее перспективными и подходящими для Омска. Анализ дискурса позволяет выявить рассогласование интересов участников конфликта, помогает понять, в чем состоит разница в восприятии процессов благоустройства у активистов и власти, что порождает институциональный диссонанс.

Результаты анализа глубинных интервью с активистами, лидерами локальных городских сообществ, были подробно изложены авторами в отдельных статьях [5; 10].

В данном исследовании, анализирующем ситуацию в г. Омск, были определены три субъекта (актора): городская власть, СМИ, городское сообщество активистов. При исследовании другого города перечень субъектов может быть расширен путем добавления бизнеса, оказывающего существенное влияние на урбанистический дискурс. Однако в г. Омск проекты, связанные с благоустройством города, реализуются только при финансовой поддержке вертикально-интегрированных структур (в том числе Газпром и Сбербанк), находящихся в тесной связке с органами государственной и муниципальной власти. Таким образом, для выявления доминирующих концептов благоустройства города в данном случае будет достаточно дискурса власти.

Дискурсы были классифицированы по основанию акторов (т. е. урбанистический дискурс власти о благоустройстве данного города, урбанистический дискурс представителей городского сообщества активистов Омска о благоустройстве города, урбанистический дискурс СМИ, репрезентирующий видение проблем города) и по типам дискурса. Отдельный тип дискурса репрезентирует конкретный взгляд в отношении благоустройства. При этом следует учитывать, что каждый тип дискурса представляет собой аутентичный образ города, репрезентирующий экономические и политические интересы отдельных социальных групп. Репрезентация типа дискурса выявляется путем выделения понятийных рядов (доминирующих концептов), с помощью которых формируются положения стратегии благоустройства города, которые, в свою очередь, образуют нарративные репрезентации представлений о городе в урбанистическом дискурсе. Смена дискурсов демонстрирует смену городских идеологий, смену отношений к городу. При использовании конкретного типа дискурса сообщество оценивает благоустройство города, что позволяет понять, что именно находится в фокусе интересов отдельного сообщества (власть, СМИ, активисты и т. п.).

При определении типов дискурса в своем исследовании мы руководствовались типами урбанистики, определяемыми В. С. Вахштайном: высокая урбанистика, левая урбанистика, хипстерская урбанистика [19]. Каждый тип урбанистики предполагает реализацию определенных шагов по благоустройству города. В рамках высокой (или индустриальной) урбанистики акцент ставится на промышленный потенциал города; в левой (или социальной) урбанистике в фокусе внимания находятся социальные вопросы: рабочие места, уровень зарплаты, детские сады, здравоохранение; а в хипстерсокй (или креативной) урбанистике фокус внимания смещается на комфортное городское общественное пространство, позволяющее получать удовольствие от жизни в городе (ключевые теги: парки, досуг, экология).

Результаты

Анализ публикаций региональных СМИ с 01.01.2010 по 31.12.2019 по частоте употребления концептов *урбанистика, урбанизм, городское сообщество, общественное пространство, лофт, лекторий, коворкинг* позволяет зафиксировать актуализацию интереса к проблематике благоустройства г. Омск. В региональных СМИ Омска количество публикаций с данными концептами (урбанемами) начинает увеличиваться с 2016 г., но резкий рост интереса прослеживается начиная с 2017 г. Если сопоставить динамику актуализации данных понятий с федеральными публикациями СМИ, то мы увидим актуализацию интереса к урбанистической проблематике в сходные периоды [20].

Количество текстов региональных СМИ с концептами *урбанизм* и *урбанистика* резко начало возрастать с 2015 г. Если в 2010 г. количество публикаций составило всего лишь 2, то в 2017 г. и 2018 г., на которые приходится пик публикаций с данными концептами, мы фиксируем 167 и 168 публикаций соответственно. В 2019 г. динамика идет на спад – 116 публикаций. Время интенсификации использования в дискурсе СМИ урбанистических концептов совпадает с периодом деятельности урбанистического сообщества активистов Омска.

Одним из значимых концептов урбанистического дискурса является *городское сообщество.* Интерес к урбанизму сопряжен с формированием локальных городских сообществ в России, которые начинают отстаивать свои

[2] Медиалогия. Режим доступа: http://mlg.ru/ (дата обращения: 15.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

интересы касательно благоустройства города в борьбе с властью или бизнесом [21–25]. Актуализация данного концепта в публикациях региональных СМИ демонстрирует изменение дискурсивной составляющей и появление нового значимого актора, озвучивающего свою позицию и влияющего на представления о комфортной жизни в городе. Если в 2010 г. в региональных СМИ было всего лишь 3 публикации, а 2011 г. – 4 публикации с концептом *городское сообщество*, то с 2012 г. мы наблюдаем рост использования данной урбанемы в дискурсе. Пик публикаций с тегом *городское сообщество* приходится на 2017 г. и составляет 202 публикации.

Концепция нового урбанизма возрождает интерес к улицам и общественным пространствам [26]. А. Лефевр пишет об актуализации значения улицы и повседневных практик, осуществляемых на ней, при исследовании жизни в городе [27, с. 23]. Городские сообщества начинают изучаться с точки зрения запросов, предъявляемых к городу, а также через формы презентации себя в публичных пространствах города. В связи с этим в урбанистическом дискурсе актуализируются понятия *общественное пространство* и *публичное пространство,* которые понимаются как синонимы. Данное понятие проникает в академический дискурс исследователей городских практик, его активно используют социологи, антропологи, философы [28–31]. В дальнейшем это понятие проявляется в дискурсе активистов, которые начинают предъявлять требования к городской среде, соответствующие концепции нового урбанизма. В России идеи нового урбанизма и благоустройства общественных пространств начинают популяризироваться посредством просветительской, издательской и образовательной деятельности Института «Стрелка» (г. Москва).

В публикациях региональных СМИ мы видим резкий рост динамики употребления концепта *общественное пространство* в 2017 г. – 956 публикаций, в 2018 г. количество публикаций возросло еще больше – до 2135.

Разновидностями общественного пространства являются лофт, коворкинг и лекторий. Актуализация концепта *лофт* в региональном медиадискурсе приходится на 2013–2019 гг., когда в городе начинают реализоваться проекты городского сообщества активистов. В структуре урбанемы *лофт* появились смыслы, отражающие целевую аудиторию – молодежь. Еще одной смысловой единицей стал креативный характер мероприятий, проводимых на территориях лофта: от концертов до модных показов, от публичных лекций до просмотров кино. В 2010 г. и в 2011 г. было опубликовано по 1 статье с упоминанием концепта *лофт*. Пик количества публикаций с данным концептом был в 2015 г. – 183 текста. Наибольшее количество публикаций в региональных СМИ с концептами *коворкинг* (213 текстов) и *лекторий* (770 текстов) зафиксировано в 2019 г.

Частота употреблений концептов, связанных с тематикой нового урбанизма, в публикациях региональных СМИ за последние годы увеличивалась (рис.), что говорит о трансформации дискурса о благоустройстве города, проявлении в нем новых концептуальных доминант.

Реализация идей нового урбанизма предполагает увеличение значимости культурных мероприятий в городе [32], что актуализирует концепцию креативного города. Описанная Ч. Лэндри концепция творческого креативного города предполагает использование культурного потенциала города как основного ресурса для его развития: «Культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту. Креативность – метод эксплуатации и возобновления этих ресурсов… Задача городских властей – выявлять эти ресурсы, управлять ими и эксплуатировать их со всей ответственностью. При таком подходе культура должна определять технологию городского планирования, а не выступать как несущественное и малорентабельное дополнение к таким вопросам, как жилищное строительство, транспорт и землепользование» [33, с. 30–31]. Успешная реализация концепции креативной экономики предполагает пересмотр всей системы управления городом, налаживание мостов между различными институтами. Данная идея стала притягательной для активистов, т. к. в их понимании она помогает отказаться от промышленности в городе и сделать жизнь в городе интереснее, комфортнее и экологичнее.

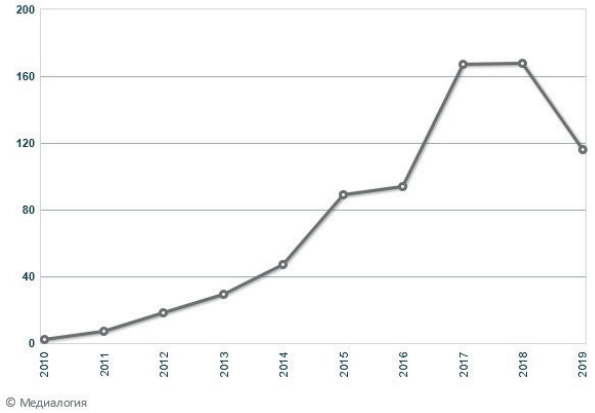
Репрезентация в СМИ новых, ранее не проявленных концептов благоустройства (общественное пространство, коворкинг, лофт, лекторий, городское сообщество) говорит о трансформации представлений горожан о стратегиях благоустройства города. Подробный анализ статей региональных СМИ позволяет увидеть множество негативных коннотаций, связанных с Омском, образ которого превращается в мем. Журналисты называют Омск «городом-пнем», «городом-ямой», подчеркивают депрессивность региона. Излишняя акцентуация плохого качества городской среды заставила региональную власть обратить внимание на проблемы благоустройства и комфорта.

В ходе интервью эксперты отмечали единство в понимании проблем благоустройства городской среды. В первую очередь была отмечена сегрегация городского пространства, затрудняющая любые мероприятия по комплексному развитию городской инфраструктуры.

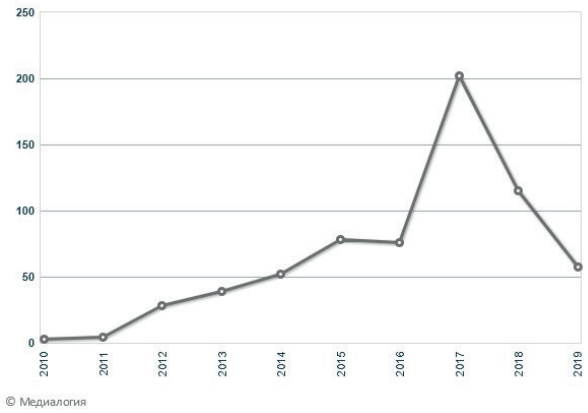
«У нас очень моноцентричный город, вся жизнь сосредоточена только в центре. У нас очень хорошо обустроена вся общественно-деловая зона… Там все плотно заставлено и нет такой потребности, которую ты не мог бы удовлетворить в рамках этой территории. Промышленные зоны, где расположены производства – там тоже все неплохо, все-таки у нас промышленный город. Только добираться до этих зон тяжело, но это другой вопрос… но все, что дальше этой зоны – это мрак… Развиваются только одни части города, другие разрушаются, не развиваются, превращаются в какое-то "гетто"» (Э1).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

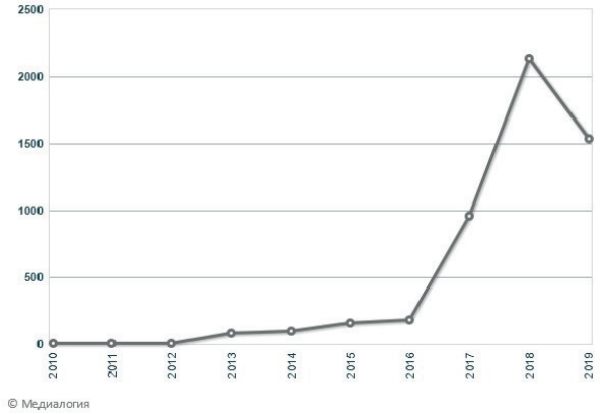
DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175



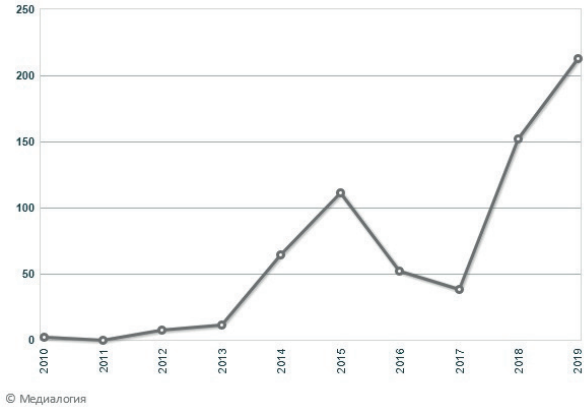
урбанизм и урбанистика / urbanism and urban studies (737 текстов)



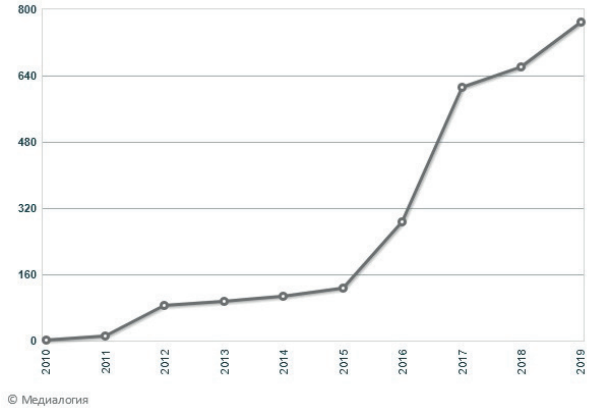
городское сообщество / urban community (654 текста)



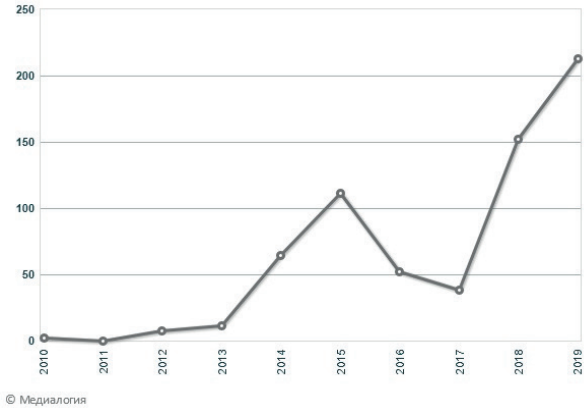
общественное пространство / public space (5145 текстов)



лофт / loft (881 текст)



лекторий / lecture hall (2755 текстов)



коворкинг / co-working (650 текстов)

Рис. Частота употреблений урбанем в региональных СМИ по материалам исследования текстов СМИ, отобранных информационно-аналитической системой «Медиалогия» с 01.01.2010 по 31.12.2019
Fig. Popularity of urban vocabulary in regional mass media based on the media texts selected by the Medialogia information and analytical system, January 01, 2010 – December 31, 2019

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

При этом наиболее острой проблемой эксперты видят нехватку общественных пространств: «Но факт того, что город нуждается в общественных пространствах, остается фактом. Жителям негде находиться, чтобы чувствовать себя частью города, они не ощущают этот город своим домом» (Э2).

В целом эксперты наиболее остро акцентируют внимание на связи между миграционными процессами и кризисом и низким уровнем комфортности Омска для проживания.

На вопрос «Как Вы считаете, влияет ли качество городской среды на демографическую ситуацию в Омске?» были получен такие ответы: «Влияет на миграцию. Люди уезжают за большим комфортом, за большими деньгами, не найдя всего этого здесь» (Э1); «Если я не ощущаю себя здесь как дома, то какая мне разница, в каком городе находиться? Я лучше поеду туда, где условия получше, где платят побольше и работать престижнее. А так у Омска должна быть хоть какая-то сдерживающая сила, и эта идентичность с городом могла бы ей послужить» (Э2).

И представители власти, и активисты озабочены вопросами миграции и «покидания Омска», это проблема всплывает во всех интервью. Каждое сообщество пытается предложить свои решения данной проблемы, но все признают, что эта проблема служит одним из ключевых триггеров запуска процесса осмысления качества городской среды Омска.

Доминантным запросом со стороны дискурса власти является реновация. Однако здесь мнения экспертов существенным образом разнятся. Первая группа экспертов считает, что необходимо возрождать былое промышленное величие Омска, тогда как вторая придерживается позиции реструктуризации экономики.

Следующие направления развития можно назвать перспективными, по мнению эксепртов: «Что-нибудь связанное с технологиями, двадцать первый век же. Информационные технологии какие-нибудь, что-нибудь с большими данными. Они нужны, чтобы построить новую экономику города. Ну и все равно не надо забывать о промышленности, надо попытаться это все увязать в один город – пищевая промышленность, приборо- и машиностроение» (Э3); «Развитие экономики, создание новых рабочих мест, повышение качества образования, получаемого в Омске. Уезжают в основном молодые люди, и поэтому, если пытаться решить проблему миграции, надо в первую очередь делать акцент на их нуждах. Но наличие рабочих мест – это самая острая проблема, как мне кажется. Молодежь сейчас совсем другая, тот Омск, который был раньше, уже не может ответить на их запросы. С этим надо что-то делать» (Э1); «Мы крупный город со своей экономикой, со своей промышленностью, которую нам надо как-то развивать» (Э3).

Был получен ответ на вопрос «Перспективными направлениями развития города видятся только отрасли промышленности?»: «Нет конечно… Времена меняются, и это не значит, что город не должен меняться, и что не должен меняться тип производства. У города большой инновационный потенциал, и этим надо пользоваться. Креативная экономика должна стать движущей силой развития Омска. Мы должны понимать, что ключевой ресурс конкурентоспособности и оптимизации экономики города сегодня – его человеческий капитал. Тот капитал, что есть у нас, – по-особому качественный… У нас много разнообразных трудовых ресурсов и этим надо пользоваться» (Э4).

Приведение высказываний представителей власти, репрезентирующих концепт *город*, демонстрирует, как в их дискурсе смешиваются смыслы, соотносимые с типами индустриального и креативного урбанистического дискурса. Это выражалось в том, что одновременно подчеркивался промышленный потенциал Омска и большая значимость промышленности для жизни города, но и признавалась необходимость искать пути реализации идей креативной экономики. Таким образом, в дискурсе власти начинают присутствовать элементы креативной и социальной урбанистики, что способствует еще большему усилению ситуации институционального диссонанса. Разделяя урбанистические концепты активистов, местная власть в своей деятельности продолжает руководствоваться муниципальными программами и реализовывать практики по благоустройству, исходя из концептов высокой индустриальной урбанистики, используя при этом дискурсивные практики активистов.

Обращаясь к анализу высказываний представителей городского сообщества активистов, очевидно однозначное доминирование креативного урбанистического дискурса, более того, промышленность воспринимается ими не как потенциал развития города, а как препятствие для комфортного проживания в городе. «Очень мощный миф [говорит о мифе «Омск город-сад»] сейчас разрушают, как будто хотят выжить из города всех, кто не работает на промышленность сейчас… город, который поддерживает своих, ему это вернется в троекратном размере, потому что деньги остаются здесь, они налоги платят здесь, они тратят здесь. У нас даже не то что супермаркеты, и крупные сети платят налоги в других регионах, т. к. там зарегистрированы, но и промышленность, которая здесь загрязняет. То есть у нас заводы все перерегистрированы, и каждый раз я просто не понимаю, что происходит» (Информант 7. Жен. 29 лет); «есть люди, которых не устраивает, что происходит, которые не могут там встроиться в какую-то существующую схему. Она их не устраивает каким-то образом. Все эти заводы-пароходы. Для моего поколения это не актуально, мы не хотим там работать» (Информант 9. Муж. 27 лет).

Рассуждая о том, какие мероприятия стоит проводить, как благоустраивать города, активисты однозначно подчеркивали необходимость обустройства общественных

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

пространств, чтобы там было комфортно жить, указывали на важность досуговых мероприятий: «урбанистика, с одной стороны, интересна, но это очень узкий круг людей… больше всего сейчас интересны какие-то именно культурные мероприятия, где не нужно запариваться на тему "как мы хотим поменять город", "каким мы город хотим видеть". Просто что-то классное про культуру, про художников омских, про искусство, про науку – эти мероприятия, мне кажется, сейчас собирают больше всего людей» (Информант 3. Муж. 29 лет); «требуется молодежная площадка для активной молодежи, для тех, у кого какие-то собственные проекты или желание сделать свое мероприятие или там послушать интересных лекторов» (Информант 8. Муж. 25 лет); «специфика мероприятий в Омске – это досуговые мероприятия, нет качественного досуга, поэтому прям в ТОПе все пикники» (Информант 11. Муж. 26 лет).

Несмотря на то, что в городе самими активистами создается большое количество мероприятий, которые их удовлетворяют и своим содержанием, и принципами проведения, все же в дискурсе городского сообщества активистов можно зафиксировать высказывания об отчуждаемости общественных пространств. Такого рода нарративы фиксируют неудовлетворенность качеством городского пространства в городе и объясняют внутреннюю мотивацию участников городского сообщества активистов, которое старается «отстоять» город, парки, прогулочные зоны и т. п. Активисты высказываются за необходимость улучшения внешнего облика города, обустройство велодорожек, парков.

Креативная экономика ориентирована на людей, на человеческий капитал, поэтому активисты столько внимания уделяют воспитанию горожан, их развитию, качественному досугу, который выходит за рамки привычных пассивных развлечений в духе просмотра концерта на общественных площадках города. Активисты выступают за активный досуг, который горожане создают себе сами, и одновременно участвуют в мероприятиях по благоустройству города.

Хорошие прогулочные зоны позволят горожанам больше гулять. Досуговые мероприятия в виде лекториев позволят горожанам развиваться и узнавать что-то новое. Досуговые мероприятия в виде воркшопов позволят горожанам самим благоустраивать свой город. В такого типа рассуждениях репрезентируются индикаторы креативного урбанистического дискурса.

При этом эксперты солидарны с мнением городских активистов и воспроизводят доминантные концепты креативного урбанистического дискурса: «Просто надо чтобы было *уютно*… Чтобы людям было где гулять – в чем проблема обустроить в районах какие-нибудь *парки* или *скверы*, где можно просто провести время или *погулять* с детьми? Чтобы в этих микрорайонах не было никакой суеты. И вот когда город станет *комфортным*, тогда люди перестанут из него уезжать. И уже только потом можно будет говорить о развитии бизнеса в городе» (Э1); «У нас немного *общественных пространств*, которые бы соответствовали требованиям современных мобильных людей… возвращаясь к промышленности – можно же старые здания переделать под такие пространства, как это делают в Москве, например, в Петербурге» (Э3).

Таким образом, следует отметить схожесть позиций власти и активистов. Несмотря на это, активисты недовольны действиями власти, что позволяет судить о несистемном характере урбанистического дискурса власти при переходе от высокой урбанистики к креативной.

Доминирующая модель благоустройства города находится в стадии формирования и тяготеет к креативной урбанистике. Однако социальные группы не смогли достичь консенсуса относительно единого понятийного ряда (урбанистических концептов), что усложняет процессы институционализации стратегий по благоустройству. В результате этого мероприятия носят ситуативный характер, комплексное развитие замещается разрозненными проектами по благоустройству, тогда как само городское пространство подвергается сегрегации по экономическому, экологическому и социальному основаниям.

Заключение

Идентифицированный в процессе исследования на основании имеющихся у акторов (активистов, медиа и власти) разногласий институциональный диссонанс, репрезентированный в коммуникативном конфликте, ранее не описанный авторами-лингвистами и социологами, выражен в дифференциальном восприятии и интерпретации как содержания урбанистического дискурса в целом, так и частных когнитивных доминант (концептов) этого дискурса, получивших название *урбанема*.

При анализе целостной картины, разворачивающейся перед нами в ходе анализа урбанистического дискурса Омска, мы можем зафиксировать, что акторы могут одновременно являться носителями нескольких типов дискурса. Данный феномен объясняется тем, что мы наблюдаем взаимопроникновение дискурса. Например, в ходе общения с представителями городского сообщества активистов представители власти перенимают доминирующие концепты, присущие креативному типу урбанистического дискурса (в том числе лофт, общественное пространство), однако порой наделяют их иным значением, нежели активисты.

Урбанистический дискурс усложняется, что детерминирует стремление одних городских сообществ быть в тренде, других – оставаться в оппозиции. Так, дискурс власти содержит подтверждения попыток актора следовать за тенденциями городского благоустройства. Но реальные действия не соответствуют идеализированным ожиданиям представителей городского активизма. В результате уже в медиадискурсе, зачастую построенном

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

на критическом восприятии, наблюдается отрицательная оценка действий властей. Дискурс медиа выступает с критикой власти и воспроизводит концепт креативного города с лофтами и воркшопами на местах заброшенных производственных объектов, во многом ориентируясь на захват и удержание своей целевой аудитории.

В ходе теоретического анализа была определена специфика и концептуальные черты разных типов урбанистического дискурса. В результате эмпирического исследования урбанистического дискурса Омска было выявлено, что доминантными являются концепты креативной урбанистики. Они являются притягательными для активистов, т. к., по их мнению, это позволит снизить уровень вредных выбросов в городе и найти новые ресурсы для улучшения экономической ситуации в регионе. По мнению активистов, ключевым ресурсом региона является не промышленность, а люди. Представители региональной власти также акцентируют внимание на человеческом капитале, но концепты индустриальной урбанистики для них являются не менее значимыми.

Литература

1. Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. Механизмы взаимодействия городских сообществ при формировании Smart-City (на примере города Омска) // Вопросы управления. 2019. № 6. С. 272–280. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-272-280
2. Наберушкина Э. К., Сорокина Н. В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 27–42.
3. Котова Е. С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 32–39.
4. Мартьянов В. С., Руденко В. Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 316–330.
5. Оводова С. Н., Чупин Р. И., Жигунов А. Ю. Урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе: от нарративов к институтам // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 3. С. 123–138. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138
6. Шабашев В. А., Зобова Л. Л., Бабун Р. В., Демчук Н. В., Вержицкий Д. Г., Барыльников В. В., Степанов И. Г., Косинский П. Д., Савинцева С. А., Щербакова Л. Н. Городская агломерация: состояние, проблемы, пути развития (на примере Кемеровской области). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. 179 с.
7. Оводова С. Н., Жигунов А. Ю. Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 4. С. 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127
8. Романова Н. Г. "Комфортная городская среда": городское пространство в пространстве языка СМИ // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 152–157.
9. Малышева Е. Г. «Город мёртв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 50–59.
10. Оводова С. Н. Феномен самоорганизации активистов в урбанистические сообщества (на примере города Омска) // Prima Aspectu. 2019. № 2. С. 35–43.
11. Афинская З. Н. К вопросу об урбанистическом дискурсе // Paradigmata poznani. 2015. № 1. С. 32–36.
12. Юнаковская А. А. «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 193–197.
13. Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–37.
14. Зарубина А. Б. Урбанистический дискурс в аспекте мультидисциплинарной дискурсологической практики как драйвер позитивных изменений городской коммуникативной среды // Филологический аспект. 2018. № 1. С. 172–181.
15. Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W. Modelling the smart city performance // The European Journal of Social Science Research. 2012. Vol. 25. № 2. P. 137–149. DOI: https://doi.org/10.1080/13511610.2012.660325
16. Letaifa S. B. How to strategize smart cities: Revealing the SMART model // Journal of Business Research. 2015. Vol. 68. № 7. P. 1414–1419.
17. Курбатова М. В., Каган Е. С., Вшивкова А. А. Региональное развитие: проблемы формирования и реализации научно-технического потенциала // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 1. С. 101–117.
18. Granier B., Kudo H. How are citizens involved in smart cities? Analysing citizen participation in Japanese "Smart Communities" // Information Polity. 2016. Vol. 21. № 1. P. 61–76. DOI: 10.3233/IP–150367
19. Вахштайн В. С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

20. Оводова С. Н. Актуализация урбанистических концептов в российском медиадискурсе // Визуальные образы современной культуры: идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске): сб. науч. ст. по мат-лам VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 27 сентября – 9 октября 2019 г.) Омск: ОмГУ, 2020. С. 261–265.
21. Гладарев Б. «Это наш город!»: анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия // Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 23–145.
22. Клеман К. Химкинское движение. За лесом – гражданское общество // Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 146–199.
23. Мирясова О. Движение за экологическую безопасность города Сасово и Сасовского района. «Жить, чтобы бороться. Бороться, чтобы жить» // Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 200–277.
24. Левинсон А. Пространства протеста: Московские митинги и сообщество горожан // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 99–120.
25. Лейбович О. Л., Шушкова Н. В. Власть и городские сообщества в социальном пространстве большого города (на материалах г. Перми) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 2. С. 118–130.
26. Джекобс Дж. Жизнь и смерть больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
27. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.
28. Лоу С. М. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016. 352 с.
29. Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 11–23.
30. Утехин И. Место действия: публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 75–98.
31. Хазерли О. На площади: в поисках общественных пространств постсоветского города // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 121–175.
32. Зукин Ш. Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
33. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI, 2006. 399 с.

original article

Dominant Concepts of Urban Improvement in Siberia: a Sociological Case Study in Omsk*

Eugeniy A. Kapoguzov [a, @, ID1]; Svetlana N. Ovodova [a, ID2]; Roman I. Chupin [b, ID3]
[a] Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk
[b] Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk
[@] egenk@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-8083-5654
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-3408-1913
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-8904-1380

Received 30.03.2020. Accepted 20.04.2020.

Abstract: The research featured the conflict between urban communities that arises as a result of implementation of urban improvement strategy. The authors used an interdisciplinary approach to study the institutional dissonance in terms of discursive practices, which is a form of urban communities' discourse. A sociological survey made it possible to describe the institutional dissonance that appeared when Omsk residents started demonstrating their dissatisfaction with the attempts of the local authorities to improve the urban environment. They claimed that the authorities did not understand the residents' needs. Moreover, the media transmitted a negative image of the city, which made the citizens even more dissatisfied with their life quality. The research involved an empirical study conducted by the case study method. In included 17 interviews with community activists and five interviews with local authorities. The article introduces the results of an overt observation of the activists and an analysis of the regional mass media. The research revealed the dominant concepts

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-311-00210 "A sociolinguistic analysis of urban discourse (the case of the city of Omsk)".

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

of improvement of the city of Omsk. The institutional dissonance proved recorded in the urban discourse. The research also demonstrated how the dominant concepts of city improvement can reveal themselves in the discourse of activists, regional authorities, and regional media.

Keywords: urban improvement, institutional dissonances, conflict, urban discourse, locality, identity

For citation: Kapoguzov E. A., Ovodova S. N., Chupin R. I. Dominant Concepts of Urban Improvement in Siberia: a Sociological Case Study in Omsk. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 165–175. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

References

1. Kapoguzov E. A., Ovodova S. N., Chupin R. I. Mechanisms of urban communities interaction in the smart city development (by the example of Omsk city). *Voprosy upravleniia*, 2019, (6): 272–280. (In Russ.) DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-272-280
2. Naberushkina E. K., Sorokina N. V. Mapping the accessibility of the urban environment: aspects of social inequality. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki,* 2012, 10 (1): 27–42. (In Russ.)
3. Kotova E. S. Garden-city: an alternative concept of urban environment formation. *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2014, (3): 32–39. (In Russ.)
4. Martyanov V. S., Rudenko V. N. Russian megapolises: from industrial centers towards strategy of multifunctional agglomeration. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2012, (12): 316–330. (In Russ.)
5. Ovodova S. N., Chupin R. I., Zhigunov A. Y. Urban discourse about city improvement: from narratives to institutions. *Journal of Institutional Studies*, 2018, 10(3): 123–138. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138
6. Shabashev V. A., Zobova L. L., Babun R. V., Demchuk N. V., Verzhitsky D. G., Barylnikov V. V., Stepanov I. G., Kosinsky P. D., Savintseva S. A., Shcherbakova L. N. *Agglomeration cities: condition, problems, ways of development (the Kemerovo region)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 179. (In Russ.)
7. Ovodova S. N., Zhigunov A. Y. War of communities: representation of the conflict in urban discourse. *Communication Studies (Russia)*, 2018, (4): 112–127. (In Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127
8. Romanova N. G. "Comfortable urban environment": urban space in the space of mass media language. *Interekspo Geo-Sibir*, 2018, (6): 152–157. (In Russ.)
9. Malysheva E. G. "City of the dead": the concentration of negative mediaimage of Omsk. *Communication Studies (Russia)*, 2014, (2): 50–59. (In Russ.)
10. Ovodova S. N. The phenomenon of activists' self-organization in urban communities (evidence from Omsk). *Prima Aspectu*, 2019, (2): 35–43. (In Russ.)
11. Afinskaya Z. N. To the question of urban discourse. *Paradigmata poznani*, 2015, (1): 32–36. (In Russ.)
12. Yunakovskaya A. A. "City language" as linguistic problem. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2011, (3): 193–197. (In Russ.)
13. Pirogov S. V. City as the phenomenon of culture: cognitive approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*, 2011, (2): 31–37. (In Russ.)
14. Zarubina A. B. Urban discourse in the aspect of multidisciplinary discursive practices as a driver of positive changes in the city communicative environment. *Filologicheskii aspekt*, 2018, (1): 172–181. (In Russ.)
15. Lombardi P., Giordano S., Farouh H., Yousef W. Modelling the smart city performance. *The European Journal of Social Science Research*, 2012, 25(2): 137–149. DOI: https://doi.org/10.1080/13511610.2012.660325
16. Letaifa S. B. How to strategize smart cities: Revealing the SMART model. *Journal of Business Research,* 2015, 68(7): 1414–1419.
17. Kurbatova M. V., Kagan E. S., Vshivkova A. A. Regional development: addressing the problems of building and realization of scientific and technological capacities. *Terra Economicus,* 2018, 16(1): 101–117. (In Russ.)
18. Granier B., Kudo H. How are citizens involved in smart cities? Analysing citizen participation in Japanese "Smart Communities". *Information Polity*, 2016, 21(1): 61–76. DOI: 10.3233/IP–150367
19. Vakhshtain V. S. Reassembling the City: between space and speech. *Sociology of Power*, 2014, (2): 9–38. (In Russ.)
20. Ovodova S. N. Actualization of urban concepts in the Russian media discourse. *Visual images of modern culture: ideals and ideologies (the case of the 25th anniversary of theological education in Omsk)*: Proc. VIII All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, September 27 – October 9, 2019. Omsk: OmGU, 2020, 261–265. (In Russ.)
21. Gladarev B. "This is our city!": An analysis of the St. Petersburg movement for the preservation of historical and cultural heritage. *Urban movement in Russia in 2009–2012: towards a political,* ed. Kleman K. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 23–145. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-165-175

22. Kleman K. Khimki movement. Beyond the Forest – Civil Society. *Urban movement in Russia in 2009–2012: towards a political,* ed. Kleman K. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 146–199. (In Russ.)
23. Miryasova O. The movement for environmental safety of the city and Sasovo Sasovo area. "Live to fight. Fight to live". *Urban movement in Russia in 2009–2012: towards the political*, ed. Kleman K. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 200–277. (In Russ.)
24. Levinson A. Protest Spaces: Moscow rallies and the urban community. *Strelka: compilation 2013*. Moscow: Strelka Press, 2013, 99–120. (In Russ.)
25. Lejbovich O. L., Shushkova N. V. Power and urban communities in the social space of a big city (based on the case of Perm). *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia,* 2010, 19(2): 118–130. (In Russ.)
26. Jacobs J. *The death and life of great American cities.* Moscow: Novoe izdatelstlvo, 2011, 460. (In Russ.)
27. Lefebvre H. Ideas for the concept of a new urbanism. *Russian Sociological Review*, 2002, 2(3): 19–26. (In Russ.)
28. Low S. M. *On the Plaza: The politics of public space and culture.* Moscow: Strelka Press, 2016, 352. (In Russ.)
29. Grois B. Public space: from void to paradox. *Strelka: compilation 2013.* Moscow: Strelka Press, 2013, 11–23. (In Russ.)
30. Utekhin I. Venue: publicity and ritual in the space of the post-Soviet city. *Strelka: compilation 2013*. Moscow: Strelka Press, 2013, 75–98. (In Russ.)
31. Hazerli O. On the square: in search of public spaces of the post-Soviet city. *Strelka: compilation 2013.* Moscow: Strelka Press, 2013, 121–175. (In Russ.)
32. Zukin Sh. *City cultures*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 424. (In Russ.)
33. Landry C. *The creative city.* Moscow: Klassika XXI, 2006, 399. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

оригинальная статья
УДК 316.35

Женская преступность как социальное явление: трансформация и деформация социальных ролей

Елена А. Кранзеева [a, @, ID]; Ксения С. Сапегина [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] elkranzeeva@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2577-9017

Поступила в редакцию 27.04.2020. Принята к печати 21.05.2020.

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть женскую преступность как социальное явление, связанное с социально-ролевыми характеристиками женщин в обществе. Методологическую основу исследования составляет социально-ролевой подход. Авторы определяют женскую преступность как составную часть всей преступности, состоящую из совокупности преступлений, совершенных женщинами на определенной территории за определенный временной промежуток. На материалах статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ГУ МВД по Кемеровской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики о состоянии женской преступности в России и отдельных регионах и анализа материалов обвинительных заключений по делам о мошенничестве со средствами материнского капитала авторы приходят к ряду выводов. Во-первых, женская преступность – это составная часть всей преступности, которая, в свою очередь, обладает спецификой и напрямую связана с ролями, которые выполняют женщины в обществе. Во-вторых, основными видами женских преступлений в последнее время являются корыстные преступления (кражи и мошенничество) особо тяжкие преступления, такие как убийство, более характерны для мужчин. В-третьих, мошенничество при получении материнского капитала – относительно новый вид преступлений, который относится непосредственно к женским видам преступлений, так как связан с выполнением функции деторождения и ролью матери. Получение материнского капитала становится новой возможностью для мошенников, и женщины, оказавшись в трудной жизненной ситуации, зачастую становятся инструментом их преступной деятельности.

Ключевые слова: женщины, гендер, преступления, преступницы, детоубийство, проституция, материнский капитал

Для цитирования: Кранзеева Е. А., Сапегина К. С. Женская преступность как социальное явление: трансформация и деформация социальных ролей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 176–185. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

Введение

Современное общество предполагает расширение социальных ролей, присущих женщине, они уже не ограничиваются чисто семейными, к ним добавляется множество профессиональных и общественных ролей. В настоящее время женщины сталкиваются с конфликтом между т. н. традиционной и современной ролями. Для традиционной характерно представление о нормативной составляющей роли женщины, связанной с замужеством, приоритетностью семьи и материнства. Современная роль раздвигает поло-ролевые границы, ориентирована на самореализацию, связанную с достижениями в профессиональной сфере. Различные социальные институты (семья, государство, рынок, образование и пр.) могут предписывать женщине одновременное освоение этих ролей, и при этом их исполнение будет контролироваться обществом с помощью позитивных и негативных санкций. Женщина оказывается в условиях постоянного стресса, пытаясь совместить в себе заведомо конфликтующие роли [1, с. 194–197]. Невозможность надлежащего исполнения всех предписанных социальных ролей приводит к состоянию маргинальности, которое характеризуется неопределенностью выбора ролевой стратегии. Такое пограничное состояние, давление со стороны общества, применение формальных или неформальных негативных санкций может привести к девиациям (алкоголизм, наркомания, асоциальное поведение и др.), которые могут стать причиной делинквентного поведения.

Женская преступность – это составная часть всей преступности, состоящая из совокупности преступлений, совершенных женщинами на определенной территории за определенный временной промежуток. Имея малый удельный вес в общей структуре преступности, она долгое время не рассматривалась как самостоятельная проблема, требующая изучения.

Существенные изменения в социальной, экономической, политической и других сферах деятельности государства отразились на социально-нравственном состоянии общества, что сказалось и на динамике женской преступности как в России в целом, так и в регионах в часности.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

В качестве наиболее криминогенного периода исследователями отмечается период 1999–2002 гг., который характеризуется максимальными по своему значению показателями объема (более 28 тыс. выявленных лиц), динамики (темп прироста +19,4 %) и доли (удельный вес 17,8 %) женской преступности в структуре всей преступности [2]. Данные статистики в период 2005–2017 гг. отражают соотношение численности женщин и мужчин, совершивших преступления (рис. 1[1]), заметим, что число мужчин-преступников за этот период снизилось на 299 тыс. человек (26,7 %), а женщин – лишь на 31 тыс. человек (17,4 %). В 2017 г. зафиксирован один из самых высоких показателей рецидива преступлений, совершенных женщинами, – 39,7 % (+8,7 %).

Рис. 1. Численность женщин и мужчин, совершивших преступления, тыс. человек

Fig. 1. Women and men offenders, K people

Количественное увеличение и качественное усложнение преступлений, совершаемых женщинами, влечет за собой массу негативных последствий, отражающихся на будущем отдельного региона, страны и общества в целом. Криминализация женщин опасна, т. к. от женщины во многом зависит «качество» будущего поколения, его воспроизводство, воспитание и передача социально-культурных образцов. Кроме того, женская преступность обладает высоким уровнем латентности и рецидива, что является не только особенностями данного явления, но и показателем эффективности деятельности по борьбе с женской преступностью.

Целью статьи является рассмотрение женской преступности как социального явления, связанного с социально-ролевыми характеристиками женщин в обществе.

Методы и материалы. Определяя понятие *преступность*, мы будем опираться на мнение современного российского социолога Г. В. Осипова, который делает акцент на двух важнейших показателях, характеризующих преступления. Преступность – это социальное явление, включающее совокупность преступлений, совершенных в данном обществе в данный период времени, и характеризующееся количественными (состояние, динамика) и качественными (структура, характер) показателями[2]. Изучение преступности во многом основывается на их изучении.

Эмпирическую базу статьи составили статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, ГУ МВД по Кемеровской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики о состоянии женской преступности в России и отдельных регионах. Для характеристики качественных показателей использовался метод анализа документов применительно к отчетам с брифингов Главного Следственного Управления ГУ МВД России по Кемеровской области, а также материалам обвинительных заключений по делу о мошенничестве со средствами материнского капитала.

Результаты

Работ, посвященных проблемам женской преступности, крайне мало, в основном исследователи делают акцент на преступности несовершеннолетних (Е. В. Демидова-Петрова [3], Г. И. Забрянский [4], Е. О. Смолева [5] и др.), либо на преступлениях, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (А. А. Гребеньков [6], Д. К. Чирков и О. Н. Корчагин [7] и др.). Это связано с тем, что общество долгое время не обращало внимания на социальные проблемы женщин как отдельной группы, и лишь во второй половине XIX в. в научной литературе начинают появляться систематизированные данные, связанные с проблемой женского алкоголизма (Н. В. Давыдов [8] , Н. Л. Зеланд [9]), а затем и женской преступностью (Ч. Ломброзо [10]).

Одной из первых групп теорий, объясняющих преступления женщин, является антропологический подход. Классическим трудом по изучению личности женщин-преступниц является работа итальянского исследователя Ч. Ломброзо «Женщина-преступница и проститутка» [10]. Автор рассматривает такие явления, как любовь, проституция и преступность применительно к женщинам. Он классифицирует женщин-преступниц, выделяя среди них 3 группы с характерными чертами.

Врожденные преступницы по антропологическим и психологическим характеристикам похожи больше на мужчин, чем на женщин. Им присуще такие мужские черты, как мужество, энергия, тяга к употреблению спиртного и табака и др. Чаще врожденные преступницы обладают интеллектуальными способностями выше среднего. Они отличаются множественностью преступлений, при этом совершают преступления не одной, а нескольких категорий. Зачастую главным мотивом совершения преступлений выступает месть.

Случайные преступницы, те, которые больше мужчин испытывают чувство раскаяния, скорее возвращаются на путь добра и реже рецидивируют в преступлениях. Такие женщины нередко получают хорошее образование, но не могут его применить в той или иной профессии,

[1] Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 214.

[2] Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор акад. РАН Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М НОРМА, 1998. С. 260.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

и у них остается выбор между проституцией, преступностью или самоубийством. Среди женщин преобладают именно случайные преступницы.

Преступницы по страсти, это в основном женщины молодого возраста, причиной преступлений которых становится именно любовная страсть. Преступления по страсти, эгоистического типа совершаются не благодаря внезапному порыву страсти, но под влиянием постепенного нарастающего чувства ревности, порождаемой разного рода несчастьями. И еще одна страсть, которая нередко становится причинной преступлений, является страсть к нарядам и роскоши [10].

С развитием социальной теории и гендерных исследований на смену антропологическому приходит социально-ролевой подход. В нем особое внимание уделяется исследованию качества выполняемых женщиной социальных ролей – тех, которые она занимала до совершения уголовно-наказуемого посягательства в основных социальных институтах: в семье, образовательном учреждении, трудовом коллективе, в других социальных группах [11].

К. А. Демина выделяет следующие особенности социально-ролевой сферы женщин преступниц [12]:

1. **Ограниченность возможных видов профессиональной деятельности для женщин.** Для потенциальных преступниц характерно отсутствие постоянного места работы и постепенное отчуждение от труда, которое может обуславливаться как отвержением человека со стороны общества (несоответствие предъявляемым к нему требованиям), так и отчуждением самого лица от общества. Отвержение со стороны общества приводит к исключению из сферы занятости, к отсутствию постоянной работы и источника доходов, к дестабилизации во всех сферах жизни человека.

2. **Большая доля рабочих женщин в общем количестве преступниц**. Несмотря на наличие занятости, имеющаяся работа не соответствует психофизиологическим особенностям женщин, является утомительной, плохо оплачиваемой, что препятствует ее надлежащему выполнению и получению удовлетворения от процесса труда. Зачастую низкий уровень образования не позволяет таким женщинам изменить свой профессиональный, а как следствие и социальный статус [13].

3. **Большая образованность женщин-преступниц, в отличие от преступников мужского пола.** Тенденция большей образованности женщин в целом соответствует социально-демографическим показателям, но среди женщин, совершивших преступление, удельный вес лиц, имеющих высшее и среднее образование, в два раза больше, чем среди преступников-мужчин. Женщины часто становятся организаторами / соучастниками экономических преступлений, т. к. занимают должности бухгалтеров, экономистов в организациях.

4. **Нейтральное отношение преступниц к своим обязанностям на работе и к участию в общественной жизни коллектива.** Характеристики с места работы (учебы) преступниц чаще всего сводятся к перечислению стандартного, шаблонного набора исполнительских качеств: ответственность, добросовестность, коммуникабельность, наличие навыков и способностей для выполнения возложенных обязанностей. Это может объясняться как формальным отношением составителей документов, так и действительным незаинтересованным отношением женщин-преступниц к профессиональной деятельности и организационным отношениям.

5. **Выполнение женщиной ролей матери и супруги характеризуются неоднозначно.** Близкие в большинстве случаев защищают женщин-преступниц, объясняют и оправдывают их противоправное поведение. Однако сами преступницы редко характеризуют свои отношения с родителями и ближайшими родственниками как спокойные и доброжелательные. Развитие сложных межличностных отношений, часто на фоне весьма неудовлетворительных материальных и бытовых условий, способствует скорейшему усвоению и развитию антиобщественных форм поведения. Для женщины-преступницы характерно менее ответственное и увлеченное, а порой даже пренебрежительно-безразличное выполнение своих социальных ролей, причем абсолютно во всех основных общественных институтах [12].

Особенности социально-ролевой сферы женщин отражаются и на видовом разнообразии совершаемых преступлений, что также придает специфичность женской преступности.

Современная преступность отражает развитие социальных норм общества и способна трансформироваться, появляются новые виды преступлений, а старые либо исчезают, либо видоизменяются (меняются способы, орудия и т. д.). Так, в более ранних обществах женщины совершали преступления по большей части из-за неравноправия с мужчинами. Например, у некоторых островных народов женщинам запрещено было брать в руки оружие, садиться в лодку, нельзя было употреблять в пищу некоторые виды продуктов и т. д. Нарушение подобных табу каралось у каждых народов по-разному: в Древнем Риме употребление женщиной вина каралось смертной казнью, а в Африке женщина, услышавшая секрет мужчины, лишалась ушей, разгласившая их – губ и др. [10]. Но есть ряд преступлений, которые существуют с древних времен и связаны именно с социальной ролью, которая выполняется женщиной.

Детоубийство – этот вид преступления существовал с древних времен и был всегда более свойственен женщинам, т. к. женщина ближе к ребенку, в отличие от мужчины, и имеет больше возможности и побуждений убить его. По данным французских исследователей, максимальное число детоубийств и выкидышей приходилось на возраст от 21 до 30 лет, т. е. к периоду полного развития физических сил, возможности деторождения и в пору, когда

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

над чувством начинает преобладать сухой расчет [14, с. 418]. Данный вид преступлений в настоящее время имеет тенденцию к росту. На заседании Совета по вопросам попечительства в социальной сфере в декабре 2019 г. было озвучено, что «число совершенных преступлений в отношении детей родителями увеличивается за последние четыре года на 92 %. В том числе на 50 % увеличилось количество убийств»[3].

Еще одним из основных видов преступлений, свойственных женщинам, является **проституция**. Основная причина возникновения проституции – это отношения к женщинам как к объекту. В традиционных обществах было развито т. н. «угощение женами», когда муж позволял гостю пользоваться услугами жены, или родители могли продать дочь замуж за нелюбимого, а девушка в свою очередь начинала искать истинную любовь вне брака и т. д. [14, с. 455–459]. Хоть проституция в древности была очень развита, но в большинстве случаев преступлением она не считалась. Сейчас же отношение к проституции в различных странах мира неоднозначно: в одних странах проституция легализована, в других – является правонарушением, а в третьих – проституция – это преступление. В России занятие проституцией расценивается как административное правонарушение, а вот вовлечение в занятие подобной деятельностью и ее организация являются преступлением.

Современные исследования женской преступности позволяют классифицировать ее видовое разнообразие по различным основаниям [15–17]:

- по количеству субъектов преступления: а) женщина совершает преступление одна; б) женщина совершает преступление в группе;
- по ролевой функции, которую женщина выполняет в преступной группе: а) организатор преступной группы; б) исполнитель; в) подстрекатель; г) пособник;
- по уголовно-правовому основанию среди женщин-преступниц можно выделить: а) женщин, совершивших насильственные преступления; б) женщин, совершивших корыстные преступления; в) женщин, совершивших корыстно-насильственные преступления; г) женщин, совершивших должностные преступления; д) женщин, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Отметим, что число женщин в различных видах совершенных преступлений с 2011 г. по 2017 г. снижается (табл.[4]). Если же обратиться к данным, отражающим число преступников, осужденных за совершение преступлений, то мы увидим, что этот показатель для женщин еще больше снижается, т. к. в нашей стране предусмотрены законодательные привилегии в сфере назначения для них наказания, обусловленные в первую очередь охраной репродуктивных интересов.

Данные, приведенные в табл., отражают, что в 2017 г. женщины-преступницы совершили следующие основные виды преступлений: кража (40,9 тыс. человек), мошенничество (12,2 тыс. человек), незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (9,3 тыс. человек). Среди мужчин более распространены

Табл. Распределение женщин и мужчин по видам совершенных преступлений на территории России, тыс. человек

Tab. Women and men offenders by crime types, Russia, K people

Вид преступления	2011		2013		2015		2017	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Убийство и покушение на убийство	1,9	10,8	1,7	10,1	1,6	9,0	1,4	7,9
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	5,9	27,6	5,6	26,1	5,0	23,0	4,2	18,9
Разбой	0,7	16,3	0,4	13,6	0,4	11,7	0,4	9,0
Грабеж	4,4	54,6	3,3	43,3	3,1	36,8	2,8	32,9
Кража	50,4	279,5	50,8	257,8	54,7	266,4	40,9	222,2
Мошенничество	12,6	24,9	14,1	25,1	14,7	25,2	12,2	24,3
Присвоение или растрата	5,3	6,5	5,1	6,5	6,6	6,7	5,2	6,8
Незаконное предпринимательство	0,1	0,4	0,1	0,4	0,0	0,4	0,0	0,3
Взяточничество	0,9	4,8	1,0	5,7	1,1	7,1	0,6	3,1
Хулиганство	0,1	2,2	0,1	2,4	0,0	1,6	0,0	1,0
Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	14,0	95,0	12,1	105,7	11,4	109,8	9,3	96,8

[3] Число убийств детей родителями в России выросло на 50 % за четыре года // РИА НОВОСТИ. 19.12.2019. Режим доступа: https://ria.ru/20191219/1562606583.html (дата обращения: 11.03.2020).

[4] Женщины и мужчины России. 2018... С. 215.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

такие виды преступлений, как кража (222,2 тыс. человек), незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (96,8 тыс. человек) и грабеж (32,9 тыс. человек). Если представить процентное распределение по этим видам преступлений (рис. 2[5]), то мы отмечаем, что мошенничество – частый вид преступлений, совершаемых женщинами.

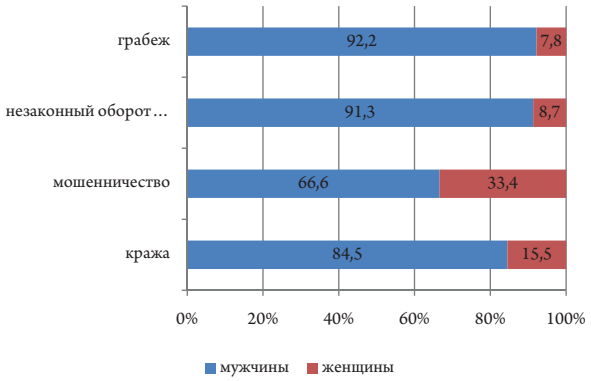


Рис. 2. Распределение женщин и мужчин по видам совершенных преступлений на территории России, %
Fig. 2. Women and men offenders by crime types, Russia, %

Мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием[6]. Данный вид преступления более свойственен женщинам и при этом обладает свойством гиперлатентности (т. е. мошенничество трудно в обнаружении, раскрытии и зачастую не отражено в официальной статистике). Причинами того, что незарегистрированных мошенничеств больше, чем зарегистрированных, являются новизна и достаточно высокий интеллектуальный уровень преступлений; сложность и длительность доказывания преступлений с мошенничеством; трудность в определении самого мошеннического хищения, которое зачастую путают с неисполнением гражданско-правовых обязательств, особенно при обмане в намерениях, когда отсутствуют сопутствующие ему обманы (подделка документов, обман в личности и т. д.) [17, с. 168]; нежелание потерпевшего обращаться с заявлением в полицию (скрывает факт знакомства с женщиной-преступницей, жалеет ее и поэтому прощает, стыдится того, что поддался обману и т. д.).

В нашем обществе закрепился стереотип, что женщины – это представительницы слабого пола. Им с легкостью доверяют, помогают, из-за чего зачастую становятся жертвами женщин-мошенниц. Но далеко не всегда женщины являются организаторами или исполнителями преступления, зачастую они сами становятся жертвами мошенников, которые, пользуясь доверием и юридической неграмотностью женщин, склоняют их к противозаконным действиям. Примером этого может являться специфический вид преступления, появившийся после принятия закона, направленного на поддержку материнства и семьи, – мошенничество с материнским капиталом.

На территории РФ реализуется несколько социальных программ, направленных на поддержание института семьи. Наиболее масштабной является социальная программа, реализуемая государством с 2007 г. – материнский (семейный) капитал (МСК). С появлением новой социальной программы женщины обрели не только определенную поддержку со стороны государства, но и новый повод злоупотребить его доверием. Данная программа реализуется посредством выдачи сертификатов семьям, в которых родился (был усыновлен) после 1 января 2007 г. второй (или третий ребенок и последующие дети, если при рождении (усыновлении) второго ребенка право на получение средств сертификата не оформлялось). Материнский капитал ежегодно индексируется государством, и, как показывает практика, с каждым годом его размер стабильно увеличивается. В 2007 г. его размер составлял 250 тыс. руб. (на второго или последующего ребенка), а в 2020 г. программа изменена, введен капитал за рождение первого ребенка (466,6 тыс. руб.) и его размер увеличен до 616,6 тыс. руб. для второго (или последующего) ребенка[7]. Это может привлекать женщин к рождению еще одного ребенка, а также мошенников, желающих поживиться за чужой счет.

«Всего с начала действия программы материнского капитала [в 2007 г.] число выданных российским семьям сертификатов достигло 8,9 млн. Полностью распорядились средствами 5,5 млн семей, или 61,6 % владельцев сертификата»[8]. Государство предусматривает некоторые ограничения на использование средств материнского капитала, которые определены ФЗ РФ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»[9]. Данные ограничения не позволяют тратить средства МСК на собственные, единоличные нужды матери, средства направляются непосредственно на потребности всей семьи, соблюдение целевой траты средств строго отслеживается государством. С другой стороны, жесткое ограничение в направлении средств МСК приводит к тому, что женщины пытаются обойти закон и получить средства сертификата наличными деньгами для дальнейшего распоряжения ими по своему усмотрению.

[5] Там же.

[6] Уголовный кодекс РФ. ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 06.04.2020. № 14. Ст. 2003.

[7] Пенсионный фонд РФ. Режим доступа: http://www.pfrf.ru/opendata/ (дата обращения: 12.04.2020).

[8] Число выданных сертификатов на материнский капитал достигло почти 9 млн // ТАСС. 11.12.2018. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/5897516 (дата обращения: 15.04.2020).

[9] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей (с изм. и доп.). ФЗ от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // СЗ РФ. 01.01.2007. № 1. Ч. I. Ст. 19.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

Исследователи отмечают, что преступления, связанные с хищением материнского капитала, условно можно разделить на две группы. Эти группы определяются (1) неправомерным получением материнского капитала и (2) его незаконным распоряжением (обналичиванием).

Чаще всего преступления, связанные с неправомерным получением МСК, совершают лица, лишенные родительских прав, в основном женщины, ведущие асоциальный образ жизни (употребление алкоголя, наркотических средств, ранее судимые и т. д.). Указанные преступления характерны для всех регионов России.

Преступления второй группы совершаются в основном из-за того, что законодательством предусмотрено расходование материнского капитала только в определенных целях. Преступники обналичивают средства и тратят их на актуальные для них цели [18; 19].

За период 2007–2018 гг. сертификаты на получение материнского капитала оформили 165 тыс. семей Кузбасса. Большая часть из них уже распорядилась средствами полностью или частично: 109 тыс. заявлений подано на улучшение жилищных условий (из них 75 тыс. – с привлечением кредитов); 12 тыс. направили деньги на детское обучение; 80 матерей использовали средства материнского капитала на формирование накопительной пенсии; 2 заявления подано на социальную адаптацию детей-инвалидов.

На начальном этапе реализации программы, в период с 2010 г. по первое полугодие 2014 г., в производстве органов предварительного следствия управлений, отделов МВД России по Кемеровской области находилось 170 уголовных дел о преступлениях, связанных с хищениями средств МСК. Из них в 2010 г. возбуждено 1 дело, в 2011 г. – 5 дел, в 2012 г. – 25 дел, в 2013 г. – 89 дел, а в первом полугодии 2014 г. – 50 уголовных дел о 88 преступлениях, связанных с хищением средств МСК. Проанализировав материалы уголовных дел, сотрудники ГСУ ГУ МВД России по Кемеровской области пришли к выводу, что обстоятельствами, способствующими совершению подобных преступлений, является формальный подход специалистов территориальных органов ПФ РФ к приему и рассмотрению заявлений о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала[10].

Введение материнского капитала послужило хорошим подспорьем для роста числа корыстных преступлений, совершаемых женщинами. Получение средств материнского капитала сопровождается оформлением большого пакета документов, поэтому совершить преступление в одиночку практически невозможно.

Нами были проанализированы показания нескольких женщин, участвующих в преступлениях, связанных с обналичиванием средств материнского капитала на территории Кемеровской области в период 2011–2014 гг. Преступления были связаны с обналичиваем тринадцати сертификатов МСК, двое женщин и двое мужчин являлись организаторами данного преступления, остальные 13 женщин – владельцы сертификатов, которые так или иначе пошли на противоправные действия. В результате анализа показаний были определены социальные характеристики женщин и основные причины, по которым они решили нарушить закон.

Если определять социальные характеристики, то все женщины, совершившие данное преступление, не имеют постоянного источника дохода, до рождения ребенка только 3 из 13 женщин работали. Возраст преступниц – от 18 до 35 лет. Семейный статус: 5 женщин состоят в браке (у двух из них супруг находился в местах лишения свободы), еще 6 проживают с мужчинами, не регистрируя свои отношения. Все они имеют детей. Отметим, что кроме детей есть еще другие иждивенцы (престарелые родители, неработающий супруг). Во многом именно неустроенность в жизни, зависимость от обстоятельств стали причинами, по которым женщины совершили данный вид преступления.

Мы выделили следующие группы причин, которые детерминировали мошенничество женщин с МСК.

1. **Тяжелое материальное положение** – главная причина, пронизывающая практически все случаи, здесь можно выделить факторы, которые способствовали этому:

a) отсутствие материальной поддержки со стороны (мужа, сожителя, родителей и т. д.), либо отсутствие таковых вообще (*Мой гражданский муж Б. с 29.12.2010 находился в армии, вернулся он 01.01.2012. С ним я разговаривала по поводу того, что хочу обналичить материнский капитал, он сказал, что ему без разницы, это мое дело*[11]);

b) отсутствие работы (сертификат фактически становится единственным источником дохода) (*Я решила обналичить средства материнского капитала, то есть получить деньги на руки, так как находилась в тяжелом материальном положении, в официальном браке я на тот момент не состояла, детское пособие по рождению Ивана получала около 7000 рублей, место работы не имела...*);

c) наличие материальных проблем либо у самой женщины, либо у сожителя (непогашенные кредиты, долги и т. д.) (*Сожитель постоянно просил у Д. деньги с материнского капитала, говорил, что ему то срочно нужно отдать долг, то на другие мелкие нужды, по его просьбе Д. снимала денежные средства с материнского капитала со своей сберкнижки несколько раз, куда он тратил деньги на самом деле, Д. не знает*).

2. **Отсутствие необходимой статьи расхода в законе о трате средств материального капитала**. Сертификат подразумевает возможную трату средств на улучшение условий проживания, но, к сожалению, под этим не подразумевается ремонт уже существующего жилья. Поскольку средств сертификата недостаточно для приобретения полноценного жилья, а ипотеки и кредиты не все

[10] Главное Следственное Управление по Кемеровской области. Режим доступа: https://42.мвд.рф/ (дата обращения: 11.03.2020).

[11] Здесь и далее орфография и стилистика источника сохранены.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

семьи в состоянии выплачивать, и не всем их одобряют, складывается ситуация, при которой женщины готовы рискнуть и попробовать обналичить сертификат ради того, чтобы хоть как-то улучшить условия жизни (*Приобрести обособленное жилое помещение у К. не было возможности, так как не было денежных средств, в банках ипотеку на приобретение жилья ей не давали, так как не работала, а у сожителя была маленькая зарплата*).

3. **Иллюзия наличия денежных средств**. Когда семья не может применить сертификат по требованиям закона (в силу различных причин), а деньги необходимы, создается ситуация, как бы испытывающая владельца сертификата, вроде деньги есть, но потратить законным способом ты их не можешь (*После рождения второго сына у Т. возникло право на получение материнского (семейного) капитала. Т. знала об этом праве, но воспользоваться сертификатом не было причины, в пенсионный фонд не обращалась. После Нового Года 2012 от своих знакомых она узнала о том, что материнский капитал могут отменить и денежные средства никому переводить на счет не будут. Т. действительно поверила в то, что материнский капитал могут отменить, так как, судя по статистике, рождаемость в России была повышена, а цель материнского капитала, насколько Т. известно, повысить рождаемость в стране*).

4. **Давление со стороны организаторов преступления**. Практически во всех случаях женщины говорили о том, что они были информированы о правилах пользования сертификатом, искали подходящее жилье, чтобы использовать сертификат в целях улучшения жилищных условий, или вообще не собирались пока использовать средства сертификата. Однако находились люди (либо организаторы преступления, либо те, кто уже прибегал к их услугам), которые предлагали получить средства сертификата наличными деньгами, уверяли, что это безопасно, а иногда даже навязчиво звонили, ждали у подъезда и т. д., что по итогу приводило к их согласию попробовать обналичить сертификат (*В. хотела обналичить материнский капитал, чтобы сделать ремонт в доме мамы, но отдавать половину суммы материнского капитала А. (организатор преступления) стало жалко. Примерно через неделю после разговора позвонил А. и спросил, не надумала ли она обналичить материнский капитал, на что В. сказала, что пока делать этого не будет. На следующий день А. снова ей позвонил… На следующий день В. на телефон мобильной связи позвонил незнакомый абонент, она взяла трубку, это снова оказался А. Он стал ей выговаривать*).

Следует отметить, что все женщины обладали информацией о том, что средства материнского капитала в рамках закона перечисляются только безналичным способом, и что любая попытка обналичить средства сертификата является преступлением. Источниками данной информации для женщин были работники Пенсионного фонда, которые объясняли условия получения сертификата и возможных направлений его применения и выдавали вместе с сертификатом памятку о его использовании, а также женщины были информированы по средствам СМИ. Таким образом, все владельцы сертификатов, задействованные в рассмотренном нами деле, шли на нарушение закона с полным осознанием противоправности своих действий.

Развитая система информирования населения позволяет своевременно доносить информацию о требованиях и правилах использования средств сертификата. Чаще всего женщины информированы о том, каким образом они могут использовать материнский капитал, и на обналичивание средств идут с полным осознанием противозаконности своих действий. Другое дело, что многие из них безграмотны в юридических вопросах, чем пользуются мошенники, обещая, что все будет законно, уговаривая, а иногда даже запугивая их, и при таких условиях женщины становятся исполнителем-жертвой. Зачастую это женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию, – матери-одиночки, женщины, проживающие с сожителями-алкоголиками, безработные женщины и др.

Заключение

Преступность – явление, которое невозможно искоренить полностью, но необходимо бороться с его распространением. Для наиболее эффективной борьбы необходимо теоретически изучать и практически исследовать все аспекты данного явления. Женская преступность – составная часть всей преступности, которая, в свою очередь, обладает спецификой и напрямую связана с ролями, которые выполняют женщины в обществе. Роль женщины в обществе в ходе истории претерпевала изменения, и это не могло не отразиться на преступности среди женщин. Эмансипация побуждает женщин быть независимыми, особенно в финансовом плане, СМИ активно демонстрируют и тиражируют новые социальные роли – образцы, которые являются желанным идеалом для многих женщин, но не у всех есть ресурсы (финансовые средства, образование и др.), необходимые для их реализации. Основными видами женских преступлений в последнее время являются корыстные преступления (кражи и мошенничество). Мошенничество при получении материнского капитала – относительно новый вид преступлений, относится непосредственно к женским видам преступлений, т. к. связан с выполнением функции деторождения и ролью матери. Получение материнского капитала становится новой возможностью для мошенников, и женщины оказываются инструментом их преступной деятельности.

Для того чтобы избежать подобных случаев, необходимо повышать юридическую грамотность населения; проводить тщательную работу с сотрудниками пенсионного фонда, особенно в малых городах и поселках, по вопросам информирования женщин об ограничениях в использовании средств материнского капитала; создать консультирование по советам и выработке стратегии правильного применения средств сертификата.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

Литература

1. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
2. Волкова А. С. О некоторых современных тенденциях женской преступности в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 62–65.
3. Демидова-Петрова Е. В. Методика создания портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминогенной подверженности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 62–65. DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7372
4. Забрянский Г. И. Криминология: избранные статьи: общество и преступность, криминологическая статистика, криминология села, криминология несовершеннолетних. М.: Граница, 2013. 564 с.
5. Смолева Е. О. Преступность несовершеннолетних: состояние и тенденции // Вопросы территориального развития. 2013. № 10. Режим доступа: http://vtr.vscc.ac.ru/article/1370 (дата обращения: 11.03.2020).
6. Гребеньков А. А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. М.: Высш. шк., 2009. 167 с.
7. Чирков Д. К., Корчагин О. Н. О необходимости внесения изменений в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года в контексте обеспечения национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 1. С. 52–67. DOI: 10.7256/2454-0668.2017.1.18629
8. Давыдов Н. В. Женщина перед уголовным судом. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. 51 с.
9. Зеланд Н. Л. Женская преступность. СПб: Тип. А. А. Пороховщикова, 1899. 40 с.
10. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. Ставрополь: Изд-во Торбы, 1991. 223 с.
11. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Томск: ДиВо, 2007. 230 с.
12. Демина К. А. Личность преступницы в аспекте особенностей ее социально-ролевой характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 113–115.
13. Кранзеева Е. А. Безработица как фактор деформации профессионального развития личности в малом городе с монопроизводством (управленческий аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004. 22 с.
14. Шашков С. С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб.: Типография Ф. С. Сущинского, 1872. 590 с.
15. Кирюшина Л. Ю. Криминалистическая типология женщин-преступниц как основание разработки криминалистической методики расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 155–159.
16. Кутина В. П. Насильственная женская преступность и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 22 с.
17. Шиян В. И. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых женщинами // Общество и право. 2010. № 5. С. 167–171.
18. Лозовский Д. Н., Санкин А. И. Отдельные аспекты расследования мошенничества, связанного с выплатой материнского капитала // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 105–107. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.20604
19. Мазунин Я. М., Сычев А. Л. Классификация способов совершения мошенничества при получении материнского (семейного) капитала // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. С. 160–166.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

original article

Women Offenders as a Social Phenomenon: Transformation and Deformation of Social Roles

Elena A. Kranzeeva [a, @, ID]; Ksenia S. Sapegina [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] elkranzeeva@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2577-9017

Received 27.04.2020. Accepted 21.05.2020.

Abstract: The research featured women offenders as a social phenomenon associated with the social role of women. The study was based on the socio-role approach. The authors defined women's crime as an integral part of all crimes committed by women on a certain territory over a certain time period. The statistics of female crime in Russia and its regions came from the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, the Chief Directorate of the Ministry of Internal Affairs for the Kemerovo Region, and the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service. The authors also analyzed cases of fraud related to maternity capital funds. Firstly, female crime proved an integral part of crime in general; it has its own specifics and is directly related to the roles that women play in society. Secondly, women commit mostly profit-related crimes, e.g. theft or fraud, while murder proved more typical of men. Thirdly, maternity fund fraud appeared to be a relatively new type of crime. Apparently, its female character is associated with childbearing and maternal function. Swindlers see new opportunities in maternal funds, and a woman in distress can easily become an instrument of their criminal activity.

Keywords: women, gender, crimes, criminals, infanticide, prostitution, maternity capital

For citation: Kranzeeva E. A., Sapegina K. S. Women Offenders as a Social Phenomenon: Transformation and Deformation of Social Roles. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 176–185. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

References

1. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. *Twelve lectures on gender sociology.* St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2015, 768. (In Russ.)
2. Volkova A. S. Current trends in female crime in Russia. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, (1): 62–65. (In Russ.)
3. Demidova-Petrova E. V. The technique for creating a portrait of the personality of juveniles in the context of typological risk of criminogenic exposure. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia,* 2017, (3): 62–65. (In Russ.) DOI: 10.24420/KUI.2017.3(29).7372
4. Zabryansky G. I. *Criminology: selected articles: society and crime, criminological statistics, rural criminology, juvenile criminology*. Moscow: Granitsa, 2013, 564. (In Russ.)
5. Smoleva E. O. Juvenile crime: status and trends Juvenile. *Territorial Development Issues*, 2013, (10). Available at: http://vtr.vscc.ac.ru/article/1370 (accessed 11.03.2020). (In Russ.)
6. Grebenkov A. A. *Criminal liability of persons who committed a crime in a state of intoxication*. Moscow: Vyssh. shk., 2009, 167. (In Russ.)
7. Chirkov D. K., Korchagin O. N. On the need of amending the Strategy of the Russian Federation National Anti-Drug Policy until 2020 in the context of ensuring national security. *National Security*, 2017, (1): 52–67. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0668.2017.1.18629
8. Davydov N. V. *Woman in criminal court*. Moscow: Izd. T-va I. D. Sytina, 1906, 51. (In Russ.)
9. Zeland N. L. *Women's crime*. St. Petersburg: Tip. A. A. Porokhovshchikova, 1899, 40. (In Russ.)
10. Lombroso C. *Woman criminal and prostitution.* Stavropol: Izd-vo Torby, 1991, 223. (In Russ.)
11. Prozumentov L. M., Shesler A. V. *Criminology. General information*. Tomsk: DiVo, 2007, 230. (In Russ.)
12. Demina K. A. The offendress personality of criminal woman in her social-role features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2010, (331): 113–115. (In Russ.)
13. Kranzeeva E. A. *Unemployment as a factor in the deformation of the professional development of an individual in a small town with monoproduction (a managerial aspect)*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2004, 22. (In Russ.)
14. Shashkov S. S. *The historical fate of women, infanticide, and prostitution.* St. Petersburg: Tipografiia F. S. Sushchinskogo, 1872, 590. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-176-185

15. Kiryushina L. Yu. Criminalistic typology of female criminals as a foundation for criminal methods of investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, (298): 155–159. (In Russ.)
16. Kutina V. P. *Violent female crime and its prevention*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2006, 22. (In Russ.)
17. Shiyan V. I. The state and dynamics of fraud committed by women. *Obshchestvo i pravo*, 2010, (5): 167–171. (In Russ.)
18. Lozovsky D. N., Sankin A. I. Certain aspects of the investigation of fraud related to the payment of maternity capital. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2018, (11): 105–107. (In Russ.) DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.20604
19. Mazunin Ya. M., Sychev A. L. Classification of ways of committing fraud when receiving the maternal (family) capital. *Legal science and law enforcement practice*, 2016, (4): 160–166. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

оригинальная статья
УДК 303.621.3:001.891-057.875

Развитие интереса студенческой молодежи к научному поиску: опыт и проблемы регионального университета

Семен Д. Резник [a, @, ID1]; Марина В. Черниковская [a, ID2]
[a] Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Россия, г. Пенза
[@] disser@bk.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-6395-1450
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-0994-8108

Поступила в редакцию 10.03.2020. Принята к печати 16.04.2020.

Аннотация: В статье анализируется актуальная для высшего образования страны проблема привлечения студенческой молодежи к научному поиску. Особое внимание уделено опыту организации научной работы со студентами в Пензенском государственном университете архитектуры и строительства. В качестве метода исследования выбран анкетный опрос. Выборочная совокупность включала более 400 студентов региональных вузов России и опрос более 30 высококвалифицированных экспертов, имеющих отношение к изучаемой проблеме. Основной целью исследования, выполненного кафедрой *Менеджмент* Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, является оценка интереса студенческой молодежи к участию в научно-исследовательской деятельности, разработка на этой основе рекомендаций по ее организации и развитию в студенческой среде. Статья представляет интерес для студентов и преподавателей российских вузов, органов управления учреждениями высшего образования, а также для ученых, исследующих проблемы студенчества.

Ключевые слова: интерес, студенты, социальная устойчивость, конкурентоспособность, университет, научно-исследовательская работа

Для цитирования: Резник С. Д., Черниковская М. В. Развитие интереса студенческой молодежи к научному поиску: опыт и проблемы регионального университета // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 186–194. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Введение

Участие студентов в научном поиске позволяет им более полно проявлять свою индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации. Важно отметить, что процесс исследования индивидуален и является ценностью как в образовательном, так и в личностном смысле. В связи с этим будущий специалист должен быть готов к осуществлению научно-исследовательской деятельности, что позволит в дальнейшей профессиональной деятельности на научном уровне решать воспитательно-образовательные задачи [1, с. 97].

Современный специалист должен владеть не только фундаментальными и специальными знаниями, но и навыками творческого решения задач, постоянно повышать квалификацию, уметь адаптироваться к изменяющимся условиям, развивать индивидуальные способности, а также научную интуицию. Все эти навыки формируются в период обучения в вузе и прежде всего при активном участии студентов в научно-исследовательской деятельности.

Научная работа как важное звено подготовки конкурентоспособного специалиста должна занимать важное место среди задач высшего образования. Задача высшей школы состоит в том, чтобы сократить период адаптации студентов к учебно-исследовательской и научной работе [2, с. 69].

Основной целью исследования, выполненного кафедрой *Менеджмент* Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (ПГУАС), является анализ и оценка интереса студенческой молодежи к участию в научно-исследовательской деятельности, разработка на этой основе рекомендаций по ее организации и развитию в студенческой среде. Для реализации поставленной цели была изучена практика привлечения студентов к научной деятельности, особенности участия студентов в научных конкурсах, гендерные различия в развитии интереса студентов к научному поиску, публикационная активность студентов, представлен многолетний опыт и результаты организации совместной научной работы преподавателей со студентами в Институте экономики и менеджмента ПГУАС, разработано научно-методическое обеспечение решения исследованной проблемы.

Объектом исследования выступили студенты региональных государственных высших учебных заведений России, а предметом – интерес к научно-исследовательской работе в период обучения в университете.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Изучению различных аспектов участия студентов в научно-исследовательской работе посвящены труды таких ученых, как А. В. Баширов и Т. А. Ханов [3], О. Б. Болбат [4], Т. А. Гужавина [5], Н. В. Гусева [6], А. Р. Дзиов [7], В. В. Карманов и др. [8], А. В. Ковалева [9], Д. О. Ковина [10], О. Ю. Малахова и А. В. Малахова [11], Л. И. Мамонова [12], П. А. Мягкий и А. Д. Насонов [13], Ю. А. Нестеров [14], Н. В. Петрова и Ю. А. Ботищева [15], С. Л. Попова и Е. Н. Алексеева [16], С. Д. Резник и О. А. Сазыкина [17], Д. Ю. Спахов и О. В. Осенева [18], В. М. Степанян и Т. В. Полякова [19], М. А. Тлехусеж [20], Е. В. Цупикова [21], Л. В. Чупрова [22].

Несмотря на то, что проблемы участия студентов в науке все более активно обсуждаются исследователями, вопросы формирования и развития интереса современного студенчества к научному поиску изучены недостаточно. Привлечение студентов к научной работе представляет собой систему, позволяющую студенту, начиная с первого курса, приобретать навыки исследовательской деятельности. Первые шаги в науку студенты делают, включаясь в исследовательскую деятельность, как в рамках учебных занятий, так и во внеучебной работе [5, с. 60]. Научно-исследовательская работа студентов является продолжением и углублением учебного процесса, одним из важных и эффективных средств повышения качества подготовки специалистов.

Повышение интереса студенческой молодежи к научному поиску позволяет ей овладевать новыми компетенциями, приобретать навыки проведения самостоятельных научных исследований. К задачам реализации данной цели можно отнести развитие творческого потенциала, личного кругозора, приобретение умений анализировать результаты социологического исследования с использованием современных информационных технологий, грамотно формулировать выводы [22, с. 168].

Невозможно предвидеть, как сложится в дальнейшем трудовая деятельность каждого выпускника вуза. Но, безусловно, участие студентов в научно-исследовательской работе является первым шагом в построении будущей карьеры и одним из важнейших направлений развития творческого потенциала высшей школы [20, с. 276]. Исследовательский подход позволяет студенту видеть перспективы развития страны, народного хозяйства, своей отрасли и специальности, формулировать, предлагать и выполнять социальный и научно-производственный заказ, начиная от генерации идеи до сдачи действующего образца и его внедрения [7, с. 68]. Вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу развивает у них способность к самообразованию, поиску самостоятельных решений и возможности применить свои знания в решении актуальных практико-ориентированных задач [4, с. 134].

Методические подходы

Этим исследованием кафедра *Менеджмент* ПГУАС продолжает многолетний цикл исследований эффективности внутривузовского менеджмента. Они проведены в рамках грантов Министерства образования и науки РФ, защищенных преподавателями и аспирантами диссертаций, а также исследований, выполненных коллективом кафедры инициативно. Объектами наших исследований стали ректоры, деканы и заведующие кафедрами, преподаватели, аспиранты, а теперь и студенты российских вузов. Таким образом, охватываются все уровни управления российским университетом, что позволяет исследовать процессы внутривузовского менеджмента в тесном единстве и взаимосвязи.

В исследовании приняли участие 81 % студентов женского пола и 19 % – мужского. Среди участников мониторинга студенты первого курса составили 33 %, второго – 27 %, третьего – 17 %, четвертого – 14 %, студенты магистратуры – 9 %. Общая численность респондентов – 403 студента из 13 государственных вузов РФ. 57,3 % (231 человек) студентов, принявших участие в исследовании, обучались на технических направлениях подготовки, 18,7 % (75 человек) – на педагогических направлениях, 24 % (97 человек) – на экономических направлениях.

В качестве экспертов были привлечены 36 высококвалифицированных специалистов вузов России. 63,9 % экспертов – доктора наук, 36,1 % – кандидаты наук; 55,6 % экспертов – женщины, 44,4 % – мужчины; 25 % экспертов – в возрасте 21–40 лет, 30,5 % – 41–50 лет, 11,1 % – 51–60 лет, 16,7 % – 61–70 лет, 16,7 % – в возрасте более 70 лет, средний возраст составил 39,9 лет [23, с. 45].

В статье использованы следующие методы: анкетный и экспертный опросы, сравнение, декомпозиция, группировка.

Результаты

Этапы привлечения студентов к научной деятельности

Студенческая наука – это начало приобщения к науке, ее истоки. Можно сказать, что это начальный этап, когда человек делает первые шаги в исследованиях, пишет первые работы. Важно сделать правильный выбор, выбрать близкую себе тему, чтобы потом не потерять интерес к ней и продолжить научную деятельность на более профессиональном уровне.

Опрос студентов показал, что 18,1 % опрошенных студентов бакалавриата привлекались вузами к научной работе уже на первом курсе своего обучения, 14,4 % студентов – со второго курса обучения в вузе, 7,4 % – с третьего курса, а 2,2 % – только на четвертом курсе. Среди студентов-юношей немного больше студентов (13,3 %) начали заниматься наукой с третьего курса, чем со второго. Студенты-девушки подтвердили общую тенденцию: большинство из них (54,8 %) не принимали участие в научно-исследовательской деятельности в вузе (табл. 1).

По нашему мнению, в том или ином виде наукой занимаются все студенты высших учебных заведений. Ведь подготовка рефератов, написание курсовых работ и выпускной квалификационной работы требует проведения

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Табл. 1. Этапы привлечения студентов к научно-исследовательской работе, %

Tab. 1. Stages of attracting students to research work, %

Вариант ответа	Всего	Юноши	Девушки
Еще не принимали участие в НИР	55,7	58,7	54,8
С первого курса обучения	18,1	10,7	19,8
Со второго курса	14,4	9,3	15,5
С третьего курса	7,4	13,3	6,0
С четвертого курса	2,2	4,0	1,8
С первого курса магистратуры	2,2	4,0	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0

исследовательской работы. Полноценная научно-исследовательская работа предполагает участие в научных кружках, тематических выставках, олимпиадах. Любая студенческая научная конференция – это возможность поделиться полученными результатами и найти единомышленников в своей сфере. Занимаясь наукой, студент расширяет круг общения. Он знакомится с новыми интересными людьми разных возрастов, которые могут стать не только его соратниками и коллегами, но и друзьями.

С каждым годом обучения требования к объему и качеству научно-исследовательской деятельности студентов возрастают. На старших курсах подготовка курсовых и выпускных квалификационных работ представляет собой по-настоящему творческий процесс. Источником для анализа являются не только теоретические знания и научная литература, но и результаты собственных исследований. Ценность выпускной квалификационной работы, в которую включен практический опыт автора, многократно возрастает. Стоит отметить, что научная деятельность студентов всемерно поощряется, для чего ежегодно выделяются именные стипендии и проводятся конкурсы на получение грантов.

63,9 % экспертов отметили, что студенты привлекаются к научным исследованиям с первого курса, 25 % экспертов считают, что студенты занимаются наукой только со второго курса. Эксперты не отметили то, что многие студенты не проявляют интереса к науке, хотя это подтвердили общие результаты исследования (табл. 2).

Табл. 2. Оценка экспертами этапов привлечения студентов к научно-исследовательской работе

Tab. 2. Expert evaluation of the stages of attracting students to research work

Вариант ответа	%
С первого курса обучения	63,9
Со второго курса	25,0
С третьего курса	5,5
С четвертого курса	2,8
В магистратуре	2,8
Итого	100,0

Оценки экспертным сообществом студенческой науки более высокие, чем самооценка самих студентов. Возможно, это связано с тем, что не все студенты уверены в собственных силах и опасаются делать оптимистические прогнозы.

Студенты в основном начинают привлекаться кафедрами к научным исследованиям вузами с младших курсов обучения. Это позволяет студентам с первых дней обучения приобретать опыт проведения научных исследований и служит основой для достижения высоких научных и профессиональных результатов в будущем.

Участие студентов в научных конкурсах

О реальном интересе студентов к занятиям научными исследованиями свидетельствуют результаты их самооценки: 49,4 % ответивших относятся к научным исследованиям равнодушно, занимаются исследованиями только по необходимости в соответствии с учебными планами, 28,3 % студентов с интересом участвуют в научных исследованиях совместно с преподавателями кафедры, а 22,3 % вовсе не участвуют в студенческой науке, им, образно говоря, не до нее. Ответы юношей и девушек подтверждают общие результаты исследования: многие из них равнодушно относятся к научным исследованиям, занимаются исследованиями только по необходимости в соответствии с учебным планом (табл. 3). Полученные в ходе исследования выводы о низком уровне интереса студентов к науке свидетельствуют об актуальности выбранной темы исследования, проблема существует и ее необходимо решать.

Среди студентов первого курса 33 % не участвуют в студенческой науке, им очень сложно вникнуть в суть исследовательской деятельности. Положительным является то, что среди студентов магистратуры уже нет таких, кто не участвует в студенческой науке.

Табл. 3. Интерес студентов к научным исследованиям, %

Tab. 3. Students' interest in research, %

Вариант ответа	Всего	Юноши	Девушки
Равнодушно относятся к научным исследованиям, занимаются исследованиями только по необходимости в соответствии с учебным планом	49,4	45,3	50,3
С интересом участвуют в научных исследованиях совместно с преподавателями кафедры	28,3	32	27,4
Не участвуют в студенческой науке, им очень сложно вникнуть в суть исследовательской деятельности	22,3	22,7	22,3
Итого	100,0	100,0	100,0

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Экспертам при оценке интереса студентов к научной работе предлагалось проставить удельные веса, характеризующие особенности интереса студентов к научным исследованиям. По их мнению, почти каждый четвертый студент принимает участие в научных исследованиях в случае необходимости, треть студентов с удовольствием занимаются наукой совместно с преподавателями своих кафедр. Трети студентов сложно вникнуть в суть исследовательского процесса, поэтому они избегают привлечения их к науке.

Одной из причин, по которой студенты не проявляют интерес к научным исследованиям, является отсутствие вознаграждения. У студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения, имеются возможности получить дополнительную стипендию за научно-исследовательскую деятельность. Что касается студентов платной формы обучения, то материальное поощрение за такого рода работу чаще всего не предполагается, т. е. их потенциальный интерес не подкрепляется материальными стимулами [24, с. 178].

Табл. 4. Оценка экспертами интереса студентов к научным исследованиям

Tab. 4. Expert evaluation of students' interest in research

Вариант ответа	%
Студенты равнодушно относятся к научным исследованиям, занимаются исследованиями только по необходимости	39,0
Студенты совместно с преподавателями кафедр с интересом участвуют в научных исследованиях	31,0
Студенты не участвуют в студенческой науке, им очень сложно вникнуть в суть исследовательской деятельности	30,0
Итого	100,0

При возникновении проблем при выполнении научно-исследовательской работы большинство студентов (32,6 %) обращаются за помощью к научному руководителю. Это закономерно, т. к. научный руководитель – наставник, который берет шефство над студентами. Научный руководитель следит за научной деятельностью студента, опираясь на свои знания и опыт, помогает студенту в его исследованиях и экспериментах. В некоторых вузах ведущие преподаватели-профессора выбирают лучших студентов с курса и берут над ними научное руководство, занимаются в рамках научного кружка. Учиться у таких преподавателей престижно и трудно, но зато из студента затем может получиться хороший специалист или ученый.

28,9 % студентов, имея научного руководителя, тем не менее за помощью обращаются к коллегам-студентам. 28,9 % студентов получают консультации по науке у случайных преподавателей кафедры, а 16,9 % – у аспирантов. Студенты-юноши (53,5 %) чаще обращаются за помощью к коллегам-студентам, а большинство девушек (23,6 %) просят помощи у преподавателей выпускающей кафедры (табл. 5).

Табл. 5. Обращения студентов за помощью при возникновении проблем в научно-исследовательской работе, %

Tab. 5. Who students appeal to when they experience research problems, %

Вариант ответа	Всего	Юноши	Девушки
Обращаются за помощью к научному руководителю	83,6	64,0	88,1
К студентам	74,4	150,0	57,0
К преподавателю на кафедре	55,6	40,0	59,1
К аспирантам кафедры	43,2	26,6	46,9

Результаты проведенного опроса показали, что 42,5 % опрошенных студентов ничего не слышали о всероссийских и международных конкурсах студенческих работ, 30,8 % студентов тоже не участвовали в международных или всероссийских конкурсах студенческих работ, но хотели бы стать их участниками, 10,1 % респондентов принимали участие в конкурсах научно-исследовательских работ один раз, и лишь 16,6 % студентов принимали участие в таких конкурсах неоднократно. 46,7 % юношей не принимали участие в конкурсах научных работ, но очень хотели бы. Это, возможно, связано с недостаточно высоким уровнем их работ. Неоднократно принимали участие в таких конкурсах 17,9 % девушек и 10,6 % юношей от общего числа студентов, принявших участие в исследовании.

У каждого студента имеются различия в целях участия в конкурсах научных работ. Кто-то стремится к получению больших знаний по интересующим его предметам, для кого-то важно проявить свои способности и развить потенциал. К тому же полученные по результатам конкурсов награды и иногда даже денежные вознаграждения могут служить отличным мотиватором к высокой успеваемости и будут способствовать продвижению при переходе на дальнейшую ступень образования. Около 30 % студентов неоднократно получали награды за участие в конкурсах научно-исследовательских работ. 13,4 % студентов имеют одну награду по итогам участия в таких конкурсах. Наряду с этим большинство студентов (58,3 %) пока не удостоены наград за участие в конкурсах научных работ.

Получение призовых мест в международных и всероссийских научных конкурсах является итогом совместной работы студента с преподавателем. В случае, когда результаты мотивируют и преподавателя, и студента на дальнейшую работу в выбранном исследовательском направлении, возможно добиться многого (табл. 6.).

Результативность участия студентов в научной работе зависит от количества времени, затраченного на подготовку и написание научных статей и работ. Большинство студентов (52,3 %) уделяют 1–3 часа в день научной работе. 33 % студентов менее 1 часа в день отводят научной работе, что является недостаточным для того, чтобы получать

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Табл. 6. Награды студентов за результаты их участия в научно-исследовательской работе, %

Tab. 6. Awards for research activities, %

Варианты ответов	Всего	Юноши	Девушки
Имеют одну награду	13,4	21,4	11,5
Имеют несколько наград	28,3	18,6	30,6
Не отмечены наградами	58,3	60,0	57,9
Итого	100,0	100,0	100,0

высокие результаты и развиваться. Всего 8,9 % студентов посвящают науке 4–5 часов в день, а 0,3 % студентов занимаются научными исследованиями более 5 часов в день.

71 % студентов планируют продолжить обучение в магистратуре. Каждый третий студент хотел бы освоить все уровни высшего образования.

Стремление к получению более углубленного образования в магистратуре положительно характеризует студенческую науку, т. к. именно на этой ступени образования начинается серьезная научно-исследовательская работа. Учеба в магистратуре развивает узкопрофильные и аналитические компетенции, готовит фундамент для научной или управленческой карьеры. С такой квалификацией легче устроиться на престижную работу и осуществить карьерный рост с более высокой стартовой позиции. Работодатели скорее сделают выбор в пользу кандидата с магистерской степенью. Кроме того, диплом о прохождении магистратуры – обязательное требование для тех, кто планирует учиться в аспирантуре, продолжать исследования и стать частью научного сообщества.

Анализ участия студентов в научных конкурсах позволяет сделать вывод о недостаточной активности студентов. Тем не менее важно отметить, что каждый третий студент, принявший участие в исследовании, с интересом занимается наукой, имеет награды и достижения по результатам своей работы.

Публикационная активность студентов

Многие высшие учебные заведения сталкиваются со сложностями, связанными с вовлечением студентов в научно-исследовательскую деятельность. Несмотря на принимаемые в этом направлении меры, многие студенты не желают заниматься научной работой или выполняют ее формально [3]. Нередко препятствием к занятию научной деятельностью и участию в научных мероприятиях выступает установление организаторами данных мероприятий т. н. организационных взносов, которые бывают просто непосильны для молодого исследователя [25, с. 151].

49,1 % студентов имеют одну публикацию по результатам научной работы, 41,9 % студентов имеют 2–3 публикации, 5,7 % студентов – 4–6 статей, а 3,3 % студентов имеют более 6 статей по результатам научных исследований (табл. 7).

Научные публикации большей части опрошенных студентов (65 %) издаются во внутривузовских журналах.

Табл. 7. Публикационная активность студентов, %

Tab. 7. Students publication activity, %

Вариант ответа	Всего	Юноши	Девушки
Не имеют статей или имеют одну статью	49,1	50,6	48,8
2–3 статьи	41,9	37,3	42,9
4–6 статей	5,7	9,4	4,9
Больше 6 статей	3,3	2,7	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Почти 30 % студентов смогли опубликовать результаты своей научной работы в сборниках конференций. Около 5 % студентов опубликовали статьи в журналах России. Анализ публикационной активности студентов говорит о результативности участия студентов в научно-исследовательской работе. Почти половина студентов, принявших участие в исследовании, имеют одну публикацию и почти столько же студентов к настоящему моменту опубликовали по 2–3 статьи. Это является значимым результатом научной работы студентов и свидетельствует о достаточно высоком уровне таких публикаций.

Опыт и результаты организации совместной научной работы преподавателей со студентами в региональном вузе

Организация научной работы студентов на кафедре *Менеджмент* ПГУАС имеет несколько направлений. Важной составной частью научной работы является участие студентов в студенческом самоуправлении. В Институте экономики и менеджмента ПГУАС реализован педагогический проект, получивший название «Институт студенческих лидеров» (ИСЛ). Более подробная информация о реализации проекта изложена в учебнике «Управление факультетом» [26].

Назначением такого института, где все роли исполняют сами студенты, является подготовка лидерского звена студенчества как элитной части молодежи реальной практической деятельности, приобретение первичного опыта общественной активности, достаточного для получения работы в фирмах в период обучения в вузе.

В ИСЛ можно и даже необходимо проявлять себя с 1 курса, создавая собственные фирмы, приобретая опыт управления и формируя практические навыки. Каждый находит свой интерес, т. к. эта структура имеет разные направления.

Одним из значимых факультетов ИСЛ является *Менеджмент в науке.* Он предоставляет студентам возможность участия как в региональных, так и во всероссийских и международных форумах, конкурсах, конференциях, олимпиадах, выставках. Открывает вероятность общения с успешными предпринимателями и бизнесменами, с ведущими учеными страны; знакомства с новыми разработками и авторами этих разработок, учит грамотно излагать свои идеи, формулировать тезисы, сотрудничать с востребованными людьми, внедрять свои разработки в жизнь.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

Участие в стипендиальных и грантовых программах позволяет уже в студенчестве материально обеспечивать себя. Стажировка за рубежом помогает приобрести углубленные профессиональные знания в соответствии со специализацией, познакомиться с деловой практикой и особенностями работы зарубежных компаний.

Каждый преподаватель кафедры ведет свой научный кружок, в который входят студенты разных курсов. Научный кружок формируется по научным направлениям преподавателей. У каждого преподавателя собирается своя научная команда, с которой он тесно работает по определенной теме. С результатами работы студенты принимают активное участие в конкурсах, олимпиадах и занимают призовые места.

Научная деятельность студентов осуществляется также в рамках взаимодействия с куратором группы, который работает со студентами два первых года обучения. Наряду с кураторством, кафедрой *Менеджмент* многие годы практикуется прикрепление первокурсников к старшекурсникам. Работа прикрепленного первокурсника со старшекурсником проходит один год. Первокурсник оказывает помощь старшекурснику в подборе литературы к выпускной работе, в организации и проведении исследования, анкетного опроса. Старшекурсник, в свою очередь, помогает первокурснику адаптироваться к учебе в университете. Обязательным является присутствие и участие первокурсника в защите выпускной работы старшекурсника.

Ежегодно студенты под руководством преподавателей кафедры *Менеджмент* принимают активное участие в международных и всероссийских конкурсах научных работ: конкурсы «Экономический рост России», «Инновационная Евразия», Международный конкурс молодых аналитиков, Всероссийский конкурс на лучший проект по молодежному самоуправлению «Россия сильна тобою!», Всероссийский конкурс деловых, инновационно-технических идей и проектов «Сотворение и созидание Будущей России!», Всероссийская олимпиада развития Народного хозяйства России и мн. др. Студенты и преподаватели кафедры *Менеджмент* ПГУАС на протяжении многих лет участия в конкурсах занимают призовые места. Ежегодно студенты принимают участие в проводимой кафедрой *Менеджмент* конференции «Менеджмент: теория, методология, практика» с изданием сборника статей.

Вклад студентов в результаты научно-исследовательской работы кафедры выражается также в следующих формах: выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ в форме НИР, прохождение практик с участием в НИР, участие в проведении диссертационных и грантовых исследований [17, с. 29]. Активное участие студентов в научно-исследовательской работе кафедры позволяет им лучше реализовывать свой творческий потенциал в процессе учебы и в последующем.

Использование опыта организации научной работы со студентами в ПГУАС будет способствовать развитию студенческой науки, повышению ее результативности, формированию конкурентоспособности и социальной устойчивости студенческой молодежи.

Заключение

Проблема развития интереса студентов к научным исследованиям является актуальной для высшего образования и, несмотря на наличие работ, посвященных ее исследованию, остается малоизученной. Анализ результатов мониторинга свидетельствует о необходимости более целенаправленной работы вузов по активизации включения студентов в процессы научной деятельности. Половина опрошенных студентов региональных вузов на момент проведения исследования не принимала участия в научно-исследовательской работе.

К сожалению, только треть студентов участвуют в научных исследованиях своей кафедры с интересом. Почти половина студентов даже не слышала о всероссийских и международных конкурсах студенческих работ, треть студентов не участвовали в таких конкурсах, но хотели бы стать их участниками, 10,1 % респондентов принимали участие в конкурсах научно-исследовательских работ один раз, и 16,6 % студентов принимали участие в таких конкурсах неоднократно. Важно и то, что каждый третий студент неоднократно получал награды за результаты своего участия в конкурсах научно-исследовательских работ.

Интерес студентов к научному поиску повлиял на то, что почти половина студентов имеют одну публикацию по результатам научной работы, столько же студентов имеют 2–3 публикации, 5,7 % – 4–6 статей, а 3,3 % студентов имеют более 6 опубликованных статей по результатам научных исследований.

В процессе профессиональной подготовки студентов вузам важно шире использовать накопленный опыт организации научной работы со студентами с целью развития их интереса к научному поиску, включающий развитие студенческого самоуправления, работу в студенческих научных кружках, совместную работу с кураторами, участие в международных и всероссийских конкурсах и конференциях, публикацию статей в научных изданиях и другие механизмы мотивации и привлечения студентов к научному поиску.

Литература

1. Калинина Н. М. Научно-исследовательская работа студентов: компетентностный подход // Сибирский торгово-экономический журнал. 2012. № 16. С. 95–99.
2. Сагандыкова Ж. Б. Формирование профессиональных компетенций на занятиях специальных дисциплин по подготовке квалифицированных специалистов // Вестник "Өрлеу"-kst. 2016. № 2. С. 66–69.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

3. Баширов А. В., Ханов Т. А. Факторы повышения активности научно-исследовательской работы студентов // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. Режим доступа: http://www.science-education.ru/article/view?id=27892 (дата обращения: 06.03.2020).
4. Болбат О. Б. Научно-исследовательская работа студентов и ее роль в подготовке будущих специалистов // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3. С. 132–134.
5. Гужавина Т. А. Научная работа студентов как технология формирования профессиональных компетенций студентов // Современная образовательная практика и духовные ценности общества. 2014. № 1. С. 59–62.
6. Гусева Н. В. Менеджмент научно-исследовательской работы студентов // Высшее образование сегодня. 2018. № 8. С. 54–56. DOI: 10.25586/RNU.HET.18.08.P.54
7. Дзиов А. Р. Студент и наука: воспитание творчеством // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 67–73.
8. Карманов В. В., Радкевич М. М., Карманова С. В. Систематизация научно-практической деятельности студентов на основе интеграции образования, науки и производства // Высшее образование сегодня. 2015. № 9. С. 36–43.
9. Ковалева А. В. Подготовка студентов к самостоятельной работе и научно-исследовательской деятельности // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 2. С. 394–398.
10. Ковина Д. О. Психолого-педагогические аспекты научно-исследовательской работы студентов глазами студента // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2014. Т. 2. С. 170–172.
11. Малахова О. Ю., Малахова А. В. Реализация педагогической технологии портфолио в формировании навыков научно-исследовательской работы студента вуза // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 7. С. 76–79.
12. Мамонова Л. И. Организация научно-исследовательской работы студентов при формировании общепрофессиональных компетенций студентов // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2013. Т. 1. № 1. С. 37–39.
13. Мягкий П. А., Насонов А. Д. Организация активной учебной и научно-исследовательской работы студентов // Информация и образование: границы коммуникаций. 2012. № 4. С. 87–88.
14. Нестеров Ю. А. Научно-исследовательская работа студентов и активизация учебного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. 2014. № 4. С. 127–133.
15. Петрова Н. В., Ботищева Ю. А. Проблемы организации научно-исследовательской работы студентов // Актуальные вопросы образования. 2018. № 1. С. 117–121.
16. Попова С. Л., Алексеева Е. Н. Теоретический анализ целесообразности проведения научно-исследовательских работ студентами вузов // Молодой исследователь Дона. 2018. № 5. С. 158–160.
17. Резник С. Д., Сазыкина О. А. Система организации научной работы на университетской кафедре: механизмы управления «неуправляемыми» учеными // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 21–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36
18. Спахов Д. Ю., Осенева О. В. Участие студента в научно-исследовательской работе как фактор повышения качества образования // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 2. С. 155–156.
19. Степанян В. М., Полякова Т. В. Привлечение студентов – будущих менеджеров к работе в студенческом научном кружке как инструмент профессиональной ориентации в вузе // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2013. № 2. С. 117–120.
20. Тлехусеж М. А. Научно-исследовательская работа студента как фактор повышения уровня подготовки выпускника // Научные труды КубГТУ. 2014. № S4. С. 275–277.
21. Цупикова Е. В. Организация самостоятельной интеллектуально-творческой деятельности студентов в рамках научно-исследовательской работы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 137–140.
22. Чупрова Л. В. Организация научно-исследовательской работы студентов в условиях реформирования системы высшего профессионального образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 5-2. С. 167–170.
23. Резник С. Д., Черниковская М. В. Студенты России: жизненные приоритеты и социальная устойчивость. 2-е изд., пер. и доп. М.: ИНФРА-М, 2019. 242 с. DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
24. Коган Е. А. Проблема мотивации студентов, обучающихся на платной основе, к научно-исследовательской работе // Проблемы современного образования. 2018. № 5. С. 176–184.
25. Багаев И. З. О некоторых современных проблемах научно-исследовательской работы студентов в России // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 148–157.
26. Резник С. Д. Управление факультетом. 2-е изд., доп. и пер. М.: ИНФРА-М, 2019. 336 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

original article

Development of Student Interest in Scientific Research: Experience and Problems of a Regional University

Semen D. Reznik [a, @, ID1]; Marina V. Chernikovskaya [a, ID2]
[a] Penza State University of Architecture and Construction, Russia, Penza
[@] disser@bk.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-6395-1450
[ID2] https://orcid.org/0000-0003-0994-8108

Received 10.03.2020. Accepted 16.04.2020.

Abstract: The research featured the problem of attracting university students to scientific research. The article focuses on the experience of the Department of Management, Penza State University of Architecture and Construction. The authors used a survey method to analyze opinions of more than 400 students from regional universities and more than 30 highly qualified experts in the related field. The research objective was to assess the willingness of students to participate in research and to develop useful recommendations on how to organize research activities in various student communities. The present study will be of interest to university students, academics, higher education governing bodies, and scientists that deal with studentship issues.

Keywords: interest, students, social sustainability, competitiveness, university, research work

For citation: Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. Development of Student Interest in Scientific Research: Experience and Problems of a Regional University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 186–194. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

References

1. Kalinina N. M. Students research work: competency-based approach. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal*, 2012, (16): 95–99. (In Russ.)
2. Sagandykova Zh. B. The formation of professional competencies at the classes of special disciplines for the training of qualified specialists. *Vestnik "Ѳrley"-kst*, 2016, (2): 66–69. (In Russ.)
3. Bashirov A. V., Khanov T. A. Factors of increasing the activity of students' research work. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2018, (4). Available at: http://www.science-education.ru/article/view?id=27892 (accessed 06.03.2020). (In Russ.)
4. Bolbat O. B. Research work of students and her role in training of future experts. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2018, (3): 132–134. (In Russ.)
5. Guzhavina T. A. The scientific work of students as a technology for the formation of professional competencies of students. *Sovremennaia obrazovatelnaia praktika i dukhovnye tsennosti obshchestva*, 2014, (1): 59–62. (In Russ.)
6. Guseva N. V. Student research management. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2018, (8): 54–56. (In Russ.) DOI: 10.25586/RNU.HET.18.08.P.54
7. Dziov A. R. Student and science: upbringing by means of creativity. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Filosofskie nauki*, 2015, (2): 67–73. (In Russ.)
8. Karmanov V. V., Radkevich M. M., Karmanova S. V. Systematization of scientific and practical activities of students based on the integration of education, science, and production. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2015, (9): 36–43. (In Russ.)
9. Kovaleva A. V. To prepare students for independent work and research activities. *Scientists notes PNU*, 2018, 9(2): 394–398. (In Russ.)
10. Kovina D. O. Psychological and pedagogical aspects of the research work of students through the eyes of a student. *Sovremennoe obrazovanie: soderzhanie, tekhnologii, kachestvo*, 2014, 2: 170–172. (In Russ.)
11. Malakhova O. Yu., Malakhova A. V. Implementation of educational technology portfolio in the formation of skills of research work of a student. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk*, 2018, 12(7): 76–79. (In Russ.)
12. Mamonova L. I. Organization of scientific-research work of students in the formation of general skills students. *Modern fundamental and applied researches*, 2013, 1(1): 37–39. (In Russ.)
13. Myagkiy P. A., Nasonov A. D. Organization of active training and research students. *Informatsiia i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, 2012, (4): 87–88. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-186-194

14. Nesterov Yu. A. The research work of students and activation of the academic activity. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geografiya. Geoekologiya*, 2014, (4): 127–133. (In Russ.)
15. Petrova N. V., Botishcheva Yu. A. Problems of student's research work organization. *Aktualnye voprosy obrazovaniia*, 2018, (1): 117–121. (In Russ.)
16. Popova S. L., Alekseeva E. N. Theoretical analysis of expediency of university students research work. *Molodoi issledovatel Dona*, 2018, (5): 158–160. (In Russ.)
17. Reznik S. D., Sazykina O. A. Organization of research activities at university department: management mechanisms for "uncontrollable" scientists. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019, 28(4): 21–36. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36
18. Spahov D. Yu., Oseneva O. V. Student participation in research as a factor in improving the quality of education. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2014, (2): 155–156. (In Russ.)
19. Stepanian V. M., Polyakova T. V. The involvement of scientists – future managers in the work of scientists scientific section as a tool for professional orientation in higher educational institution. *Physical Education and Sports Training*, 2013, (2): 117–120. (In Russ.)
20. Tlekhusezh M. A. Student research as a factor for increasing the final-year student's prepearing level. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2014, (S4): 275–277. (In Russ.)
21. Tsoupikova E. V. Organization of the student's independent intellectual-creative activity in the framework of scientific research work. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2018, (2): 137–140. (In Russ.)
22. Chuprova L. V. Organization of scientific research work of students in terms of reforming the system of higher vocational education. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2014, (5-2): 167–170. (In Russ.)
23. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. *Russian students: life priorities and social sustainability*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 242. (In Russ.) DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
24. Kogan E. A. The issue of motivating students, studying on a paid basis, to the research work. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2018, (5): 176–184. (In Russ.)
25. Bagaev I. Z. About some modern problems of research work of students in Russia. *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniia*, 2019, (3): 148–157. (In Russ.)
26. Reznik S. D. *Management of the faculty*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 336. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

Economics Science

оригинальная статья
УДК 338.24

Развитие цифровых компетенций и цифрового маркетинга как средство обеспечения конкурентоспособности экономических субъектов*

Елена Г. Грудистова [a, @, ID]
[a] Братский государственный университет, Россия, г. Братск
[@] diplombgu@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2140-0663

Поступила в редакцию 20.03.2020. Принята к печати 10.04.2020.

Аннотация: Четвертая промышленная революция обеспечила практически неисчерпаемые возможности для совершенствования социально-экономических процессов. Особую роль сыграло развитие информационно-коммуникационных технологий. Одновременно появляются угрозы роста безработицы из-за отсутствия необходимых цифровых навыков у людей и снижения конкурентоспособности организаций, не способных внедрять в практику современные технологии. Поэтому целью исследования явилось определение направлений и способов повышения конкурентоспособности граждан и организаций в условиях цифровых преобразований. Предметом – резервы развития цифровых компетенций населения и возможности использования технологий маркетинга при цифровом взаимодействии экономических субъектов. На основе обобщения теоретических и практических положений, индукции, анализа и синтеза информации, представленной в официальных источниках, исследование позволило обнаружить проблемы реализации программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» и выявить возможные способы их разрешения. Отсутствие единого понимания сущности цифровой экономики требует дальнейших исследований данного феномена. Для преодоления недостаточности цифровых компетенций необходима модернизация системы образования, формирование с помощью пропаганды в общественном сознании высокой ценности обучения и готовности к нему в течение всей жизни. Недостаточно полное использование организациями инструментария цифрового маркетинга связано с наличием ошибок в его использовании. Эти ошибки связаны с игнорированием принципов традиционного маркетинга, главный из которых – ориентация на клиента и соблюдение норм морали. Для реализации мероприятий цифрового маркетинга могут использоваться авторская схема и рекомендации по повышению результативности их применения. Осуществление мер цифрового маркетинга может быть реализовано любыми организациями. Это обеспечит рост эффективности и достижение целей.

Ключевые слова: цифровая экономика, система образования, пропаганда культурных ценностей, интернет-реклама, целевая аудитория, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Грудистова Е. Г. Развитие цифровых компетенций и цифрового маркетинга как средство обеспечения конкурентоспособности экономических субъектов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 195–204. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

Введение

В XXI в. началась четвертая промышленная революция. Ее особенностями являются повсеместное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), развитие био- и нанотехнологий, генной инженерии, появление искусственного интеллекта и т. д. Это дает практически неисчерпаемые возможности развития общественного производства, повышения производительности и эффективности работы предприятий и организаций, а значит и повышения качества жизни населения, развития всего общества и каждого человека в отдельности. Чтобы понять масштабы эффектов, достаточно лишь вспомнить, что современные информационные технологии многократно повышают эффективность управления, обеспечивая возможности получения информации о бизнес-процессах в режиме реального времени, принятия управленческих решений на основе достоверных данных, создания системы постоянных онлайн-взаимоотношений с клиентами и партнерами, осуществления бизнеса и управленческой деятельности из любой точки мира. И это далеко не полный перечень положительных эффектов четвертой промышленной революции, проявляющихся в производственной сфере. Положительные результаты наблюдаются и в социальных

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

взаимодействиях, и общественных связях. Интернет и мобильная связь, проникшие практически в каждый дом, обеспечивают людям в любое удобное для них время доступ к любой необходимой информации, к любым социальным группам и удаленным лицам (родственникам, друзьям и т. п.), а также к органам государственного и муниципального управления через официальные порталы, систему электронного правительства.

Это все, безусловно, обеспечивает удобство взаимодействий экономических субъектов и является основой для дальнейшего совершенствования социальных и производственных процессов. Вместе с тем научно-технический прогресс имеет как положительные, так и отрицательные черты, поскольку несет в себе потенциальные угрозы. Основная угроза связана с замещением живого труда машинным, что может явиться причиной роста безработицы со всеми вытекающими негативными последствиями (утрата квалификации работниками, снижение уровня жизни из-за отсутствия финансовых ресурсов у безработных и членов их семей, нарастание психологической, социальной и политической напряженности). Действительно, такая угроза имеется. Однако именно угроза остаться без работы всегда являлась стимулом для лучшего исполнения трудовых обязанностей, для поиска новых, более производительных способов выполнения дела, а следовательно, для развития самого человека. И если бы не было такой угрозы, то человеческое сообщество оставалось бы в каменном веке.

Другим, возможно, не очень приятным для организаций последствием научно-технического прогресса оказывается необходимость постоянного поиска способов усовершенствования своей работы в связи с ростом конкуренции, вызванной увеличением производительности автоматизированного труда. Следует отметить, что сомнения относительно последствий современной научно-технической революции высказываются рядом специалистов. Например, В. И. Клисторин, рассматривая последствия проводимой цифровизации, отмечает: «Использование цифровых технологий резко усиливает конкуренцию на национальном и международном уровне. Но многим ли это понравится?» [1]. Конечно, такие сомнения небеспочвенны. Но когда речь идет о глобальных национальных интересах, о проблемах повышения международной конкурентоспособности страны (а она напрямую связана с возможностями отечественных предприятий и организаций осуществлять инновационную деятельность, реализовывать инновационные программы в процессе производства), текущие интересы и проблемы отдельных организаций, которые оказываются не в силах создавать современные продукты с помощью современных технологий, не могут влиять на выбор направлений движения.

Подобная ситуация, а именно необходимость экономических субъектов (домохозяйств и организаций) искать новые способы действий, укрепляющих их конкурентные позиции в условиях четвертой промышленной революции, требует пересмотра многих догм и стереотипов, интеграции практики и науки. Об этом неоднократно говорилось с высоких трибун, это заявлено и в ряде программных документов (например, в Стратегии инновационного развития РФ). Тем не менее в некоторых случаях требуются уточнения отдельных позиций, практические действия ответственных лиц, нужна помощь тем самым субъектам, которые должны реализовывать программы; помощь, хотя бы методическая, в виде «подсказок» экономическим субъектам по выбору направлений развития.

Необходимость такой помощи и обусловила цель исследования – определить возможные способы повышения конкурентоспособности граждан на рынке труда и эффективности функционирования организаций в современных условиях.

Методы и материалы. Исследование осуществлялось путем применения следующих методов познания: гипотетический, индукция, анализ и синтез, обобщение теоретических и практических положений, представленных в материалах официальной статистики, на официальных сайтах, в научной литературе библиотек, в том числе электронных.

Некоторые проблемы цифровой экономики и возможные способы их разрешения

Первая обозначенная выше проблема занятости граждан в условиях четвертой промышленной революции связана с необходимостью получения новых компетенций работниками или лицами, желающими оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Дело в том, что современные способы хозяйствования на основе цифровых технологий отличаются от традиционных. В первую очередь это относится к повсеместному использованию интернет-технологий, внедрению информационных систем управления, систем интеллектуального анализа данных, автоматизации производственных процессов. Применение указанных систем и технологий предопределяет необходимость как переосмысления многих теоретических представлений, затрагивающих производственную и социальную сферы, так и получения новых навыков и умений, особенно в области ИКТ, наличия способности к быстрой трансформации получаемых знаний и осваиваемых компетенций. Последнее связано с тем, что развитие цифровых технологий происходит экспоненциальными темпами. По оценкам специалистов *McKinsey&Company,* к 2025 г. 80–100 % мировой промышленности будет охвачено технологиями промышленного Интернета вещей [2, с. 253].

В этой связи многие исследователи подчеркивают значимость обучения как средства повышения конкурентоспособности людей на рынке труда. В. М. Свистунов и В. В. Лобачев отмечают: «Цифровая экономика "диктует" работнику необходимость получать набор компетенций, на первый взгляд, не свойственных его профессии» [3, с. 32]. Кроме того, они подчеркивают важность разработки и осуществления системы переподготовки кадров для цифровой экономики на государственном уровне.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

Другие исследователи определяют некоторые критерии формирования современных высококлассных специалистов. Например, они должны обладать инженерным (способностью генерировать идеи), исследовательским (умением аргументировать действия, интерпретировать результаты, делать выводы), экономическим (способностью презентовать и реализовывать результат деятельности) мышлением.

Большую роль в организации процесса эффективного обучения играет оценка мотивов студентов профессиональных образовательных учреждений к личностному и профессиональному росту [4]. Это дает возможность выявления проблемных мест в мотивации обучающихся и своевременных действий воспитательного характера, устранения недостатков в организации учебного процесса.

Ряд исследований посвящен изучению качества образования. Эти работы позволяют выявить факторы, влияющие на него [5, с. 29]. Сюда относятся 3 взаимосвязанные группы: образовательная система (стандарты, программы, инфраструктура, собственно обучающиеся – их личностные особенности и мотивы), образовательный процесс (мастерство педагога, используемые технологии и средства обучения, социально-психологическая атмосфера), результаты образования (знания, умения, навыки, компетенции).

Хотелось бы отметить, что хотя необходимость получения цифровых навыков очевидна, на этом пути имеется проблема неготовности граждан к новым способам взаимодействия. Всероссийский опрос, проведенный аналитическим центром НАФИ в 2018 г. среди работников среднего и высшего образования, показал, что лишь 51 % вузовских и 55 % школьных педагогов используют ИКТ в профессиональной деятельности [6, с. 58]. По другим исследованиям картина также пока не добавляет оптимизма. Исследование национального индекса развития цифровой экономики, проведенное Госкорпорацией «Росатом», показало, что по параметру *Цифровые потребители / граждане России* – на 28 месте из 33 обследованных стран[1]. Согласно данным опроса 2019 г., 35 % граждан РФ не одобряют внедрение электронных трудовых книжек, опасаясь нарушения конфиденциальности информации[2].

Такая ситуация требует ломки существующих в обществе стереотипов и формирования системы подготовки кадров для реализации национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» и достижения отраженных в ней ориентиров.

Безусловно, все существующие рекомендации и пожелания следует использовать при организации работы по подготовке и переподготовке кадров. Однако в дополнение к имеющимся предложениям хотелось бы заметить, что решение проблемы формирования у граждан необходимых компетенций для профессиональной деятельности в новых экономических условиях требует системной работы в двух направлениях:

1) модернизация российской системы образования;

2) формирование в общественном сознании ценности *образование в течение всей жизни* в качестве весьма значимой.

Что касается первого направления, то работа здесь уже начата: достаточно назвать внедрение новой версии Федеральных государственных образовательных стандартов (т. н. ФГОС 3++), максимально коррелирующих с профессиональными стандартами работников той или иной отрасли народного хозяйства. Такой подход к обучению обеспечит формирование не любых знаний, умений и навыков, а конкретно тех, что оказываются востребованными предприятиями и организациями соответствующей сферы. Это большой плюс в организации управления инновационной экономикой. Но, на наш взгляд, необходима и другая работа.

Во-первых, изменение традиционного подхода к обучению: обучающийся должен быть не пассивным слушателем, не механически запоминать теорию, а активно участвовать в образовательном процессе, творчески осмысляя учебный материал и интегрируя его в систему уже имеющихся у него знаний для последующего практического применения и создания новых знаний. Кроме того, необходимо более активное использование дистанционных форм обучения с хорошо налаженной обратной связью – для подготовки обучающихся к подобным формам занятости, преобладание которых сулит четвертая промышленная революция.

Во-вторых, представляется целесообразной переориентация деятельности образовательных учреждений с установки *обучаем тому, что умеем* на установку *обучаем тому, что нужно*. Конечно, сделать это не так просто, но возможно. Для этого следует обеспечить тесную связь образовательных учреждений с предпринимательским сектором, усилить мотивацию персонала к получению и распространению новых знаний и использованию современных технологий в этом процессе. На возможный вопрос, как усилить мотивацию, безусловно, однозначного ответа нет. И здесь уместно вспомнить классические рекомендации менеджмента: изучать потребности персонала и создавать возможности для их удовлетворения в процессе работы, а также задействовать более сложные, чем потребности, аспекты и механизмы влияния на персонал. Например, формирование организационной культуры инновационного типа, культивирующей в качестве основных ценностей творчество, инициативность, стремление к непрерывному обучению, саморазвитию, готовность идти на риск, терпимость к возможным неудачам, самоотверженность и преданность своему делу. Механизмы создания требуемых

[1] Национальный индекс развития цифровой экономики: пилотная реализация. М.: Госкорпорация «Росатом», 2018. С. 70–71.

[2] Дубравицкая О. Треть россиян выступают против электронных книжек // Газета.Ru. 05.12.2019. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/2019/12/05/12849374.shtml (дата обращения: 09.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

культурных ценностей у персонала представлены в литературе, а также описывались нами ранее [7; 8].

Работа по модернизации системы образования должна осуществляться с учетом необходимости формирования конкурентоспособных работников. Конкурентоспособный специалист любой отрасли – это человек, обладающий необходимыми компетенциями (под ними мы понимаем совокупность общих и профессиональных знаний, умений, навыков, коммуникативных способностей) и личностными качествами, имеющими значение для соответствующей сферы приложения труда [9, с. 59].

Второе направление работы по созданию необходимых для условий цифровой экономики компетенций (формирование ценности непрерывного образования) является социально значимым. Как отмечено в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», «политика, проводимая в сфере непрерывного образования, должна интегрировать многочисленные места и формы обучения, в том числе самообучения… Большую роль здесь играет и устранение культа диплома как доказательства завершения курса и пропуска в профессиональную жизнь»[3].

Успешное решение этой проблемы предполагает, на наш взгляд, осуществление более активной пропагандистской работы. Данная работа должна проводиться всеми учреждениями, с которыми сталкивается человек в своей жизни (от детского сада до Пенсионного фонда РФ), и на всех уровнях управления (от непосредственного руководителя до Федерального Собрания РФ). Как известно, пропаганда является мощным инструментом воздействия на общественное сознание, к тому же она практически не требует затрат [10; 11].

Но одной только пропаганды недостаточно. Нужна еще и материальная заинтересованность экономических субъектов (граждан и руководителей фирм и организаций) в получении образования и развитии человеческого капитала. Это означает, что люди образованные и компетентные должны иметь доходы, если уж не выше, то хотя бы не ниже доходов лиц малообразованных. О том, что ситуация с доходами не всегда в пользу образования, имеется масса данных. Иногда встречаются и казусы. Например, в учебнике [12, с. 85] представлена задача, решение которой свидетельствует о невыгодности инвестирования в образование. Так, согласно теории человеческого капитала, дисконтированная пожизненная прибавка к заработной плате, связанная с получением образования, должна превышать сумму инвестиций в образование. Но простейший расчет дает обратный результат: современная стоимость пожизненной годовой прибавки к заработной плате в 2 тыс. долларов и неизменной ставке 10 % равна 20 тыс. долларов; это меньше стоимости образования в 30 тыс. долларов. Допуская возможность опечаток, хочется обратить внимание на то, что подобные неточности могут рассматриваться отдельными личностями как скрытая пропаганда. А это неприемлемо.

Справедливости ради стоит отметить и имеющиеся положительные моменты в области создания условий для формирования необходимых знаний, умений, навыков и компетенций в рамках четвертой промышленной революции. В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. подчеркнул важность обучения современным цифровым компетенциям со школьной скамьи. Разрабатываемые и внедряемые нормативно-правовые акты также содержат позиции, касающиеся подготовки кадров для новых условий[4]. Но для выполнения заявленных в государственных программах показателей (например, 800 тыс. лиц, ежегодно выпускаемых высшими и средними учебными заведениями профессионального образования, должны обладать цифровыми компетенциями на общемировом уровне) необходимо как минимум предоставление указанным учреждениям достаточного количества мест на соответствующие направления, финансируемых из федерального бюджета. Ведь не всегда у граждан имеются финансовые средства, дающие возможность платного обучения. Необходимо наличие педагогических кадров в этих учреждениях, способных обеспечить получение обучающимися таких компетенций. Последнее, как видим, связано с уже рассмотренной проблемой модернизации системы образования и требует мобилизации всех возможностей для обеспечения качественного и соответствующего требованиям сегодняшнего дня обучения.

Следующий проблемный вопрос связан с поиском резервов и средств повышения эффективности и конкурентоспособности российских организаций в современных экономических условиях. Представляется, эти резервы следует искать, учитывая стратегические ориентиры государства и приоритетные направления социально-экономического развития нашей страны, наиболее серьезным из которых является реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». На этом пути имеются некоторые проблемные моменты. В частности, отсутствие в обществе четкого понимания того, что следует подразумевать под цифровой экономикой. В качестве подтверждения можно привести примеры определений, представленных в источниках:

- цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме [13, с. 185];

[3] К обществам знания. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 239 с.

[4] См. О Координационном совете по развитию цифровой экономики при Правительстве Иркутской области. Постановление Правительства Иркутской области от 20.08.2019 № 674-пп. Режим доступа: https://irkobl.ru/sites/economy/national_projects/digital/ (дата обращения: 11.03.2020); Протокол заседания Координационного совета по развитию цифровой экономики в Иркутской области № 1 от 10.10.2019. Режим доступа: https://irkobl.ru/sites/economy/national_projects/digital/ (дата обращения: 11.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

- цифровая экономика – деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг [14, с. 13];
- цифровая экономика (веб-, интернет-экономика, электронная экономика) – экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией, производимыми и сбываемыми ими цифровыми товарами и услугами[5];
- цифровая экономика основана на ИКТ и обеспечивает преобразование социально-экономической информации системной экономики в цифровые модельные формы для осуществления электронного управления процессом воспроизводства [15, с. 15];
- цифровая экономика – правоотношения, складывающиеся между физическими и юридическими лицами по поводу сквозных цифровых технологий, перечисленных Правительством РФ в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации»[6].

Таким образом, трактовка данного термина весьма разнообразна. Для уточнения его сущности нужны дополнительные исследования теоретического и практического характера. Но на сегодняшний день, учитывая, что экономика представляет собой систему отношений по поводу производства, распределения и потребления национального продукта, а также то, что в современных условиях эти отношения осуществляются посредством информационно-коммуникационных и сквозных цифровых технологий, мы полагаем возможным использовать следующую интерпретацию цифровой экономики.

Цифровая экономика – система отношений между субъектами (предпринимателями, домохозяйствами, государством) посредством ИКТ (интернета и мобильной связи) и сквозных технологий (больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, квантовых, виртуальных технологий и т. д.).

Технологии цифровой экономики обширны, обеспечивают массу возможностей для развития общества. Однако, как было отмечено выше, они повышают конкуренцию среди предприятий и организаций. Поэтому, осуществляя предпринимательскую деятельность в условиях цифровой экономики, целесообразно ориентироваться на принципы маркетинга, который был «изобретен» как средство, обеспечивающее победу организаций в условиях конкурентного рынка. На наш взгляд, эти принципы не утратили своего значения в современном обществе, а положения сервисной концепции маркетинга (обеспечение потребительской удовлетворенности за счет предложения максимально качественных услуг, особенно информационных) даже выходят на первый план. Потребителю порой бывает сложно разобраться в том объеме информации, которая его окружает. Поэтому все чаще мы сталкиваемся с апатичной реакцией индивидов на те или иные проблемные ситуации, встречающиеся в мире [16, с. 93]. Информационная избыточность, как известно, хороша только в случае создания безопасности информационных систем, но для человека она может создавать препятствия при принятии решений и выборе способов поведения. В этой связи предоставление клиентам качественной информации рассматривается как важное средство повышения конкурентоспособности организации-продавца товаров и услуг.

Далее стоит отметить, что основной принцип традиционного, сервисного и цифрового маркетинга – ориентация на потребителя – остается неизменным. Важность соблюдения данного принципа подчеркивается многими. А. С. Кокорев пишет: «Главной ценностью предприятия в цифровой экономике является клиент» [2, с. 255]. Именно клиент рассматривается как субъект, обеспечивающий доходы и прибыль организации, как лицо, потребности которого необходимо удовлетворять, как человек, поведение которого нужно изучать, анализировать и, используя методы маркетинга, изменять в направлении, выгодном для организации. Условия цифровой экономики усложняют такое воздействие на клиента, поскольку непосредственного контакта с ним у организации нет. Но есть возможность посредством интернет-рекламы осуществлять продвижение продукции и фирмы, посредством продажи высококачественных товаров создавать его приверженность фирме, с помощью использования информационных технологий налаживать онлайн-взаимодействие с ним, посредством инновационности организационных процессов, открытости и демократичности всех процедур формировать свой положительный имидж. Перечисленные способы воздействия на клиентов требуют некоторых уточнений.

Первый момент связан с использованием интернет-рекламы. На сегодняшний день у многих складывается отношение к ней как к спаму. На наш взгляд, одна из причин подобной ситуации состоит в том, что правила традиционной рекламы нужно соблюдать и в цифровой рекламе. А именно: первый этап создания и осуществления рекламной кампании – формулирование цели и определение целевой аудитории. Необходимость формулирования цели признается всеми специалистами (теоретиками и практиками в области управления). О. К. Слинкова и Р. А. Скачков, отмечая значимость целеполагания, указывают, что оно является фактором, определяющим реальность управления [17, с. 71]. Выбор же целевой аудитории на практике зачастую не проводится вообще. Между тем целевая аудитория – тот контингент получателей сообщений, которому эти сообщения интересны и который может отреагировать на сообщение привлекательным для организации-отправителя образом. Нецелевая аудитория в случае интернет-рекламы может не только «отмахиваться» от нее, используя в том

[5] Цифровая экономика // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровая_экономика (дата обращения: 11.03.2020).

[6] Методология расчета индекса «Цифровая Россия» субъектов Российской Федерации. М.: Московская школа управления СКОЛКОВО, 2018. С. 2.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

числе программы-блокировщики, но и формировать негативное отношение к фирме. Поэтому независимо от того, что стоимость отправки интернет-сообщений одинакова в случае одного адресата и миллиона адресатов, организации, осуществляющие цифровой маркетинг, должны сначала определиться с целевой аудиторией. Первоначальный выбор целевой аудитории вполне соответствует современным концепциям B2B и B2C, предполагающим клиентоориентированность бизнеса на бизнес или на частных лиц, а следовательно, и сегментацию рынка [18].

Далее следует выбрать средство передачи сообщения и способ предоставления информации. Средства передачи сообщения выбираются в зависимости от приверженности целевой аудитории конкретным разновидностям (социальные сети, электронная почта, мобильные приложения). Способ предоставления информации (текст, изображение, символы, звуки и комбинации этих элементов) тоже зависит от особенностей целевой аудитории.

Реализация традиционной рекламы предполагает первоначальное ее тестирование для определения того, насколько она способна обеспечивать достижение цели, имеются ли в ней ошибки и недочеты, которые нужно устранить до начала широкомасштабного ее использования. На наш взгляд, пропускать этот этап ни при каких обстоятельствах нельзя, т. к. устранить ошибку в уже распространенной интернет-рекламе практически невозможно ввиду огромной скорости передачи цифровых данных. Поэтому лучше потратить дополнительное время, но избежать возможных потерь, основные из которых – утрата доверия потребителя и подрыв имиджа фирмы. Методы пробного тестирования рекламных материалов достаточно известны [19; 20]. Мы считаем наиболее подходящим для интернет-рекламы метод семантического дифференциала, позволяющий выяснить ощущения человека, столкнувшегося с рекламой, и его отношение к ней.

Следующая проблема, связанная с осуществлением цифровой рекламы, соотносится с ее интенсивностью. Практика традиционного маркетинга показывает, что с ростом интенсивности рекламы увеличиваются возможности достижения цели, а закон Мерфи гласит: «Недостаточные расходы на рекламу – бессмысленно потраченные деньги». Однако если принять во внимание основную цель цифрового маркетинга – привлечь и удержать внимание целевой аудитории, то, как нам представляется, интенсивность играет не самую важную роль. Ведь от назойливой мухи отмахиваются всегда, так и мы как потребители «отмахиваемся» от надоедливой интернет-рекламы, различных всплывающих окон и пр. Поэтому здесь значение опять же имеет правильный выбор целевой аудитории, средства распространения информации и способа ее представления.

Второй момент уточняющего характера относится к необходимости при осуществлении цифрового маркетинга соблюдения принципов и норм морали. Как пишет А. Н. Козырев, «задачи маркетинга все больше смещаются в сторону борьбы за внимание потребителя самыми разными средствами, среди которых не последнюю роль играют технические средства и приемы, граничащие со злоупотреблениями или переходящие эту границу» [21, с. 11]. Другие доступные современные технологии воздействия на потребителей (нейромаркетинг, виртуальная или дополненная реальность в маркетинге), с одной стороны, обеспечивают дополнительные преимущества организации-продавцу, а с другой стороны, могут выступать как дополнительные средства манипуляции потребителем. По словам В. Г. Шадрина, «вопрос об этике нейроисследований является открытым» [22, с. 307].

Какими бы ни были средства для дополнительных заработков с помощью современных технологий, какие бы цели ни ставили перед собой продавцы, этика должна оставаться на первом месте, злоупотреблять современными цифровыми технологиями ни в коем случае нельзя. Какие бы золотые горы ни сулили возможности тотальной цифровизации, не надо забывать о базовых человеческих ценностях – порядочности, честности, открытости, невмешательстве в частную жизнь. Никакие обстоятельства не могут быть причиной отхода от данных ценностей, иначе человеческое общество может просто перестать существовать. Поэтому любые маркетинговые меры в цифровой сфере должны реализовываться с соблюдением принципов гуманизма и элементарной морали.

Это в полной мере относится ко всем разновидностям цифрового маркетинга. Поисковый маркетинг, ориентирующийся на создание привлекательных, запоминающихся и работающих на благо организации сайтов; партизанский маркетинг, соотносящийся с нейролингвистическим программированием восприятия информации в нужном для организации свете; вирусный маркетинг, предполагающий мотивирование интернет-пользователей распространять информацию; скрытый маркетинг, осуществляющий косвенную рекламную деятельность посредством воздействия на эмоции потребителей; SMM или маркетинг в социальных сетях, реализующий прямую рекламу; контент-маркетинг, распространяющий информацию убеждающего характера; e-mail-маркетинг, осуществляющий рассылки по электронной почте; аффилированный-маркетинг, занимающийся привлечением лиц, поставляющих новых клиентов для организации, – все эти виды цифровых маркетинговых коммуникаций должны осуществляться с соблюдением принципов достоверности передаваемой информации, законов, уважением чести и достоинства людей, культуры и моральных ценностей [23, с. 21].

Другими инструментами обеспечения конкурентных преимуществ в традиционном маркетинге являются грамотно построенные товарная, ценовая и распределительная политики. Комплекс цифрового, или интернет-маркетинга, содержит те же элементы [23, с. 8, 9]. Вероятно, использование основных принципов традиционного

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

маркетинга в условиях цифрового рынка способно обеспечить достижение целей организации. Так, согласно теории маркетинга, если разрабатывается товар, то необходимо изначально определить, какие потребности целевой аудитории остаются неудовлетворенными, какие характеристики должны присутствовать у товара. На этапе выведения товара на рынок следует выявлять отношение покупателей к товару, на этапе роста – оценивать преимущества товара, на этапе зрелости – определять возможности для продления жизни товара, на этапе спада – оценивать перспективы его дальнейшего существования и целесообразность поддержания продаж или выведения с рынка. Как нам представляется, современные ИКТ являются средством обеспечения перечисленных принципов. Ведение баз данных, налаживание онлайн-связи с клиентами, использование файловых серверов и социальных сетей, веб-аналитика – это те виды деятельности, которые в условиях цифровой экономики могут осуществляться без каких-либо проблем.

Аналогичным образом, осуществляя цифровое взаимодействие с клиентами и любыми другими экономическими субъектами, можно разрабатывать и реализовывать ценовую политику, формировать систему распределения и проводить любые другие маркетинговые мероприятия и программы. Оценка их результатов ввиду незначительности расходов на цифровой маркетинг может осуществляться путем определения степени достижения поставленных целей.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование показало наличие ряда проблем, стоящих на пути реализации программ развития нашей страны, особенно программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Во-первых, это отсутствие единого понимания сущности цифровой экономики. Для ее успешного решения необходимы дальнейшие теоретические и прикладные исследования. При этом, на наш взгляд, следует обеспечить:

а) однозначность восприятия экономического и технологического содержания цифровой экономики (а не так, как это имеет место в настоящее время: два источника, три разнящихся утверждения, либо смешение понятий *информационная, постиндустриальная, цифровая экономика, экономика знаний*);

б) соответствие определения цифровой экономики юридическим и филологическим нормам (это является обязательным условием правильного формулирования сущности любого сложного явления и средством обеспечения выполнения предыдущего пункта);

в) возможность использования получившихся результатов при разработке нормативно-правовых актов в этой сфере (отсутствие определения цифровой экономики в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» является упущением, которое должно и, надеемся, будет преодолено в дальнейших законодательных и нормативных разработках).

Во-вторых, недостаточность, а иногда и отсутствие цифровых компетенций у экономических субъектов, в первую очередь граждан, которые, не имея необходимых для современного бизнеса цифровых навыков, могут оказаться неконкурентоспособными на рынке труда. Чтобы такого не произошло, требуется, по нашему мнению, системная модернизация образования, провозглашение и закрепление в общественном сознании высокой ценности обучения и формирование у людей готовности к нему в течение всей жизни. Большую роль в этом может сыграть пропаганда, являющаяся мощным средством воздействия на общественное сознание, и использование методов формирования и развития организационной культуры, привития персоналу культурных ценностей, отражающих необходимость постоянного обучения, развития и продуцирования новых знаний и технологий, как того требуют современные условия.

В-третьих, недостаточно полное использование экономическими субъектами (прежде всего, фирмами и организациями) инструментария цифрового маркетинга. Согласно уже упомянутым исследованиям индекса развития цифровой экономики России, по критерию Цифровой бизнес Россия находится на 23 месте из 32 возможных[7]. Между тем одним из факторов, влияющих на развитие цифрового бизнеса, является использование цифровых технологий, в частности электронной коммерции[8]. Цифровой маркетинг является способом электронной коммерции, а при условии его осуществления с учетом принципов традиционного маркетинга – инструментом повышения конкурентоспособности организации. На наш взгляд, основные ошибки в этом аспекте предпринимательской деятельности связаны с игнорированием принципов традиционного маркетинга, включая ориентацию на потребителя и установление с ним партнерских отношений. Правильные подходы к реализации цифровых маркетинговых мероприятий обеспечивают высокий потенциал для создания конкурентных преимуществ в условиях цифровой экономики. Поэтому, как указывают С. А. Лочан и Д. В. Федюнин, целесообразно выделение его в отдельное направление деятельности организаций и формирование по нему отдельных стратегий [24].

Справедливости ради отметим, что российские компании стали чаще использовать технологии цифрового маркетинга [25, с. 235]. Работу по дальнейшему развитию цифрового маркетинга и его применению организациями следует продолжать, т. к. он может обеспечить «благоприятные условия для самореализации человека в профессиональной и социальной сферах» [26, с. 18].

[7] Национальный индекс развития цифровой экономики… С. 66.

[8] Там же. С. 63.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

Учитывая тот факт, что цифровой маркетинг соотносится, в первую очередь, с налаживанием взаимодействия с потребителем, с передачей и получением информации, нами предпринята попытка создания условной схемы его осуществления (рис.). Данная схема в каждом случае должна наполняться конкретным содержанием.

Заключение

Общественный прогресс неотвратим, проигнорировать вызовы четвертой промышленной революции не удастся никому. Стоит принять эту установку и максимально использовать возможности, предоставляемые для общественного и экономического развития современными информационно-коммуникационными технологиями. Реализация мероприятий цифрового маркетинга поспособствует не только росту эффективности работы организаций, но и повышению качества жизни. Однако, как было сказано выше, вся маркетинговая цифровая деятельность должна осуществляться с учетом необходимости сохранения общества в том виде, в котором человек остается Человеком с большой буквы.

Рис. Схема реализации мероприятий цифрового маркетинга

Fig. Scheme for implementation of digital marketing activities

Литература

1. Клисторин В. И. Цифровая экономика обещает множество проблем // Совет директоров Сибири. 2019. № 4. С. 10–11.
2. Кокорев А. С. Цифровая экономика: смена ценностей и ориентиров в управлении предприятием // Московский экономический журнал. 2019. № 1. С. 252–259. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-11028
3. Свистунов В. М., Лобачев В. В. Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики // Управление. 2017. Т. 5. № 4. С. 29–33.
4. Слинкова О. К., Слинков А. М., Пастухова Д. А. Исследование мотивации личностного роста студентов в процессе вузовского обучения // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3-1. С. 774–779.
5. Патрусова А. М. Качество профессионального образования: проблемы оценки // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 1. С. 26–32.
6. Аймалетдинов Т. А., Баймуратова Л. Р., Зайцева О. А., Имаева Г. Р., Спиридонова Л. В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.
7. Организационная культура / под ред. В. Г. Смирновой. М.: Юрайт, 2016. 306 с.
8. Грудистова Е. Г. Методические основы управления организационной культурой // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 2. С. 9–20.
9. Пастухова Д. А., Грудистова Е. Г. Модель конкурентоспособного специалиста сервиса // Научный результат. Серия: Технологии бизнеса и сервиса. 2018. Т. 4. № 2. С. 53–64. DOI: 10.18413/2408-9346-2018-4-2-0-6
10. Schieser H. How to immunize children against drug abuse and seduction? // Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. № 1. С. 204–213.
11. Кошмаров М. Ю., Трубецкой А. Ю. Экономические теории и эволюция пропаганды // Мир новой экономики. 2017. № 4. С. 48–54.
12. Корнейчук Б. В. Информационная экономика. СПб.: Питер, 2006. 394 с.
13. Горелов Н. А., Кораблева О. Н. Развитие информационного общества: цифровая экономика. М.: Юрайт, 2019. 241 с.
14. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение / науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 82 с.
15. Косолапова М. В., Свободин В. А. Методологические вопросы системно-цифровой экономики – взаимосвязь системной и цифровой экономик // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 6. С. 13–16.
16. Сологубова Г. С. Составляющие цифровой трансформации. М.: Юрайт, 2019. 147 с.
17. Слинкова О. К., Скачков Р. А. Анализ научных подходов к определению сущности целеполагания и его роль в процессе управления // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 65–72.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

18. Фомичева Ю. П. Цифровой маркетинг // Студенческая наука и XXI век. 2018. № 16-1. С. 428–430.
19. Синяева И. М., Романенкова О. Н., Жильцов Д. А. Реклама и связи с общественностью. М.: Юрайт, 2014. 552 с.
20. Кузнецов П. А. Современные технологии коммерческой рекламы. М.: Дашков и К°, 2018. 296 с.
21. Козырев А. Н. Цифровизация, математические методы и системный кризис экономической науки // Цифровая экономика. 2019. № 4. С. 5–20. DOI: 10.34706/DE-2019-04-01
22. Шадрин В. Г. Воздействие на современного потребителя через нейромаркетинг // Инженерная экономика и управление в современных условиях: мат-лы науч.-практ. конф. (Донецк, 9 октября 2019 г.) Донецк: ДонНТУ, 2019. С. 302–307.
23. Акулич М. В. Интернет-маркетинг. М.: Дашков и К°, 2020. 352 с.
24. Лочан С. А., Федюнин Д. В. Продвижение продукции с использованием возможностей цифрового маркетинга // Рекламная деятельность и рекламный бизнес: история, теория и технологии. М.: Русайнс, 2017. С. 84–93.
25. Опрятова О. В. Проблемы развития цифрового маркетинга в России // Арригиевские чтения по теме: «Формирование новой парадигмы экономического мышления XXI века»: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 21–23 марта 2018 г.). Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2018. С. 234–237.
26. Данакин Н. С., Захаров В. М. Повышение качества жизни населения – стратегическая цель социального управления в регионе // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1. С. 17–20.

original article

Development of Digital Competencies and Digital Marketing as a Means of Ensuring the Competitiveness of Economic Entities*

Elena G. Grudistova [a, @, ID]
[a] Bratsk State University, Russia, Bratsk
[@] diplombgu@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2140-0663

Received 20.03.2020. Accepted 10.04.2020.

Abstract: The fourth industrial revolution with its unprecedented development of information and communication technologies provided practically inexhaustible opportunities for improving socio-economic processes. At the same time, it may increase unemployment as people lack the necessary digital skills, and those organizations that are not ready to use modern technology lose competitiveness. Therefore, the aim of this research was to identify areas and ways to increase the competitiveness of citizens and organizations in the context of digital transformations. The study featured the reserves for the development of digital competencies of the population and the possibility of using marketing technologies in the digital interaction between various economic entities. The research was a synthesis of theoretical and practical principles. The author employed induction, analysis, and synthesis of information obtained from official sources. The article focuses on some issues of the program of implementing the digital economy in the Russian Federation and offers possible solutions. The lack of a common understanding of the essence of the digital economy requires further research on this phenomenon. The author believes that, to overcome the lack of digital competencies, it is necessary to modernize the education system and restore the high value of education, especially that of lifelong learning. The poor use of digital marketing tools can be explained by negative experience, which often results from typical errors that occur when companies ignore the principles of traditional marketing, i.e. customer orientation and moral standards. The author proposes a scheme and some recommendations that can raise the efficiency of digital marketing. Any organization can do digital marketing, which can facilitate the organization in achieving its goals.

Keywords: digital economy, education system, cultural propaganda, online advertising, target audience, information and communication technologies

For citation: Grudistova E. G. Development of Digital Competencies and Digital Marketing as a Means of Ensuring the Competitiveness of Economic Entities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 195–204. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-195-204

References

1. Klistorin V. I. The digital economy promises many challenges. *Sovet direktorov Sibiri,* 2019, (4): 10–11. (In Russ.)
2. Kokorev A. S. Digital economy: change of values and guidelines in managing the enterprise. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal,* 2019, (1): 252–259. (In Russ.) DOI: 10.24411/2413-046X-2019-11028
3. Svistunov V. M., Lobachev V. V. Labor relations in the conditions of digitization of the economy. *Upravlenie*, 2017, 5(4): 29–33. (In Russ.)
4. Slinkova O. K., Slinkov A. M., Pastuchova D. A. Study motivation personal growth students in higher education. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2017, (3-1): 774–779. (In Russ.)
5. Patrusova A. M. Professional education quality: assessment problems. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2012, (1): 26–32. (In Russ.)
6. Aimaletdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A., Imaeva G. R., Spiridonova L.V. *Digital literacy of Russian educators. Readiness for the use of digital technologies in the educational process*. Moscow: Izd-vo NAFI, 2019, 84. (In Russ.)
7. *Organizational culture*, ed. Smirnova V. G. Moscow: Iurait, 2016, 306. (In Russ.)
8. Grudistova E. G. Methodical bases of organizational culture management. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2010, (2): 9–20. (In Russ.)
9. Pastukhova D. A., Grudistova E. G. Model of competitive service specialist. *Research Result. Business and Service Technologies*, 2018, 4(2): 53–64. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9346-2018-4-2-0-6
10. Schieser H. How to immunize children against drug abuse and seduction? *Magister Dixit: nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri*, 2013, (1): 204–213.
11. Koshmarov M. Y., Trubetskoy A. Y. Economic theories and evolution of propaganda. *Mir novoi ekonomiki*, 2017, (4): 48–54. (In Russ.)
12. Korneichuk B. V. *Information economics*. St. Petersburg: Piter, 2006, 394. (In Russ.)
13. Gorelov N. A., Korableva O. N. *The development of the information society: digital economy*. Moscow: Iurait, 2019, 241. (In Russ.)
14. *What is a digital economy? Trends, competencies, measurement,* ed. Gokhberg L. M. Moscow: Izd. dom VShE, 2019, 82. (In Russ.)
15. Kosolapova M. V., Svobodin V. A. Methodological issues of system-digital economy – the interaction between the system and the digital economy. *Miagkie izmereniia i vychisleniia*, 2019, (6): 13–16. (In Russ.)
16. Sologubova G. S. *Digital transformation components.* Moscow: Iurait, 2019, 147. (In Russ.)
17. Slinkova O. K., Skachkov R. A. Analysis of scientific approaches to the defining the essence of goal setting and its role in management process. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2015, (3): 65–72. (In Russ.)
18. Fomicheva Iu. P. Digital marketing. *Studencheskaia nauka i XXI vek*, 2018, (16-1): 428–430. (In Russ.)
19. Siniaeva I. M., Romanenkova O. N., Zhiltsov D. A. *Advertising and public relations.* Moscow: Iurait, 2014, 552. (In Russ.)
20. Kuznetsov P. A. *Modern technologies of commercial advertising*. Moscow: Dashkov i K°, 2018, 296. (In Russ.)
21. Kozyrev A. N. Digitalization, mathematical methods and the systemic crisis of economic science. *Cifrovaya ekonomika,* 2019, (4): 5–20. (In Russ.) DOI: 10.34706/DE-2019-04-01
22. Shadrin V. G. The impact for today's consumers through neuromarketing. *Engineering economics and management in modern conditions*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Donetsk, October 9, 2019. Donetsk: DonNTU, 2019, 302–307. (In Russ.)
23. Akulich M. V. Internet-marketing. Moscow: Dashkov i K°, 2020, 352. (In Russ.)
24. Lochan S. A., Fedyunin D. V. Promotion of products using the capabilities of digital marketing. *Advertising and advertising business: history, theory, and technology*. Moscow: Rusains, 2017, 84–93. (In Russ.)
25. Opryatova O. V. Problems of development of digital marketing in Russia. *Arrigiev readings on the topic: "Formation of a new paradigm of economic thinking of the XXI century"*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orel, March 21–23, 2018. Orel: OGU im. I. S. Turgeneva, 2018, 234–237. (In Russ.)
26. Danakin N. S., Zakharov V. M. Improving the quality of living the population – the strategic objective of social management in the region. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnia, zavtra*, 2018, (1): 17–20. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

оригинальная статья
УДК 334.758

Концепция организационной реструктуризации горнодобывающей промышленности

Хенрик Джвигол [a, @, ID]
[a] Силезский технологический университет, Польша, г. Гливице
[@] henryk.dzwigol@poczta.fm
[ID] https://orcid.org/0000-0002-2005-0078

Поступила в редакцию 13.02.2020. Принята к печати 23.03.2020.

Аннотация: Современные условия хозяйствования требуют поиска качественно новых путей реструктуризации горнодобывающей отрасли. Целью данной статьи является разработка концепции организационной реструктуризации сектора по добыче каменного угля. Исследованы правовые основы создания новой горнодобывающей компании и основные критерии консолидации. Предложены направления хозяйственной деятельности новой горнодобывающей компании и организационных изменений в рамках консолидации. Определены особенности приватизации горнодобывающих предприятий. Рассмотрен эффект от создания новой горнодобывающей компании. Установлено, что повышение эффективности использования угольных ресурсов в масштабах группы предприятий позволит рационально и избирательно управлять месторождениями и усилить инвестиционные возможности, а также достичь комплексной модернизации технического оборудования на шахтах. Это, в свою очередь, будет способствовать расширению возможностей удовлетворения потребностей рынка с точки зрения качества и ассортимента; усилению гибкости реагирования на изменения и постоянные колебания рынка; повышению эффективности распределения угля; стратегическому управлению рынком и оптимальному использованию каналов распределения центров продаж угля. Предлагаемая организационная структура является оптимальной с точки зрения достижения баланса между социальной защитой и конкурентоспособностью в гибкой компании со способностью к изменениям.

Ключевые слова: консолидация, приватизация, партнерство, эффект, новая горнодобывающая компания

Для цитирования: Джвигол Х. Концепция организационной реструктуризации горнодобывающей промышленности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 205–213. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

Введение

Новые вызовы и проблемы, возникающие в экономической реальности, способствовали превращению предприятия в качественно другой объект исследования. Это обусловило необходимость знаний о процессах и условиях их трансформации, развития, а также инструментов и управления в период новой экономики [1, s. 11; 2; 3, s. 23; 4–13]. Усиливающаяся рыночная конкуренция и связанный с этим рост уровня рисков в деятельности предприятий ставят перед ними новые задачи по выбору нетрадиционных и инновационных видов деятельности в условиях постоянных изменений, что должно предшествовать комплексной диагностике всех сфер функционирования. Полученный результат диагностики может стать основой для построения стратегии компании.

Проблемы оценки эффективности реализации стратегии горнодобывающей компании связаны с тем, что до сих пор ключевым фактором ее результативности остается информация, полученная из экономических и финансовых источников. Это приводит к значительным ограничениям в получении информации о текущем состоянии горнодобывающего предприятия.

Деятельность по реструктуризации в каменноугольной промышленности должна быть направлена на соответствующее развитие внутреннего и европейского рынков энергии и топлива. В настоящее время необходимо консолидировать сектор, что позволит укрепить его экономическое состояние и адаптировать горнодобывающие предприятия к реалиям внутреннего рынка Европейского союза и мирового рынка в целом [9]. Учитывая значительную перспективу развития сектора по добыче каменного угля, целесообразным является стабилизация функционирования горнодобывающих предприятий в условиях рыночной экономики, которая приведет к сокращению затрат на угледобычу.

В вышеупомянутом контексте на фоне анализа текущих преобразований предприятий по добыче каменного угля следует искать качественно новые пути реструктуризации, которые в скором времени позволят достичь предприятиям угольной промышленности сильных конкурентных позиций. Предприятия по добыче каменного угля, получив возможность конкурировать на мировом рынке с производителями угля, станут главным ядром энергетической безопасности в мире.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

В современных условиях развития сектора по добыче каменного угля часто происходят экономические изменения, связанные с глобальной экономикой. В связи с этим необходимо учитывать системные изменения в энергетике [14].

Автор данной статьи имеет многолетний опыт по управлению крупными и средними горнодобывающими компаниями и является автором многих публикаций по проблемам организации и управления [7; 14–17]. В статье представлена концепция организационной реструктуризации сектора по добыче каменного угля.

1. Концепция организационной реструктуризации сектора по добыче каменного угля

Правовые основы создания новой горнодобывающей компании (НГК)

Реструктуризация предприятий по добыче каменного угля является одним из самых сложных проектов, необходимых для модернизации польской экономики. Это определяется не только стратегическим положением сектора, который был консолидирован в течение нескольких десятилетий, но и интересами многочисленных и интегрированных горнодобывающих групп.

В теоретическом плане предприятия по добыче каменного угля включены в т. н. зрелые сектора, которые характеризуются, в частности, особыми условиями ведения бизнеса. Среди условий, которые негативно влияют на деятельность в зрелом секторе, можно назвать сильную конкуренцию в отрасли; давление покупателей на снижение издержек; значительные производственные мощности; снижение прибыли предприятий. В случае польских компаний по добыче каменного угля список неблагоприятных условий можно дополнить еще такими, как отсутствие процессов приватизации; проблемы структурной занятости; чрезмерная власть профсоюзов; негативный имидж отрасли в стране; прочные связи с моноструктурным регионом [18, s. 46–47].

Соображения о направлениях организационной деятельности, способствующей повышению эффективности работы горнодобывающих предприятий, основывались на анализе функционирования сектора по добыче каменного угля. Соображения касаются следующих вопросов:

- реструктуризация горнодобывающих предприятий;
- консолидация горнодобывающих предприятий;
- приватизация горнодобывающих предприятий (рис.[1]).

Существует два возможных варианта консолидации:

1) слияние путем приобретения – передача всех активов принимаемой компании (предприятия) другой компании (приобретателю) за акции или их часть, которые приобретающая компания выдает акционерам приобретаемой компании;

2) слияние путем создания новой компании – здание компании с уставным капиталом, переход активов всех сливающихся компаний за акции новой компании или их частей.

Правовые последствия слияния:

- приобретение приобретающей компанией всех прав приобретенной компании;
- поглощение компанией, объединяющей активы объединенной компании;
- поглощение приобретающей компанией обязательств, возложенных на приобретаемую компанию, включая налоговые обязательства и обязательства, возникшие в результате событий, произошедших на стороне компании, принятой до слияния;

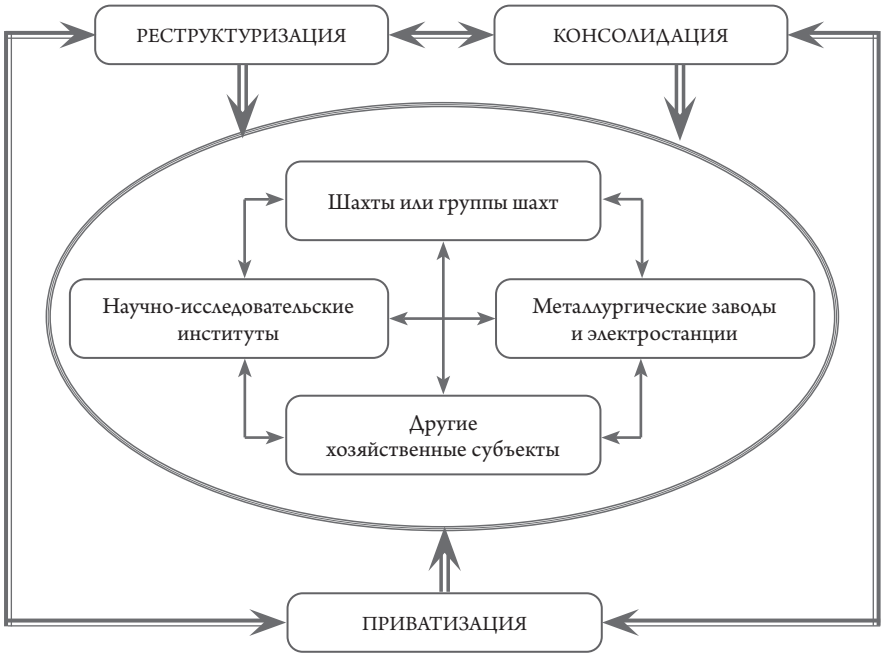


Рис. Концепция организационной реструктуризации сектора по добыче каменного угля
Fig. Organizational restructuring concept of the coal mining sector

[1] Собственное исследование, построено на основе [18, s. 130].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

- общее правопреемство со стороны приобретающей компании (передаются лицензии и концессии, если в решении о концессии не предусмотрено иное);
- правовые последствия в сфере трудового права – поглощение рабочего места [18, s. 128].

Опыт горных предприятий, связанный с присоединением к шахтам, подтверждает значительную потерю работающих бригад. Столь значительные изменения и колебания в занятости разбросаны во времени (помимо естественных уходов: пенсий, пенсий по здоровью). Предложенная концепция позволит получить эффект от расширения технических возможностей реструктуризации шахт (например, устранение ненужных шахтных стволов дает возможность получения дополнительных ресурсов, захваченных этими опорами, ограничивая железнодорожную инфраструктуру, улучшая и полностью используя возможности мощностей перерабатывающих заводов); более оптимального пространственно-временного проектирования горных работ; рационального дренажа подземных вод и минимизации негативного воздействия на окружающую среду; ликвидации ненужных активов (зданий, сооружений и шахт).

Основные критерии консолидации

Консолидированная компания создает полную и всеобъемлющую систему обслуживания клиентов на основе диверсифицированных источников первичного топлива. Созданная консолидированная организация представляет собой очень сложную и неограниченную систему. Это не означает, что организационные единицы, объединенные по пространственному и логистическому критерию, не могут быть созданы в консолидированной группе. Это относится, в частности, к теплоэлектростанциям и теплораспределительным станциям, шахтам и электростанциям бурого угля.

Концепция должна соответствовать критерию национальной энергетической политики, направленной на создание конкурентоспособных единиц, а также критерию энергетической безопасности. Только сильные, консолидированные предприятия имеют шанс выжить и остаться на рынке. Эти подразделения могут позволить себе инвестиции в модернизацию и развитие, могут начать сотрудничество с энергетическими гигантами, работающими на интегрированном рынке ЕС.

Компанию, консолидированную в соответствии с моделью XIV [19, с. 401–403], трудно реструктурировать из-за ее сложности. Следует ожидать большой инерции и сопротивления изменениям.

2. Направления хозяйственной деятельности новой горнодобывающей компании

Примерная стоимость, предлагаемая клиентам, и источники добавленной стоимости

Стоимость, предлагаемая клиентам, состоит из широкого ассортимента предлагаемых товаров и услуг; надежности и качества поставок и эффективности обслуживания; безопасности поставок энергоносителей.

Благодаря собственной ресурсной базе добавленную стоимость возможно получить в результате добычи каменного угля; добычи газа, а также в процессе производства электроэнергии и тепла.

Пример концепции консолидации

Сущность модели. Концепция предполагает существование множества единиц, расположенных на разных уровнях цепочки добавленной стоимости.

Уровень мощности состоит из:

- каменноугольных шахт;
- буроугольных шахт;
- группы угольных шахт;
- газоперерабатывающего завода.

На уровне выработки электроэнергии и тепла:

- каменноугольные электростанции;
- буроугольные электростанции;
- группы электростанций бурого угля;
- группа ТЭЦ;
- ТЭЦ.

Распределение главным образом происходит с [19, s. 400–405]:

- газораспределительными заводами;
- электрораспределительными станциями;
- теплораспределительными установками
- водораспределительными установками;
- группами дистрибьюторских компаний.

Характер отношений. Создание концепции с точки зрения связей между всеми фазами цепочки создания стоимости позволяет идентифицировать дальнейшие звенья процесса с момента получения первичных источников энергии путем ее преобразования в электрические или тепловые сети и сети передачи до продажи конечному потребителю. Эта направленная последовательность вертикальных зависимостей в логистике преобразования энергии не исключает горизонтальных связей внутри отдельных отраслей.

Во многих из предложенных моделей консолидации в топливно-энергетическом секторе система связей между буроугольной шахтой и электростанцией бурого угля была различна. Географическая близость этих объектов и технологические связи позволяют выявить этот специфический тип пространственных и технологических связей.

Управление. Концепция относится к большой группе капитала, включающей все отдельные фазы в энергетическом секторе. Управление таким крупным подразделением требует разумной внутренней структуры. Считается правильным решением формирование холдинговой структуры, которая объединяет компании вокруг определенной распределительной компании.

Создание организации с горизонтальными связями дает большие эффекты в результате концентрации корпоративных функций, таких как совместные маркетинговые

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

усилия, совместные исследования, концентрация финансовых ресурсов для инвестиций. С другой стороны, элементы, соединенные горизонтально в соответствии с отраслевой логикой, не очень гибки.

Ключевые компетенции. Концепция сформирует спрос на различные компетенции, которые создают барьер для входа в сектор. При добыче необходимы навыки и знания для поиска и вскрытия месторождений каменного угля, выявления и подготовки месторождений к поверхностной эксплуатации, безопасной глубоководной разработке месторождений каменного угля и эксплуатации газовых месторождений. Экологическая защита и поддержание стандартов по охране окружающей среды является важной компетенцией. Отвалы, соленая вода, дренаж, ущерб от добычи полезных ископаемых – вот лишь некоторые из угроз окружающей среде. Производство электроэнергии и тепла из угля требует решения многих технических и организационных проблем, таких как экологическое сжигание угля, утилизация отходов. Необходимые компетенции не ограничиваются только формами приобретения источников энергии и их переработкой. Ниже перечислены компетенции в сфере дистрибуции и маркетинга, которые определяют эффективное обслуживание клиентов. В частности, это компетенции в следующих сферах [18, s. 132]:

- распределение электроэнергии;
- распределение тепловой энергии;
- газораспределение;
- торговля электроэнергией;
- сервис для корпоративных клиентов в сфере энергетики и газоснабжения;
- сервис для индивидуальных клиентов (домохозяйств);
- сервис для малого и среднего предпринимательства;
- управление рисками на оптовом рынке электроэнергии;
- покупка и продажа электроэнергии на фондовом рынке;
- взыскание долгов;
- продажа угля.

Материальные ресурсы

Основным богатством группы являются природные ресурсы: каменный и бурый уголь; газ. Материалоемкие технологии необходимы для приобретения сырья. Особенно значительные затраты связаны со строительством и оборудованием каменноугольных шахт, оборудованием для выемки и дренажа лигнита. Экскаваторы, погрузчики и ленточные конвейеры также составляют капиталоемкое техническое оборудование шахт [19, s. 406].

Техническое оснащение газозаборников дополняют имущественные ресурсы горнодобывающих предприятий. Оборудование в машинах, устройствах, энергоблоках, транспортных средствах электростанции и теплоэлектростанции – третья важная группа ресурсов. Четвертая группа ресурсов – сети передачи и распределения: электричество; тепло; газ.

Для приобретения оборудования для защиты окружающей среды необходимы существенные капиталовложения. Его ценность возрастает с ужесточением правил защиты окружающей среды. В контексте нормативных актов ЕС следует учитывать увеличение затрат на этот тип ресурсов. Развитие интернет-сервиса и комплексного обслуживания клиентов требует обширных ресурсов для создания компьютерных и телефонных центров. Большой финансовый и человеческий капитал необходим для эффективного функционирования консолидированной группы. Персонал с разной квалификацией – это ресурс, принимающий решение об использовании материальных ресурсов. Все материальные ресурсы консолидированной группы дополняются существующими запасами угля и газа.

Нематериальные активы

Эти ресурсы в основном состоят из функциональных систем:

- системы глубокой добычи каменного угля;
- открытые системы добычи бурого угля;
- газодобывающая система;
- системы защиты угольной промышленности (обезвоживание, деметанизация);
- системы защиты окружающей среды (при угледобыче и производстве электрической и тепловой энергии, например, системы обессеривания);
- система производства электроэнергии и тепла;
- когенерация[2];
- система распределения электроэнергии и тепла;
- газораспределительная система;
- система управления сетью;
- сетевые системы безопасности;
- интегрированная система обслуживания клиентов;
- системы взыскания долгов;
- системы отбора и обучения сотрудников;
- системы и процедуры группового управления, включая финансовую систему;
- мотивационная система;
- система внутреннего контроля (аудит).

За существующими функциональными системами находятся ресурсы человеческих знаний и компетенций, а также опыт, необходимый для запуска и контроля этих систем.

[2] Когенерация (комбинированное производство тепла и электроэнергии, на англ. *CHP – Combined Heat and Power*) – это технологический процесс одновременного производства электроэнергии и полезного тепла на теплоэлектростанции. Благодаря более низкому расходу топлива использование когенерации дает большую экономию и является экологически выгодным, по сравнению с раздельным выделением тепла на классической теплоэлектростанции и электричеством на конденсационной электростанции.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

Устойчивость конкурентного преимущества консолидированной группы в соответствии с моделью XIV обеспечивает:

- обладание сырьевыми ресурсами;
- закрытие цепочки создания стоимости от получения сырья до обслуживания клиентов;
- предоставление комплексных услуг;
- обладание уникальными компетенциями и знаниями;
- наличие сложных функциональных систем, в основном в сфере производства, передачи, распределения и обслуживания клиентов;
- высокая стоимость активов;
- установление барьеров входа на высоком уровне [19, s. 408–415].

3. Направления организационных изменений в рамках консолидации

Организационная структура

Добыча каменного угля состоит из отдельных шахт с совершенно разными характеристиками, но, по сути, это экономическая система, которая не может должным образом функционировать без последовательной, реализованной в структурах, эффективной инвестиционной политики шахты; совместного содержания научно-исследовательской базы, обеспечивающей необходимый прогресс в минимизации угроз, разработке технологий и оборудования и т. д.; собственных финансовых резервов, обеспечивающих безопасную работу в условиях высокой неопределенности. Поэтому точность критериев объединения шахт с более крупными экономическими системами будет в значительной степени зависеть от экономического и финансового состояния горнодобывающих предприятий и всей угледобывающей отрасли [18, s. 134].

По стратегическим причинам связь с капиталом в группе компаний, осуществляющих, например, продажу угля, является целесообразной. Она должна осуществляться внутри финансовой группы производителей угля и организаций, занимающихся продажей угля, которые будут разрабатывать единую маркетинговую стратегию, интегрированную в масштабы отрасли, с единым планированием размеров и качества добычи угля в зависимости от потребностей рынка. Кроме того, в рамках такой структуры добычи должно учитываться функционирование специализированных заводов (торговых обществ), например по бухгалтерским услугам для угольных компаний, а также компаний, которые занимаются организацией логистических процессов.

4. Приватизация горнодобывающих предприятий

Передача функций государственной собственности в отношении рудников, сгруппированных в компаниях, экономическим субъектам, заинтересованным в их приобретении, может осуществляться путем отделения от структуры компании независимой горнодобывающей компании и продажи акций этого рудника; продажи рудника как группового завода или только как организованной части. Такая процедура не требует от Государственного казначейства предоставления акций уполномоченным лицам в соответствии с положениями Закона о коммерциализации и приватизации государственных предприятий. Принятая стратегия приватизации должна включать модель, в которой шахта (группа шахт) будет частью более крупного капитала или организационной структуры, например, горнодобывающая и энергетическая компания, действующая в качестве стратегического партнера по добыче полезных ископаемых с другими внешними организациями, особенно потребителями угля (электростанциями, теплоэлектростанциями, коксохимическими заводами и др.).

Отделение и продажа шахты как организованной части предприятия

В связи с растущим интересом энергетической отрасли к отношениям с горнодобывающей отраслью, это дает возможность продажи шахты как организованной части предприятия.

Связь капиталов. Внешние финансовые инвестиции

Наиболее рациональным и решающим фактором его успеха должна стать разработка стратегии изменений, основанной на использовании потенциала окружающей среды в качестве активного элемента, стимулирующего организационные изменения и способного финансировать необходимые инвестиции в добычу полезных ископаемых. Существенное значение в такой стратегии должно быть уделено конкретной предметной структуре, которую создают участники рыночной игры горнодобывающего предприятия и те, кто из связей с капиталом может извлечь выгоду. В связи с этим их стратегический потенциал возрастет. Среди потенциальных партнеров по коалиции консолидированной отрасли по добыче каменного угля прежде всего следует выделить энергетику, отопление, производителей горнодобывающей техники и оборудования, производителей оборудования для сжигания угля, коксостроения, металлургии и компании, занимающиеся химией угля. Значительные связи капитала с окружением создадут новый рынок, привлекут новых клиентов и внесут существенный вклад в повышение экономического потенциала добычи каменного угля.

5. Эффекты от создания новой горнодобывающей компании

Новое горнодобывающее предприятие сможет разработать единую и рациональную политику занятости в шахтах, основанную в большей степени на принципе перемещения наиболее опытного персонала между шахтами и создания новых рабочих мест, создаваемых совместно с шахтами и горными территориальными общинами.

Эта крупная экономическая система позволит сформировать необходимые условия и социальный климат,

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

способствующий созданию соответствующего количества рабочих мест на горнодобывающем предприятии.

Кроме того, следует отметить, что большие возможности открываются, в частности, в результате мелиорации и освоения территорий, опустошенных в результате текущей горнодобывающей деятельности. Реализация этих задач в рамках НГК, использующей для этого свои средства (в качестве отдельного предприятия или коммерческой юридической компании), легко привлечет внешний инвестиционный капитал.

Функционирование специализированных установок в рамках НГК должно основываться на текущей ликвидации последствий горной эксплуатации, т. н. повреждений шахты.

С точки зрения возможности создания новых рабочих мест существует и экологический аспект добычи угля, который состоит в охвате всей сферы обращения с отходами после флотации, которая благодаря использованию современных технологий может стать отличным компонентом смесей для обратной засыпки, материала для производства сборных элементов или материала, используемого в дорожном строительстве. Еще одним видом экономической деятельности может быть использование богатых метановых ресурсов.

Такие проекты, в дополнение к поддержке научной базы, требуют существенных инвестиционных средств для финансирования. Однако, использование таких возможностей капиталоемкой угольной компанией с участием внешнего финансирования определенно изменит стратегию реструктуризации занятости в горнодобывающей промышленности (с пассивной на активную) при создании новых рабочих мест и в то же время может способствовать полной переработке и получению продукта при минимально возможных затратах, в данном конкретном случае – из отходов.

В рамках группы капитала следует рассмотреть возможность осуществления банковской деятельности или страхования имущества.

Выводы

Реализация исследовательских задач требует проведения системных действий в масштабе всей экономики, а также локальных в горнодобывающей сфере. Системные решения должны продуцировать механизмы для создания ситуации взаимного интереса к инновационным решениям. Предприниматель (например, шахта) должен иметь определенные финансовые предпочтения, что было бы своего рода бонусом за его усилия по внедрению инновационного прогресса в своей компании. Целесообразным представляется создание на государственном уровне специальных фондов, способных поддерживать инновационную деятельность на определенных льготных условиях.

Решения по добыче каменного угля требуют решительного стремления к созданию научно-исследовательских подразделений, а горнодобывающими предпринимателями – реальных и значительных инновационных прогрессов, адекватных к поставленным исследовательским задачам.

В сфере консолидации и приватизации компания будет иметь существенные активы, и следовательно ее рыночная стоимость будет очень высокой. Это создает возможность дешевого приобретения внешней энергии как в финансовом, так и в оборотном капитале.

Компания будет занимать сильные конкурентные позиции по всем предлагаемым продуктам. Это связано с имеющимися компетенциями, а также с огромными имущественными ресурсами и возможностью концентрации накопленных собственных и внешних средств на инвестиции и инновации.

Диверсифицируя производство – электроэнергию, тепло, газ, воду и другие дополнительные услуги – компания снижает уровень рыночного риска.

Прозрачная организационная структура, построенная на принципах индивидуальной ответственности, позволит децентрализовать управление и повысить его эффективность и результативность.

Сосредоточение стратегических решений в одном центре принятия решений способствует реализации принципа единого управления в группе предприятий.

Повышение эффективности использования угольных ресурсов в масштабах группы предприятий позволит рационально и избирательно управлять месторождениями и усилить инвестиционные возможности, достичь комплексной модернизации технического оборудования на шахтах.

Это, в свою очередь, будет способствовать расширению возможностей удовлетворения потребностей рынка с точки зрения качества и ассортимента; усилению гибкости реагирования на изменения и постоянные колебания рынка; повышению эффективности распределения угля; стратегическому управлению рынком и оптимальному использованию каналов распределения центров продаж угля.

Решение проблем, связанных с добычей каменного угля, требует, прежде всего, системного подхода к решению основных организационных проблем отрасли, тщательного возобновления и укрепления экономических и социальных отношений. Процессы реструктуризации сектора будут настолько эффективными и действенными, насколько они будут адекватно соответствовать изменениям в системе управления и организационных структурах.

Предлагаемая организационная структура является оптимальной с точки зрения достижения баланса между социальной защитой и конкурентоспособностью в гибкой компании со способностью к изменениям.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно прийти к выводу, что в современных условиях хозяйствования происходит реорганизация способов ведения бизнеса и работы в нем. Это относится не только к предприятиям, которым

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

удается оптимально сочетать инновации и прибыльность, но и к способу управления, где границы между инновациями и прибылью, игрой и серьезностью, а также работой и отдыхом будут стерты [20].

Изменения, происходящие в глобальной экономике, вынуждают разрабатывать программу реструктуризации предприятий, что приведет к созданию эффективной, гибкой компании, способной постоянно вносить изменения с целью повышения своей конкурентоспособности. Этот процесс должен основываться на конкретных целях реструктуризации и масштабах изменений, вытекающих из них. Программа реструктуризации должна разрабатываться с учетом ситуации как во внешней, так и во внутренней среде предприятия.

Каждый спектр типичных реструктуризационных мероприятий является важным элементом совершенствования деятельности компании. Использование итерационного метода позволяет узнать и понять феномен сложности по следующим переменным: структуре, функциям, процессам и контексту [21].

Тенденция, которая в настоящее время складывается в мировой экономике, приводит к тому, что создаваемые организационные структуры описываются не только на основе внутренних элементов организации, но и с учетом субъектов ближайшего окружения, независимых с точки зрения права и экономики. Вместе они образуют структурную систему, инициируемую организацией, составляющей основу предприятия, которая может и должна рассматриваться как организационная структура. Такие системы в литературе называются, например, гибридными формами, т. е. косвенными между рынком и организационной иерархией. Работа внутри структуры не только над внутренними элементами, но и над субъектами из ближайшего окружения или превращение в это окружение в результате более длительного сотрудничества вызывает необходимость правового и договорного регулирования. Продолжающийся процесс глобализации, растущая конкуренция и научно-технический прогресс потребуют быстрого реагирования и адаптации предприятия к изменениям, происходящим в окружающей среде. Внедрение инноваций, гибкость в работе, гибкая к изменениям структура, способствующая быстрым действиям, позволяющим использовать появляющиеся возможности, является главным условием выживания предприятия в новой экономической реальности.

Современное управление должно учитывать собственнически-организационную форму компании и ее поведение на рынке, должно определять текущие условия, в которых предприятие начинает работать в определенный период [22].

Процесс перехода предприятий по добыче каменного угля к рыночной экономике идет медленно. Эффективность процесса реструктуризации этих предприятий, в дополнение к необходимым знаниям и управленческим навыкам, определяется скоростью и качеством решения социальных проблем, возникающих в новых условиях, в которых вынуждена работать горнодобывающая промышленность. Форма диалога и партнерства должна быть адаптирована к реструктуризационным решениям и условиям, преобладающим в данной отрасли. Это должно обеспечить основу для создания единой политики отрасли. К партнерству нельзя относиться инструментально, только лишь для поддержания социального общества [23]. Оно должно инициировать, а не форсировать процесс реорганизации. Социальный диалог и метод организации должны быть инструментами для поддержания баланса в процессе реструктуризации предприятий по добыче каменного угля.

Литература

1. Borowiecki R., Czekaj J. Zarządzanie zasobami informacyjnymi w warunkach nowej gospodarki. Warszawa: Difin, 2010. 386 s.
2. Jakimowaicz A. Nowa ekonomia. Systemy złożone i homo compositus. Warszawa: PWN, 2016. 260 s.
3. Hamrol A. Zarządzanie i inżynieria jakości. Warszawa: PWN, 2017. 530 s.
4. Kwilinski A. Mechanism of formation of industrial enterprise development strategy in the information economy // Virtual Economics. 2018. Vol. 1. № 1. P. 7–25. DOI: 10.34021/ve.2018.01.01(1)
5. Pająk K., Kvilinskyi O., Fasiecka O., Miśkiewicz R. Energy security in regional policy in Wielkopolska region of Poland // Ekonomia i Środowisko. 2017. № 2. P. 122–138.
6. Kwilinski A. Mechanism of modernization of industrial sphere of industrial enterprise in accordance with requirements of the information economy // Marketing and Management of Innovations. 2018. № 4. P. 116–128. DOI: 10.21272/mmi.2018.4-11
7. Dzwigol H. The concept of the system approach of the enterprise restructuring process // Virtual Economics. 2019. Vol. 2. № 4. P. 46–70. DOI: 10.34021/ve.2019.02.04(3)
8. Квилинский А. С., Трушкина Н. В., Рынкевич Н. С. Концептуальные подходы к определению термина «информационная экономика» // Проблемы экономики (Харьков). 2019. № 3. С. 147–155. DOI: 10.32983/2222-0712-2019-3-147-155
9. Jonek-Kowalska I. Challenges for long-term industry restructuring in the Upper Silesian Coal Basin: What has Polish coal mining achieved and failed from a twenty-year perspective? // Resources Policy. 2015. Vol. 44. № C. P. 135–149. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.009

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

10. Manowska A., Tobór-Osadnik K., Wyganowska M. Economic and social aspects of restructuring Polish coal mining: Focusing on Poland and the EU // Resources Policy. 2017. Vol. 52. P. 192–200. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.02.006
11. Pejic-Bach M., Bertoncel T., Meško M., Krstić Ž. Text mining of industry 4.0 job advertisements // International Journal of Information Management. 2020. Vol. 50. P. 416–431. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.07.014
12. Wang C., Lu F.-H., Sun Q., Zuo L.-S., Geng H.-J. How do policies take effect in the development of the urban mining industry? A local capability perspective: Evidence from Miluo, China (2000–2017) // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 240. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.118216
13. Fan S., Yan J., Sha J. Innovation and economic growth in the mining industry: Evidence from China's listed companies // Resources Policy. 2017. Vol. 54. № C. P. 25–42. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.08.007
14. Dzwigoł H., Dzwigoł-Barosz M., Zhyvko Z., Miskiewicz R., Pushak H. Evaluation of the energy security as a component of national security of the country // Journal of Security and Sustainability Issues. 2019. Vol. 8. № 3. P. 307–317. DOI: 10.9770/jssi.2019.8.3(2)
15. Dźwigoł H., Dźwigoł-Barosz M. Scientific research methodology in management sciences // Financial and Credit Activity: Problems of Theory and Practice. 2018. Vol. 2. № 25. P. 424–437. DOI: 10.18371/fcaptp.v2i25.136508
16. Dźwigoł H., Shcherbak S., Semikina M., Vinichenko O., Vasiuta V. Formation of strategic change management system at an enterprise // Academy of Strategic Management Journal. 2019. Vol. 18. № SI1. Режим доступа: https://www.abacademies.org/articles/Formation-of-strategic-change-management-system-at-enterprise-1939-6104-18-SI-1-454.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
17. Dźwigoł H., Wolniak R. Controlling w procesie zarządzania chemicznym przedsiębiorstwem produkcyjnym // Przemysl Chemiczny. 2018. Vol. 97. № 7. S. 1114–1116. DOI: 10.15199/62.2018.7.15
18. Dźwigoł H. Podejście systemowe w procesie restrukturyzacji przedsiębiorstwa. Gliwice: Wydawnictwo politechniki Śląskiej, 2010. 217 s.
19. Pyka J. Model XIV – Przedsiębiorstwo multienergy i multiutility o pełnym łańcuchu wartości i zdywersyfikowanych źródłach energii // Koncepcje i modele konsolidacji przedsiębiorstw w sektorze paliwowo-energetycznym, red. J. Pyka. Katowice: Akademia Ekonomicznej im. Karola Adamieckiego w Katowicach, 2004.
20. Srannegard L., Friberg M. Already elsewhere-om lek, identitet och hastighet i affärslivet. Stockholm: Raster Forlag, 2001. 106 s.
21. Wolfram S. A New Kind of Science. Canada: Wolfram Media Inc., 2002. 1192 p.
22. Dźwigoł H. Unternehmensmanagement im 21. Jahrhundert. Niemcy: Edition Winterwork Borsdorf, 2014. 240 S.
23. Dźwigoł H. Model restrukturyzacji organizacyjnej przedsiębiorstwa górnictwa węgla kamiennego. Warszawa: Difin, 2007. 384 s.

original article

A New Concept of Organizational Restructuring in Mining Industry

Henryk Dzwigol [a, @, ID]
[a] Silesian University of Technology, Poland, Gliwice
[@] henryk.dzwigol@poczta.fm
[ID] https://orcid.org/0000-0002-2005-0078

Received 13.02.2020. Accepted 23.03.2020.

Abstract: Modern business conditions need mining restructuring solutions of a new quality. The research objective was to elaborate a new concept for organisational restructuring of the coal mining sector. The article analyses the legal grounds for the development of a new mining company as well as the main consolidation criteria. The author proposes business goals of the new mining company and the organisational changes within the framework of consolidation. The article also focuses on some characteristics of the privatisation of mining companies as well as effects of the establishing a new mining company. A more effective use of coal resources by a group of companies will enable reasonable and selective management of deposits, increase the investment opportunities, and achieve a comprehensive modernisation of mining equipment. This, in turn, will help to meet the needs of the market in terms of quality and assortment, increase flexibility in responding to market changes and constant fluctuations; improve the efficiency of coal distribution, and create conditions for strategic market management and optimal use of distribution channels for coal sales centres. The new organisational structure proved optimal in terms of balance between social protection and competitiveness in a flexible company.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

Keywords: consolidation, privatisation, partnership, effect, new mining company

For citation: Dzwigol H. A New Concept of Organizational Restructuring in Mining Industry. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 205–213. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-205-213

References

1. Borowiecki R., Czekaj J. *Zarządzanie zasobami informacyjnymi w warunkach nowej gospodarki.* Warszawa: Difin, 2010, 386.
2. Jakimowaicz A. *Nowa ekonomia. Systemy złożone i homo compositus.* Warszawa: PWN, 2016, 260.
3. Hamrol A. *Zarządzanie i inżynieria jakości*. Warszawa: PWN, 2017, 530.
4. Dźwigoł H. *Podejście systemowe w procesie restrukturyzacji przedsiębiorstwa*. Gliwice: Wydawnictwo politechniki Śląskiej, 2010, 217.
5. Pyka J. Model XIV – Przedsiębiorstwo multienergy i multiutility o pełnym łańcuchu wartości i zdywersyfikowanych źródłach energii. *Koncepcje i modele konsolidacji przedsiębiorstw w sektorze paliwowo-energetycznym,* ed. Pyka J. Katowice: Akademia Ekonomicznej im. Karola Adamieckiego w Katowicach, 2004.
6. Srannegard L., Friberg M. *Already elsewhere-om lek, identitet och hastighet i affärslivet*. Stockholm: Raster Forlag, 2001, 106.
7. Wolfram S. *A New Kind of Science*. Canada: Wolfram Media Inc., 2002, 1192.
8. Dźwigoł H. *Unternehmensmanagement im 21. Jahrhundert*. Niemcy: Edition Winterwork Borsdorf, 2014, 240.
9. Dźwigoł H. *Model restrukturyzacji organizacyjnej przedsiębiorstwa górnictwa węgla kamiennego*. Warszawa: Difin, 2007, 384.
10. Kwilinski A. Mechanism of formation of industrial enterprise development strategy in the information economy. *Virtual Economics*, 2018, 1(1): 7–25. DOI: 10.34021/ve.2018.01.01(1)
11. Pająk K., Kvilinskyi O., Fasiecka O., Miśkiewicz R. Energy security in regional policy in Wielkopolska region of Poland. *Economics and Environment*, 2017, (2): 122–138.
12. Kwilinski A. Mechanism of modernization of industrial sphere of industrial enterprise in accordance with requirements of the information economy. *Marketing and Management of Innovations*, 2018, (4): 116–128. DOI: 10.21272/mmi.2018.4-11
13. Dzwigol H. The concept of the system approach of the enterprise restructuring process. *Virtual Economics*, 2019, 2(4): 46–70. DOI: 10.34021/ve.2019.02.04(3)
14. Kwilinski A., Trushkina N., Rynkevich N. Conceptual approaches to defining the term "information Economy". *Problemy ekonomiky*, 2019, (3): 147–155. (In Russ.) DOI: 10.32983/2222-0712-2019-3-147-155
15. Jonek-Kowalska I. Challenges for long-term industry restructuring in the Upper Silesian Coal Basin: What has Polish coal mining achieved and failed from a twenty-year perspective? *Resources Policy*, 2015, 44(C): 135–149. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.009
16. Manowska A., Tobór-Osadnik K., Wyganowska M. Economic and social aspects of restructuring Polish coal mining: Focusing on Poland and the EU. *Resources Policy*, 2017, 52: 192–200. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.02.006
17. Pejic-Bach M., Bertoncel T., Meško M., Krstić Ž. Text mining of industry 4.0 job advertisements. *International Journal of Information Management*, 2020, 50: 416–431. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.07.014
18. Wang C., Lu F.-H., Sun Q., Zuo L.-S., Geng H.-J. How do policies take effect in the development of the urban mining industry? A local capability perspective: Evidence from Miluo, China (2000–2017). *Journal of Cleaner Production*, 2019, 240. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.118216
19. Fan S., Yan J., Sha J. Innovation and economic growth in the mining industry: Evidence from China's listed companies. *Resources Policy*, 2017, 54(C): 25–42. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.08.007
20. Dzwigoł H., Dzwigoł-Barosz M., Zhyvko Z., Miskiewicz R., Pushak H. Evaluation of the energy security as a component of national security of the country. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2019, 8(3): 307–317. DOI: 10.9770/jssi.2019.8.3(2)
21. Dźwigoł H., Dźwigoł-Barosz M. Scientific research methodology in management sciences. *Financial and Credit Activity: Problems of Theory and Practice*, 2018, 2(25): 424–437. DOI: 10.18371/fcaptp.v2i25.136508
22. Dźwigoł H., Shcherbak S., Semikina M., Vinichenko O., Vasiuta V. Formation of Strategic Change Management System at an Enterprise. *Academy of Strategic Management Journal*, 2019, 18(SI1). Available at: https://www.abacademies.org/articles/Formation-of-strategic-change-management-system-at-enterprise-1939-6104-18-SI-1-454.pdf (accessed 12.02.2020).
23. Dźwigoł H., Wolniak R. Controlling w procesie zarządzania chemicznym przedsiębiorstwem produkcyjnym. *Przemysl Chemiczny*, 2018, 97(7): 1114–1116. DOI: 10.15199/62.2018.7.15

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

оригинальная статья
УДК 330.342.24

Управление знаниями на предприятии 4.0: стандарт и человек*

Евгений Е. Жернов [a, @, ID]

[a] Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово
[@] zhee.eti@kuzstu.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3558-0802

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 13.04.2020.

Аннотация: *Актуальность темы* связана с необходимостью перехода промышленных предприятий на концепцию Индустрия 4.0, что предполагает цифровизацию всего массива знаний работников предприятий и осознанное управление менеджерами данным массивом. *Предмет* – соблюдение интересов человека-работника при внедрении на предприятии 4.0 системы управления знаниями по требованиям стандарта. *Цель* – анализ международного стандарта ISO 30401:2018 «Системы менеджмента знаний – Требования» (далее – Стандарта) сквозь призму интересов человека труда. *Методология исследования* основана на системном и целостном антропосоциальном подходе. *Новизна* заключается в применении к формулированию критических замечаний по Стандарту разрабатываемого автором антропосоциального подхода к экономике знаний. В части менеджмента знаний предложено новое измерение – антропосоциальность, которое видится как приоритетное в новой экономике. *Результаты исследования*: показано, что в Стандарте использованы в качестве базовых термины и категории, а также сформулированы руководящие принципы, не учитывающие интересы творца и носителя знания – самого человека труда. В случае перехода российских предприятий на Стандарт могут возникнуть препятствия к становлению в стране экономики знаний с Индустрией 4.0, ориентированной на человека. *Область применения результатов* – разработка кадровой и социальной политики на предприятии 4.0 с учетом критических замечаний по Стандарту. *Выводы*. Единственным создателем, распространителем и пользователем прикладного профессионального знания – источника ценности (стоимости) на предприятии 4.0, а также автоматизированных систем производства и управления является человек труда. В стандарте, регламентирующем создание и внедрение системы менеджмента знаний на предприятии 4.0, следует учесть интересы работника как целостно развивающейся личности. Информационно-технический компонент системы управления знаниями должен быть дружественным человеку-работнику предприятия Индустрии 4.0, сберегая, а не «выжимая» его мыслительные и в целом жизненные силы.

Ключевые слова: цифровизация, стандарт ISO, прикладное знание, ценность, антропосоциальный подход, антропосоциальность, человек труда

Для цитирования: Жернов Е. Е. Управление знаниями на предприятии 4.0: стандарт и человек // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 214–221. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

Введение

Актуальность темы исследования связана с необходимостью в связи со становлением экономики знаний – последней фазы постиндустриальной экономики – перехода промышленных предприятий на концепцию Индустрия 4.0. Сам термин был предложен в 2011 г. на Ганноверской ярмарке для обозначения четвертой промышленной революции [1, с. 16]. Она, в свою очередь, базируется на цифровой революции, сочетающей разнообразные технологии, которые обусловливают возникновение «беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме и в отдельной личности» [1, с. 11]. Основой Индустрии 4.0 является доступ ко всей релевантной информации в режиме реального времени путем соединения всех элементов в цепочки создания стоимости[1]. Это предполагает цифровизацию всего массива знаний работников предприятия и осознанное управление менеджерами данным массивом. Идейным и методологическим руководством по созданию системы управления знаниями в организации (на предприятии) является международный стандарт ISO 30401:2018 «Системы менеджмента знаний – Требования» (*Knowledge management systems – Requirements*)[2]. Предлагаемые подходы к стандартизации требований к менеджменту знаний в организации

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

[1] Geissbauer R., Schrauf S., Koch V., Kuge S. Industry 4.0 – Opportunities and challenges of the industrial Internet. PwC, 2014. 52 p.

[2] ISO 30401:2018. Knowledge management systems – Requirements. Режим доступа: https://www.iso.org/standard/68683.html (дата обращения: 20.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

концептуально связаны с разработкой такого стандарта в системе менеджмента качества предприятия [2], тогда как формирование четвертой промышленной революции, не являющейся дегуманизирующей и обезличивающей силой, имеющей творческое начало, ориентировано на человека [1, с. 12]. Из двенадцати технологий четвертой промышленной революции, выделенных и сгруппированных К. Швабом, к управлению знаниями имеют непосредственное отношение технологии раздела «Изменение человека»: биотехнологии, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность. По оценкам экспертов, эти технологии являются менее предсказуемыми из-за их органической сущности, требуют больше капитальных вложений и регулирования. Принципиально важно, что возможность их принятия социумом зависит от корневых культурно-исторических особенностей и требует соблюдения баланса этики и научно-практических устремлений создателей и выгодополучателей этих технологий. Таким образом, ключевыми факторами успеха цифровой трансформации являются люди, этика и культура. Условия для распространения цифровой культуры должно создавать руководство промышленных компаний, обеспечивая прямую заинтересованность сотрудников в успешной трансформации.

Смысловое определение используемых в Стандарте понятий и терминов раскрывает идею и методологию управления знаниями, обусловливает результаты работы в принятой системе дефиниций. Такое же значение имеет формулировка принципов. Они также определяют характер отношений в коллективе работников на предприятии 4.0. Как правило, под предприятием 4.0 (*Enterprise 4.0*) понимают новую корпоративную среду, созданную четырьмя технологиями: большими данными и связанной с ними аналитикой, облачными вычислениями, мобильной связью, социальными сетями [3]. Поэтому так важно проанализировать Стандарт не с часто встречающейся в специальной литературе [4–6] некритической рецепции, а сквозь призму конкретного идеала предприятия новой экономики.

Цель исследования – анализ международного стандарта ISO 30401:2018 «Системы менеджмента знаний – Требования» с позиции интересов человека труда. Предмет исследования – соблюдение интересов человека-работника при внедрении на предприятии 4.0 системы управления знаниями по требованиям Стандарта. Методология исследования основана на системном и целостном антропосоциальном подходе.

Анализ международного стандарта ISO 30401:2018 «Системы менеджмента знаний – Требования»

Проведем анализ данного документа сквозь призму экономических и неэкономических интересов работника – единственного создателя и потребителя в процессе труда прикладного профессионального знания, которое на предприятии 4.0 представляет собой источник ценности (стоимости). Среди неэкономических интересов сегодня, в период становления экономики знаний, выделяется интерес интеллектуальный. Г. Б. Клейнер считает, что экономический интерес «уступает место интеллектуальному интересу – спросу на новые элементы пространства знаний и пространства интеллекта» [7, с. 39]. Критические замечания базируются на разрабатываемом автором антропосоциальном подходе к экономике знаний, в рамках которой действует менеджмент знаний. В методологическом плане особый интерес представляют задача, ключевые понятия и основные руководящие принципы Стандарта.

Задачей Стандарта, по замыслу авторов, является «поддержка усилий организаций по формированию системы менеджмента, которая эффективно способствует и поддерживает получение экономической отдачи посредством знаний»[3]. На наш взгляд, в приведенной формулировке не названы 1) лица, экономически заинтересованные в решении этой задачи – собственники и менеджеры организации (предприятия), «спрятанные» за словом «организация», хотя организация (*organization*) определена в Стандарте как «лицо или группа лиц, обладающая своими собственными функциями с обязанностями, полномочиями и взаимосвязями для достижения своих целей»; 2) лица, чьим трудом добываются и используются в процессе производства столь необходимые первой группе лиц для получения «экономической отдачи» знания, – работники. Отсутствие указания на реальных фигурантов скрывает подлинные отношения владельцев и менеджеров предприятия с наемными работниками по поводу использования знаний последних для извлечения прибыли первыми [8]. Так с самого начала затушевываются отношения односторонней эксплуатации, переносимые в гуманистическую экономику знаний через конкретную управленческую технологию Менеджмент знаний, внедряемую на предприятиях 4.0.

Ключевое понятие *знание* (*knowledge*) определено в документе следующим образом: «Принадлежащий человеку или организации актив, дающий возможность принимать эффективные решения и выполнять эффективные действия в соответствующих обстоятельствах». При этом, однако, не поясняется главный вопрос: каким образом (способом) принадлежащее человеку личное знание становится знанием организации. Из контекста документа можно понять, что способом отчуждения знаний работников в пользу собственников предприятия служит столь популярная сегодня технология управления – Менеджмент знаний – или ближе к тексту документа: «Менеджмент знаний является инструментом для реализации потенциальной ценности знаний». Здесь опять не указаны следующие принципиальные моменты: в чьих руках находится этот инструмент, в чьих экономических интересах он применяется на практике и чьи

[3] Здесь и далее представлен авторский перевод основных положений Стандарта.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

знания реализуются. Категория *знание организации (предприятия, фирмы)*, положенная в основу осуществляемой на практике концепции управления знаниями, искажает и в конечном счете замещает восприятие реальных отношений по поводу личностных знаний в сознании многих работников – отношений односторонней эксплуатации [8, с. 44]. Новая промышленная революция на предприятии – это кардинальное изменение не только в сфере производства и функционального менеджмента, но и экономических взаимоотношений. Если менеджмент и сотрудники компании ментально не готовы к принятию новых форм производства и управления, то внедрение технических новаций не принесет желаемой пользы и прибыли. Без равноправных отношений, вытекающих из понимания сущности феномена Индустрии 4.0, все элементы останутся разрозненными, не будут объединены в целостную антропосоциальную, технико-экономическую систему. Соответствующие изменения должны произойти и в управленческой деятельности.

Согласно Стандарту, *Управление знаниями / Менеджмент знаний (knowledge management, KM)* – «это дисциплина, уделяющая основное внимание тем способам, при помощи которых организации создают и используют знания». Но организации не создают знания, их создают работники организаций, иначе организации были бы признаны искусственным интеллектом. Системы искусственного интеллекта либо становятся помощниками высококвалифицированных специалистов, либо заменяют средне- и низкоквалифицированных специалистов, работающих с информацией [9, с. 68]. На предприятии 4.0 закрепляется цифровое неравенство, обусловленное прежней управленческой иерархией. Безусловно, применение цифровых технологий искусственного интеллекта экономически более выгодно для владельца предприятия, чем использование умственного труда работника, поскольку высокие затраты собственнику необходимо вложить только на первом этапе внедрения автоматизированной системы, затем, как показывает опыт компаний, размер текущего ИТ-бюджета сокращается. Одна из основных задач искусственного интеллекта, которая решается учеными для применения на практике бизнесом, – это создание, накопление и обобщение знаний в полностью автоматическом режиме. Еще Й. Шумпетер писал, что «капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс» [10, с. 187]. Современные реалии – интеллектуализация бизнеса, поддерживаемая управлением знаниями [11; 12], связанная с искусственным интеллектом. «Искусственный интеллект – программирование компьютеров на совершение действий, о которых, если бы они выполнялись человеком, сказали бы, что они требуют интеллекта» [13, с. 171].

Для менеджмента знаний внедрение искусственного интеллекта выступает качественной основой цифровизации. В цифровой экономике сбудется мечта любого собственника капитала: произойдет автоматизация производства и управления, будут внедрены безлюдные технологии и того и другого. Например, к 2025 г. ГМК «Норильский никель», применяющая технологии управления знаниями, рассчитывает ввести в эксплуатацию первый «безлюдный» автономный рудник (шахту)[4]. Данный пример особенно актуален в условиях современного экономического кризиса для Кузбасса, где Сибирская угольная энергетическая компания (СУЭК), имеющая собственный центр по управлению знаниями и развитию кадрового потенциала, внедряет проект «Умная шахта» [14, с. 30] и безлюдную выемку угля[5]. Разработка первых пилотных проектов – важный этап цифрового преобразования предприятия. Однако такие пилотные проекты компании обычно реализуют, если стоимость риска незначительна, поскольку главной движущей силой роботизации производства и управления сегодня являются интересы капитала – основного получателя выгоды от этого процесса [15, с. 46, 49].

Важно помнить о социальных последствиях внедрения искусственного интеллекта. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. указано, что решение сложной научно-технической проблемы создания «универсального (сильного) искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям» «может привести не только к позитивным изменениям в ключевых сферах жизнедеятельности, но и к негативным последствиям, вызванным социальными и технологическими изменениями, которые сопутствуют развитию технологий искусственного интеллекта»[6]. Расширение понятия интеллекта человека до понятия интеллекта социотехнической системы, а затем и понятия интеллигентности человека до понятия «интеллигентности системы» не сможет «смягчить отношения неравенства» [7, с. 39], наблюдаемые в экономических системах.

Грядущая большая, этически и экономически не осознанная до конца проблема заключается в возможности формирования неформализованных знаний с созданием и применением на предприятии 4.0 технологий искусственного

[4] «Скалистый глубокий» станет первым автономным рудником «Норникеля» // Норильский никель. 27.11.2019. Режим доступа: https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/skalistyy-glubokiy-stanet-pervym-avtonomnym-rudnikom-nornikelya/ (дата обращения: 20.03.2020).

[5] Введена в эксплуатацию лава, позволяющая осуществлять безлюдную выемку угля // СУЭК. 25.08.2015. Режим доступа: http://www.suek.ru/media/Melnichenko-in-media/vvedena-v-ekspluatatsiyu-lava-pozvolyayushchaya-osushchestvlyat-bezlyudnuyu-vyemku-uglya/ (дата обращения: 20.03.2020).

[6] О развитии искусственного интеллекта в РФ (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 20.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

интеллекта. Непредсказуемым в полной мере результатом внедрения искусственного интеллекта в будущем может быть распространение умных роботов с заложенной в них разработчиками по требованию заказчиков способностью к самосовершенствованию, взаимодействию между собой и с людьми. Неизбежные риски и угрозы, возникающие в процессе реализации технологии искусственного интеллекта, связаны в управлении знаниями с неограниченной возможностью в личных коммерческих интересах собственника предприятия манипулировать и управлять с помощью менеджеров работником, обладающим профессиональными прикладными знаниями.

Нельзя исключать и опасность того, что искусственный интеллект, выполняя функцию умного помощника, лишит человека потребности в развитии когнитивных способностей для интеллектуальной деятельности и творческой активности. Поэтому технологии искусственного интеллекта в управлении знаниями следует оценивать не только по положительным экономическим результатам внедрения автоматизированной системы управления знаниями на предприятии, но и с учетом потерь в сфере антропосоциального развития.

Сформулированный в Стандарте первый принцип управления знаниями – Природа знаний – абсолютно верно гласит: «Знание нематериально и сложно; оно создается людьми». Это прямо противоречит приведенному выше определению менеджмента знаний, в котором указано, что знания создают организации. Очевидно, это написано, чтобы смягчить восприятие полной антропоморфизации фирмы (предприятия), не допустимой в экономике, основанной на знаниях человека.

Использует эти знания не организация, а ее собственник, прежде всего, для извлечения прибыли, или словами Стандарта действует принцип Ценность и экономическая отдача: «Ценность знаний определяется их воздействием на цели, видение, задачи, политики, процессы и показатели организации». Цели частной организации – это цели ее собственника. Именно для него знания сотрудников (наемных работников) являются ключевым источником экономической отдачи при достижении коммерческих целей.

Следующий принцип по Стандарту – Фокус: «Менеджмент знаний служит целям, стратегиям и потребностям организации». Отсутствует «небольшое» уточнение, что потребности организации – это потребности собственника материального и / или финансового капитала.

Далее по Стандарту – Общее понимание: «Люди создают свои индивидуальные знания посредством самостоятельного осознания получаемой ими исходной информации. Для формирования общего понимания менеджмент знаний должен предусматривать взаимодействие между людьми, используя для этого, где уместно, контент, процессы и технологии». Очевидно, большое место здесь занимают коммуникационные технологии, которым отведен соответствующий пункт документа. В нем справедливо указано, что «результативный обмен информацией подразумевает конструктивный диалог, как в устной, так и в иной форме», – диалог людей, а не автоматов и / или роботов, пусть даже самых умных.

Особое значение для нашего анализа имеет вопрос: создает ли возможности для профессионального и карьерного роста сотрудников организации расширенный доступ к знаниям (посредством обучения, практики и обмена), как декларируется в Стандарте? Там же утверждается, что «Менеджмент знаний представляет собой всесторонний подход к совершенствованию обучения и повышению эффективности посредством оптимизации использования знаний, с целью получения организацией отдачи». Что же получает при этом сотрудник – не показано. Заметим, что целями корпоративного обучения с помощью ИТ-технологий не являются всестороннее развитие личности работника, включая креативность и умение нестандартно смотреть на поставленные задачи, а тем более ставить их самому; обучение эмоциональному интеллекту, востребованному в организации совместной работы людей. А ведь для ориентации в цифровом мире человеку требуется критическое мышление, которое позволяет отсекать ложную информацию от информации истинной. Это означает, что современному человеку в равной степени нужны технические и гуманитарные знания и навыки [16], которые ему могут дать университетские преподаватели только в непосредственном общении лицом к лицу.

Показательны для нашего анализа и опасения собственников компаний по поводу знаний сотрудников, отраженные в Стандарте так:

1. В современных турбулентных условиях «организации более не могут полагаться на спонтанное распространение знаний. Вместо этого знания должны целенаправленно создаваться, объединяться, применяться и повторно использоваться – быстрее, чем происходят изменения».

2. «Потеря и текучесть кадров в современном обществе имеет свои последствия для менеджмента знаний. Во многих организациях критически важные знания часто сконцентрированы в отдельных подразделениях и / или сохраняются отдельными экспертами, и существует риск их утраты в случае структурных изменений в организации или ухода этих экспертов». «Спонтанное распространение знаний», по-видимому, должно быть упорядочено менеджерами по управлению знаниями в интересах собственника предприятия с помощью определенных технологий.

Очевидно, что под структурными подразделениями в данном случае понимаются профессиональные сообщества людей, работающих в этих подразделениях. При этом собственников и менеджеров предприятия не смущает тот факт, что формализация знаний как способ их отчуждения от работника приводит к частичной

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

потере знаний. По понятным причинам вполне устраивает их и то, что непосредственное общение людей в профессиональном сообществе заменяется на удаленное общение посредством интернет-технологий. Такое «никовое» (англ. *nickname* – кличка, прозвище, другое имя) общение приводит к потере непосредственно живого контакта между людьми, умения договариваться, столь важного для эффективного обмена профессиональными знаниями. А тут уже недалеко и до замены живого человека искусственным интеллектом – роботом, запрограммированным по требованиям собственника. Можно ли в этом случае говорить о социализации знаний, а с ней и о социализации экономики знаний – вопрос риторический. Ведь социализация знаний предполагает их представление «в свободном доступе заинтересованным лицам с последующим обсуждением, осознанием и нахождением областей практического применения» [9, с. 69]. А поле менеджмента знаний в его нынешнем виде – место неравноправных экономических отношений, характеризующееся неэквивалентным обменом знаний между работниками и собственниками предприятий.

Среди нерешенных в менеджменте знаний остаются и вопросы мотивации передачи практических знаний от опытных, профессионально зрелых работников молодым специалистам и мотивации «старых» специалистов осваивать новые цифровые технологии, даже не поднимаемые в Стандарте. Для решения этих и рассмотренных выше проблемных вопросов, отражаемых в Стандарте, мы предлагаем использовать разрабатываемый нами системный и целостный антропосоциальный подход к экономике знаний. Применительно к менеджменту знаний в фирме (на предприятии) он может быть реализован в виде выдвижения на первое место антропосоциальности как нового измерения управления знаниями [17]. Антропосоциальность, включая антропное начало (человека) в качестве конечной цели деятельности предприятия и социальный порядок – средство обеспечения достижения названной цели, может стать методологическим ориентиром для разработки рекомендаций по внесению изменений в кадровую и социальную политику на предприятии 4.0 при внедрении Стандарта.

При внедрении Стандарта осуществляется выбор между интересами различных сторон процесса управления знаниями. Поэтому уклон в чью-либо сторону практически неизбежен. Такой выбор собственник предприятия вряд ли доверит роботу, пусть даже «этическому роботу» – роботу со встроенными этическими нормами [18; 19], поскольку автоматичность в достижении сбалансированности личных интересов отсутствует. Задача на сегодняшний день состоит в том, чтобы уменьшить дисбаланс интересов средствами гуманистического управления. Для решения этой задачи люди, ответственные за выбор, должны, по меньшей мере, соблюдать справедливость, никоим образом не ущемляя прав и достоинств других людей, составляющих большинство участников процесса управления знаниями. Ориентиром здесь может быть соблюдение гуманистических моральных принципов, следование истинным моральным ценностям.

Заключение

Из проведенного анализа видно, что использованные в качестве базовых в международном стандарте ISO 30401:2018 «Системы менеджмента знаний – Требования» (*Knowledge management systems – Requirements*) термины и категории, а также сформулированные там руководящие принципы не учитывают интересы творца и носителя знания – самого человека труда, создающего ценность (стоимость) на предприятии 4.0. В случае перехода российских предприятий на этот Стандарт могут возникнуть определенные антропосоциальные (ментальные, социальные) препятствия к становлению в стране экономики знаний с Индустрией 4.0, ориентированной на человека.

Таким образом, единственным создателем, распространителем и пользователем прикладного профессионального знания – источника ценности (стоимости) на предприятии 4.0, а также автоматизированных систем производства и управления является человек труда. В стандарте, регламентирующем создание и внедрение системы менеджмента знаний на предприятии 4.0, следует учесть не только экономические интересы человека-работника, но и его интересы как целостно развивающейся личности. Информационно-технический компонент системы управления знаниями должен быть дружественным человеку-работнику предприятия Индустрии 4.0, сберегая, а не «выжимая» его мыслительные и в целом жизненные силы.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
2. Мирошников В. В., Барабанова И. А., Школина Т. В. Стандартизация процессов управления знаниями в системе качества организации // Вестник Брянского государственного технического университета. 2019. № 1. С. 52–59. DOI: 10.30987/article_5c4ed021938851.53086358
3. Moreira F., Ferreira M. J., Seruca I. Enterprise 4.0 – the emerging digital transformed enterprise? // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 138. P. 525–532.
4. Kudryavtsev D., Sadykova D. Towards architecting a knowledge management system: requirements for an ISO compliant framework // The Practice of Enterprise Modeling. PoEM 2019. Lecture Notes in Business Information Processing / eds. J. Gordijn, W. Guedria, H. Proper. 2019. Vol. 369. P. 36–50. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-35151-9_3

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

5. Corney P. J. As KM evolves, so will the ISO standard // Business Information Review. 2018. Vol. 35. Iss. 4. P. 165–167. DOI: https://doi.org/10.1177/0266382118810825
6. Wilson J. P., Campbell L. Developing a knowledge management policy for ISO 9001: 2015 // Journal of Knowledge Management. 2016. Vol. 20. Iss. 4. P. 829–844. DOI: https://doi.org/10.1108/JKM-11-2015-0472
7. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. № 1. С. 35–42.
8. Жернов Е. Е. Антропоморфизм фирмы: за и против // Экономист. 2016. № 11. С. 36–46.
9. Дресвянников В. А., Бунимович И. Д. Использование облачных технологий при управлении знаниями организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 67–72. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-67-72
10. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. и отв. ред. В. С. Автономов. М.: Экономика, 1995. 539 с.
11. Wu I.-L., Chen J.-L. Knowledge management driven firm performance: the roles of business process capabilities and organizational learning // Journal of Knowledge Management. 2014. Vol. 18. Iss. 6. P. 1141–1164. DOI: https://doi.org/10.1108/JKM-05-2014-0192
12. Yu W.-D., Lin T.-C., Liu S.-J., Chang P.-L. Is the knowledge management system truly cost effective? Case study of KM-enabled engineering problem solving // Journal of Construction Engineering and Management. 2013. Vol. 139. Iss. 2. P. 216–224. DOI: 10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0000604
13. Алпайдин Э. Машинное обучение: новый искусственный интеллект. М.: Издательская группа «Точка»; Альпина Паблишер, 2017. 208 с.
14. Плакиткина Л. С. Перспективы развития Кузнецкого угольного бассейна на период до 2035 г. // Горный журнал. 2015. № 12. С. 28–33. DOI: 10.17580/gzh.2015.12.06.
15. Рязанов В. Т. Новая технологическая революция: ожидание и варианты будущей модели экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 43–51.
16. Морозова Е. А., Кузнецова Т. А. Потребности старшеклассников в профессиональном образовании // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей: сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.) / под ред. Е. Е. Жернова. Кемерово, 2017. Ч. 1. С. 295–299.
17. Жернов Е. Е. Концепция управления знаниями в фирме: антропосоциальность как приоритетное измерение // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 4. С. 73–79. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-73-79
18. Winfield A. F. T., Blum C., Liu W. Towards an ethical robot: internal models, consequences and ethical action selection // Advances in Autonomous Robotics Systems. TAROS 2014. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Vol. 8717. P. 85–96. DOI: 10.1007/978-3-319-10401-0_8
19. Winfield A. F., Michael K., Pitt J., Evers V. Machine ethics: the design and governance of ethical AI and autonomous systems // Proceedings of the IEEE. 2019. Vol. 107. Iss. 3. P. 509–517. DOI: 10.1109/JPROC.2019.2900622

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

original article

Enterprise 4.0 Knowledge Management: Standard and Man*

Evgeny E. Zhernov [a, @, ID]
[a] T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo
[@] zhee.eti@kuzstu.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3558-0802

Received 23.03.2020. Accepted 13.04.2020.

Abstract: The relevance of the research issue is associated with the need for industrial enterprises to transit to the concept of Industry 4.0, which implies the digitalization of the entire array of knowledge of enterprise employees and the conscious management of this array by managers. The present research features the observance of the interests of the human worker when implementing the enterprise 4.0 knowledge management system according to the requirements of the standard. The purpose of the study is to analyze the international standard ISO 30401:2018 "Knowledge management systems – Requirements" (hereinafter – the Standard) through the prism of the interests of the man of labor. The research methodology is based on the systematic and holistic anthroposocial approach. The novelty lies in the application of the anthroposocial approach to the knowledge economy developed by the author to the formulation of critical comments on the Standard. In terms of knowledge management, the author proposes anthroposociality as a new dimension and a priority of the new economy. Research results: the Standard with its basic terms, categories, and guidelines does not take into account the interests of the creator and holder of knowledge, i.e. the man of labor. In the case of the transition of Russian enterprises to the Standard, there may be obstacles to the formation of the human-oriented knowledge economy with Industry 4.0 in the country. The scope of the results is the development of personnel and social policies at the enterprise 4.0, taking into account critical comments on the Standard. Conclusions: the man of labor is the only creator, distributor, and user of automated production and control systems, as well as applied professional knowledge, which is the source of value at the enterprise 4.0. The standard that regulates the development and implementation of the knowledge management system at the enterprise 4.0 should take into account the interests of an employee as a holistically developing person. The information and technical component of the knowledge management system should be friendly to the human worker of the Industry 4.0 enterprise, saving, and not draining them of their cognitive skills and vitality.

Keywords: digitalization, ISO standard, applied knowledge, value, anthroposocial approach, anthroposociality, man of labor

For citation: Zhernov E. E. Enterprise 4.0 Knowledge Management: Standard and Man. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 214–221. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

References

1. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2016, 208. (In Russ.)
2. Miroshnikov V. V., Barabanova I. A., Shkolina T. V. Standardization of knowledge control processes in system of organization quality. *Bulletin of Bryansk State Technical Universita*, 2019, (1): 52–59. (In Russ.) DOI: 10.30987/article_5c4ed021938851.53086358
3. Moreira F., Ferreira M. J., Seruca I. Enterprise 4.0 – the emerging digital transformed enterprise? *Procedia Computer Science*, 2018, 138: 525–532.
4. Kudryavtsev D., Sadykova D. Towards architecting a knowledge management system: requirements for an ISO compliant framework. The Practice of Enterprise Modeling. PoEM 2019. *Lecture Notes in Business Information Processing*, eds. Gordijn J., Guedria W., Proper H. 2019, vol. 369, 36–50. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-35151-9_3
5. Corney P. J. As KM evolves, so will the ISO standard. *Business Information Review*, 2018, 35(4): 165–167. DOI: https://doi.org/10.1177/0266382118810825
6. Wilson J. P., Campbell L. Developing a knowledge management policy for ISO 9001: 2015. *Journal of Knowledge Management*, 2016, 20(4): 829–844. DOI: https://doi.org/10.1108/JKM-11-2015-0472
7. Kleiner G. B. Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2020, (1): 35–42. (In Russ.)
8. Zhernov E. E. Firm anthropomorphism: pro et contra. *Economist*, 2016, (11): 36–46. (In Russ.)

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-214-221

9. Dresvyannikov V. A., Bunimovich I. D. Cloud technologies in knowledge management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2018, (4): 67–72. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-67-72
10. Schumpeter J. A. *Capitalism, socialism and democracy,* tr. and ed. Avtonomov V. S. Moscow: Ekonomika, 1995, 539. (In Russ.)
11. Wu I.-L., Chen J.-L. Knowledge management driven firm performance: the roles of business process capabilities and organizational learning. *Journal of Knowledge Management*, 2014, 18(6): 1141–1164. DOI: https://doi.org/10.1108/JKM-05-2014-0192
12. Yu W.-D., Lin T.-C., Liu S.-J., Chang P.-L. Is the knowledge management system truly cost effective? Case study of KM-enabled engineering problem solving. *Journal of Construction Engineering and Management*, 2013, 139(2): 216–224. DOI: 10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0000604
13. Alpaydin E. *Machine learning: the new AI.* Moscow: Izdatelskaia gruppa "Tochka"; Alpina Pablisher, 2017, 208. (In Russ.)
14. Plakitkina L. S. Prospect of development in the Kuznetsk Coal Basin over the period up to 2035. *Gornyi zhurnal*, 2015, (12): 28–33. (In Russ.) DOI: 10.17580/gzh.2015.12.06
15. Ryazanov V. T. New technological revolution: expectations and variations of the future economic model. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii,* 2019, (4): 43–51. (In Russ.)
16. Morozova E. A., Kuznecova T. A. The needs of high school student in vocational education. *Russian knowledge economy: the contribution of regional researchers*: Proc. All-Russian Sci. Conf. from Intern. participation, Kemerovo, October 5–6, 2017, ed. Zhernov E. E. Kemerovo, 2017, 295–299. (In Russ.)
17. Zhernov E. E. Conception of knowledge management in the firm: anthroposociality as the priority dimension. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (4): 73–79. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-73-79
18. Winfield A. F. T., Blum C., Liu W. Towards an ethical robot: internal models, consequences and ethical action selection. Advances in Autonomous Robotics Systems. TAROS 2014. *Lecture Notes in Computer Science,* 2014, 8717: 85–96. DOI: 10.1007/978-3-319-10401-0_8
19. Winfield A. F., Michael K., Pitt J., Evers V. Machine ethics: the design and governance of ethical AI and autonomous systems. *Proceedings of the IEEE*, 2019, 107(3): 509–517. DOI: 10.1109/JPROC.2019.2900622

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

оригинальная статья
УДК 338.2:331.108

К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации*

Юлия О. Климова [a, @, ID1]; Владимир С. Усков [a, ID2]
[a] Вологодский научный центр РАН, Россия, г. Вологда
[@] j.uschakowa2017@yandex.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6057-9523
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-5158-8551

Поступила в редакцию 13.02.2020. Принята к печати 01.04.2020.

Аннотация: Глобальной тенденцией мирового развития цифровой экономики является широкое применение информационных технологий, внедрение которых обуславливает значительные изменения потребностей в персонале и требований к специалистам. Одним из основных инструментов подготовки кадров выступает система образования, а именно федеральные государственные образовательные стандарты, в которых обозначены основные требования к будущим специалистам. На сегодняшний день федеральные государственные образовательные стандарты не соответствуют вызовам и тенденциям цифровой экономики. В связи с этим целью исследования является изучение вопроса подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике. На основе анализа имеющейся научной литературы в статье рассмотрены теоретические аспекты сущности цифровой экономики, а также отрасли информационных технологий. В соответствии с ее спецификой выделен ряд категорий специалистов, необходимых для формирования и развития цифровой экономики. На основе статистических данных проанализированы мировые тенденции информатизации и обеспеченности российской и мировой экономики ИТ-специалистами. В выводах обозначены основные направления дальнейшего исследования. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами развития цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, ИТ-специалисты, ФГОС, четвертая промышленная революция, система образования

Для цитирования: Климова Ю. О., Усков В. С. К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 222–231. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

Введение

В настоящее время переход к цифровой экономике стал основной тенденцией в мировом экономическом развитии, базирующимся на интеллектуализации всех видов деятельности и информатизации технологических процессов. Наряду со многими зарубежными странами Россия взяла курс на цифровизацию. Одним из показателей, который свидетельствует о степени развития цифровой экономики, является ее доля в ВВП. Согласно данным Бостонской консалтинговой группы (BCG), представленным за 2010 г. и 2016 г., в России наблюдается рост доли цифровой экономики в ВВП, однако при этом по рассматриваемому показателю страна отстает от лидеров цифровизации в 3–4 раза. Для сравнения: в Великобритании доля цифровой экономики в ВВП в 2010 г. составила 8,3 %, а в 2016 – 12,4 %. В России этот показатель равняется 1,9 % и 2,8 % соответственно (табл. 1). По данным исследования, проведенного BCG, Россия входит в четвертую группу цифровых экономик мира из пяти по относительному уровню развития цифровых операций и ВВП на душу населения и является «начинающим лидером» [1; 2].

Главным вектором развития цифровой экономики выступает национальный проект «Цифровая экономика», одной из приоритетных задач которого является развитие информационных технологий (ИТ). Необходимость развития ИТ-отрасли как одного из инструментов, способствующего переходу к цифровой экономике, подчеркивается также в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг.[1] Современное развитие мировой и российской экономики неразрывно связано с возрастающей ролью ИТ, развитие которых является одной из приоритетных задач, стоящих перед государством, в условиях перехода к цифровой экономике.

С нашей точки зрения, важным ресурсом динамично развивающейся цифровой экономики являются знания, в связи с чем актуализируется вопрос о необходимости процесса непрерывного развития кадрового потенциала и повышения квалификации. Переход к цифровой

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-3098.2019.6.

[1] О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

экономике предъявляет больше требований к квалификации специалистов. Именно кадровый потенциал в сфере ИТ в условиях постоянно растущей цифровизации может стать главным источником роста национальной экономики в целом. О необходимости кадровой обеспеченности сообщил В. В. Путин на международном конгрессе по кибербезопасности, где отметил, что подготовка профессиональных кадров в области цифровой экономики должна стать приоритетной задачей[2]. Необходимость в квалифицированных специалистах в области ИТ отмечена и в национальном проекте «Цифровая экономика»[3].

Табл. 1. Доля цифровой экономики в ВВП в странах G20 [1]

Tab. 1. Share of the digital economy in the GDPs of G20 countries [1]

Страна	2010	2016
Великобритания	8,3	12,4
Южная Корея	7,3	8,0
Китай	5,5	6,9
Евросоюз	3,8	5,7
Индия	4,1	5,6
Япония	4,7	5,6
США	4,7	5,4
Мексика	2,5	4,2
Германия	3,0	4,0
Саудовская Аравия	2,2	3,8
Австралия	3,3	3,7
Канада	3,0	3,6
Италия	2,1	3,5
Франция	2,9	3,4
Аргентина	2,0	3,3
Россия	1,9	2,8
ЮАР	1,9	2,5
Бразилия	2,2	2,4
Турция	1,7	2,3
Индонезия	1,3	1,5

Таким образом, тенденция перехода к цифровой экономике зависит от уровня развития ИТ. Данная тенденция оказывает влияние на изменение квалификационных требований к специалистам, работающим в ИТ-отрасли. Изменение информационной инфраструктуры современных российских предприятий определяет необходимость подготовки кадров, компетентных в профессиональной сфере и области ИТ, владеющих как фундаментальными знаниями, так и современными, передовыми методами проектирования и использования информационных систем. По этой причине проблема подготовки ИТ-специалистов в условиях перехода к цифровой экономике является актуальной.

Цель – изучить вопрос подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике. Цель определяет решение следующих задач: 1) изучить теоретические аспекты сущности цифровой экономики; 2) рассмотреть категории специалистов, соответствующих трендам цифровой экономики; 3) проанализировать мировые тенденции информатизации; 4) проанализировать тенденции обеспеченности российской и мировой экономики специалистами ИТ-отрасли; 5) рассмотреть проблемы федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) как основного документа, регламентирующего процесс подготовки специалиста.

Методы и материалы. При проведении исследования использовалась совокупность методических подходов, которые позволили оценить проблемы подготовки ИТ-кадров в России в условиях перехода к цифровой экономике. Изучение теоретических аспектов сущности цифровой экономики базировалось на различной научной литературе. Анализ развития цифровой экономики и кадровой обеспеченности российской ИТ-отрасли осуществлялся на основе массива статистической информации. Методами анализа являются сравнительный анализ, методы познания, контент-анализ, методы диалектической логики, метод синтеза и основ теории.

Теоретические аспекты сущности цифровой экономики

Мировые тенденции формирования и развития цифровой экономики определили появление научного интереса к теоретическим аспектам ее сущности. Актуальность данной темы является одной из главных причин появления большого многообразия подходов к определению цифровой экономики, что затрудняет ее понимание. На ранних этапах исследования был проведен их анализ, который показал, что в научной литературе не сложилось единого определения. Ряд авторов отождествляют цифровую экономику с информационной [3; 4], сетевой [5; 6], электронной [7] или интернет-экономикой [8]. Однако анализ данных подходов позволил сделать вывод о том, что ни один из них в полной степени не отражает сущность рассматриваемого явления. Информационная и сетевая экономики представляют собой отдельные процессы, являющиеся одной из составляющих цифровой экономики, которая содержит признаки вышеуказанных экономик. Отождествление цифровой экономики с электронной и интернет-экономикой также недостаточно полно раскрывает ее сущность, т. к. электронные и интернет-технологии представляют собой лишь устройства, посредством которых передается информация.

[2] Назарова А. Путин назвал подготовку кадров в области цифровой экономики приоритетом // Взгляд. 06.07.2018. Режим доступа: https://vz.ru/news/2018/7/6/931282.html (дата обращения: 01.02.2020).

[3] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 № 16.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

В большинстве зарубежных источников[4] при попытке определить сущность цифровой экономики акцент делается на технологиях, лежащих в основе цифровой экономики [9]. Однако в данном подходе не отражено влияние этих технологий на трансформацию экономики и общества.

Анализ работ исследователей позволил сформулировать авторскую трактовку сущности цифровой экономики в узком и широком смыслах. В узком смысле под цифровой экономикой следует понимать качественно новый этап развития экономики, основанный на использовании цифровых технологий, инфраструктуры в хозяйственной деятельности домохозяйств, фирм и государства, которые позволяют посредством сети Интернет обмениваться информацией. В широком смысле цифровая экономика – текущий тренд развития, новый уровень организации не только экономики и экономических отношений, но и общественной жизни, производства и т. д., который становится неотъемлемой частью всех стран. Тенденция развития цифровой экономики сопровождается обменом и изменением информации, информационно-коммуникационных средств в реальном времени, характеризуется преодолением географических барьеров [2].

Отличительной особенностью цифровой экономики выступает использование цифровых и компьютерных технологий в деятельности домохозяйств, компаний и государства, осуществление которой невозможно без глобальной коммуникационной сети и компьютерной техники. Важным элементом обмена между хозяйствующими субъектами выступает информация. Использование цифровых технологий в процессе коммуникации и других видов взаимодействия позволяет преодолевать географические барьеры. В производстве внедрение цифровых технологий оказывает влияние на сокращение производственного цикла и ведет к автоматизации производственных процессов и т. д. [10]. Происходит организационно-технологическая трансформация экономики в условиях цифровизации, связанная с внедрением новых технологий в различные сферы экономики и общества.

Согласно национальному проекту «Цифровая экономика» к сквозным цифровым технологиям относятся большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи и технологии виртуальной и дополненной реальностей[5]. Все вышеуказанные сквозные цифровые технологии так или иначе связаны со сбором, обработкой, передачей и использованием информации и данных на основе применения микроэлектроники, коммуникационных сетей, а значит являются разновидностью ИТ[6] [11].

Категории специалистов, соответствующих трендам цифровой экономики

Особенности цифровой экономики и развитие перспективных технологий определили необходимость в появлении новых профессий и специальностей, соответствующих основным трендам цифровой экономики. Так, согласно разработанному специалистами Агентства стратегических инициатив (АСИ) Атласу новых профессий, к 2030 г. появится более 186 новых профессий: системный биотехнолог, ИТ-медик, клинический биоинформатик, разработчик систем микрогенерации, строитель «умных» дорог, проектировщик интерфейсов беспилотной авиации, архитектор информационных систем, ИТ-проповедник, разработчик моделей *BigData*, проектировщик промышленной робототехники и мн. др.[7]

С нашей точки зрения, такая тенденция появления широкого перечня новых профессий, составленного специалистами АСИ, должна предъявлять требования к образовательным учреждениям, ведущим подготовку будущих ИТ-специалистов. В связи с таким многообразием новых специальностей требуется включение в образовательные программы новых направлений подготовки ИТ-кадров.

Необходимость цифровой экономики в ИТ-специалистах подтверждается статистикой. В статистическом сборнике НИУ ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики» основным показателем, характеризующим кадровую составляющую, выступает численность персонала в отрасли ИТ.

Таким образом, в настоящее время одним из доминирующих условий развития цифровой экономики в стране и мире является развитие отрасли ИТ. Понятие ИТ-отрасли было утверждено Правительством в рамках Стратегии развития отрасли ИТ в РФ на 2014–2020 г. и на перспективу до 2025 г., согласно которой ИТ-отрасль представляет собой производство предприятиями (организациями) продуктов в области ИТ, таких как разработка программного обеспечения (ПО) и аппаратно-программных комплексов, предоставление ИТ-услуг[8]. В нашем исследовании мы будем придерживаться данного определения ИТ-отрасли.

По нашему мнению, развитие ИТ-отрасли позволит активизировать и эффективно использовать ресурсы не только предприятий, но и общества. Внедрение

[4] Advancing Australia as a digital economy: an update to the national digital economy strategy // Analysis and policy observatory. 12.06.2013. Режим доступа: http://apo.org.au/node/34523 (дата обращения: 01.02.2020); Deloitte. Режим доступа: https://www2.deloitte.com/ru/ru.html (дата обращения: 01.02.2020); Развитие цифровой экономики в Россиии// Всемирный банк. 20.12.2016. Режим доступа: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1 (дата обращения: 01.02.2020).

[5] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» ...

[6] Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31. Ч. I. Ст. 3448.

[7] Атлас новых профессий. Режим доступа: http://atlas100.ru/ (дата обращения: 01.02.2020).

[8] Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р. Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/documents/4084/ (дата обращения: 01.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

современных достижений в области компьютерной техники, ПО и т. д. окажет существенное влияние на экономию материальных ресурсов, сырья, на снижение затрат времени, труда, энергии и др. во всех сферах экономики и общества. Кроме этого, использование ИТ способствует оптимизации и автоматизации деятельности сотрудников организаций и общества в целом, где результатами труда большинства занятого населения становятся уже не материальные ценности, а информация и научные знания.

Мировые тенденции информатизации и обеспеченности российской и мировой экономики специалистами ИТ-отрасли

Мировые тенденции информатизации затронули развитие социально-экономических процессов всех стран, в том числе и Россию. Возникает необходимость оценки существующего положения РФ в развитии ИТ. На сегодняшний день составляются многочисленные рейтинги развития ИТ. Несмотря на то, что их данные несколько разнятся, можно отметить, что лидерами на пути продвижения к информационному обществу являются Швеция, Швейцария, Нидерланды, Сингапур (табл. 2). Согласно данным рейтинговых агентств, Россия в 1,5–2 раза отстает от стран-лидеров. К тому же анализ международных рейтингов, за исключением *World Digital Competitiveness Ranking*, по сравнению с 2018 г., показал, что Россия ухудшила свои позиции.

Как было отмечено выше, одним из факторов, который должен способствовать развитию ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике, является наличие квалифицированных ИТ-специалистов, поскольку именно они способны создавать программные продукты, которые впоследствии станут базой для разработки сквозных технологий цифровой экономики. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать численность ИТ-специалистов с целью выявления проблем кадровой обеспеченности ИТ-отрасли.

В целом среднесписочная численность работников организаций ИТ-отрасли в России за период с 2010 г. по 2017 г. не изменилась (табл. 3[9]). В 2017 г. в ИТ-отрасли РФ работали 1029 тыс. человек. Тем не менее, рассматривая показатель в разрезе экономической деятельности, можно отметить, что с 2010 г. по 2017 г. наибольший рост численности работников организаций ИТ-отрасли РФ наблюдался по видам деятельности, связанным с разработкой компьютерного программного обеспечения (рост в 2,9 раза) и с деятельностью в области ИТ (135 %).

Однако, по данным Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКИТ), общая численность специалистов ИКТ на 2019 г. составила 1,8 млн человек, из которых 950 тыс. заняты в ИТ-сфере в организациях различных отраслей экономики и государственных учреждениях, 500 тыс. заняты в ИТ-отрасли, 350 тыс. – в сфере телекоммуникаций. Доля ИТ-специалистов среди экономически активного населения РФ составляет 2,4 %. Для сравнения: аналогичный показатель в среднем по Европе составляет 3,9 %, в Финляндии – 7 %, Великобритании – 5 %, Норвегии – 4,5 %, Чехии, Франции, Германии – 4 %, Польше – 3 %[10]. По данному показателю Россия отстает в 1,5–3 раза от развитых стран.

Табл. 2. Место РФ в международных рейтингах развития ИТ в 2019 г.
Tab. 2. Russia in international IT development rankings in 2019

Показатель	Страны (место в рейтинге)
Индекс развитости информационно-коммуникационных технологий (*Networked Readiness Index*[11])	Швеция – 1, Сингапур – 2, Нидерланды – 3, Норвегия – 4, Швейцария – 5, Россия – 48 (из 121 страны)
Международный рейтинг конкурентоспособности в цифровой среде (*World Digital Competitiveness Ranking*[12])	США – 1, Сингапур – 2, Швеция – 3, Дания – 4, Швейцария – 5, Россия – 38 (из 63 стран)
Индекс цифровизации бизнеса[13]	Финляндия – 1, Бельгия – 2, Дания – 3, Республика Корея – 4, Нидерланды – 5, Россия – 31 (из 33 стран)
Рейтинг глобальной конкурентоспособности (*The Global Competitiveness Report*[14])	Сингапур – 1, США – 2, Гонконг – 3, Нидерланды – 4, Швейцария – 5, Россия – 43 (из 141 страны)

[9] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 01.02.2020).

[10] Катастрофический дефицит. Цифровому прорыву предрекли острую нехватку IT-специалистов. 27.01.2020. Режим доступа: https://zsrf.ru/directway/2020/01/27/trebujutsja-itshniki-mnogo (дата обращения: 01.02.2020).

[11] Networked Readiness Index. Режим доступа: https://networkreadinessindex.org/#reports (дата обращения: 01.02.2020).

[12] World Digital Competitiveness Ranking. Режим доступа: https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/ (дата обращения: 01.02.2020).

[13] Индекс цифровизации бизнеса. Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2019/02/27/1193920132/NTI_N_121_27022019.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

[14] The Global Competitiveness Report. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

Табл. 3. Среднесписочная численность работников организаций ИТ-отрасли по видам экономической деятельности, тыс. человек
Tab. 3. Average number of employees of IT industry organizations by type of economic activity, thousand people

Вид экономической деятельности (ОКВЭД 2)	Код по ОКВЭД 2	2010	2012	2014	2017	2017 к 2010, %
Деятельность в области информации и связи	J	1027,7	981,1	1008,0	1028,6	100,1
Деятельность в сфере телекоммуникаций	61	473,8	453,2	430,0	383,8	81,0
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	62	107,0	191,1	242,6	311,9	291,4
Разработка компьютерного программного обеспечения	62.01	–	–	–	61,8	–
Деятельность консультативная и работы в области компьютерных технологий	62.02	–	–	–	35,6	–
Деятельность по управлению компьютерным оборудованием	62.03	–	–	–	0,5	–
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и ИТ	63	117,7	123,5	137,5	159,4	135,4
Деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, деятельность порталов в информационно-коммуникационной сети Интернет	63.11	–	–	–	1,8	–

Как отмечают специалисты АПКИТ, в Москве сосредоточено 20 % специалистов ИТ-отрасли, что приводит к высокой концентрации данных кадров в столице. Без ее учета положение страны аналогично ситуации 10-летней давности: только 1,5 % ИТ-специалистов среди трудоспособного населения[15].

По показателю обеспеченности ИТ-специалистами Россия значительно отстает от стран-лидеров. Кроме этого, отмечается, что в РФ общая годовая потребность цифровой экономики в ИТ-кадрах к 2024 г., по прогнозу аналитиков, увеличится на четверть и достигнет значения 290–300 тыс. человек в год[16]. О дефиците ИТ-специалистов в России свидетельствует hh.Индекс, который показывает, что на одну вакансию в области ИТ претендует 2,9 человека (по данным на 2019 г.)[17]. Однако оптимальной считается ситуация, когда на одну вакансию имеется 4–5 резюме, что позволит предотвратить появление безработицы и предоставит возможность работодателям отобрать лучшую кандидатуру.

Сложившаяся в стране тенденция свидетельствует о нехватке высококвалифицированных специалистов в ИТ-отрасли. Важное место в кадровом обеспечении данной отрасли в условиях перехода к цифровой экономике занимает система образования, направленная на подготовку специалистов. Проблемы подготовки кадров в условиях глобальной информатизации поднимаются во многих работах, например, таких авторов: В. П. Беспалько [12], В. М. Монахов [13], И. Агапов [14], Н. Л. Слугина, В. М. Гриняк [15], Т. В. Лунева, А. А. Климова [16], Д. О. Машкин [17] и др., что свидетельствует об актуальности данного вопроса.

Важным критерием перехода к цифровой экономике является не просто наличие специалистов ИТ-отрасли, а их подготовка. В работе [15] отмечено, что ключевым фактором воспроизводства ИТ-кадров является их подготовка в образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

Кадры для цифровой экономики выделены в одно из направлений Национального проекта «Цифровая экономика». Согласно поставленным в нем задачам, к 2024 г. вузы должны ежегодно выпускать 120 тыс. специалистов по направлениям, которые связаны с ИТ. Количество выпускников организаций высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области ИТ на среднемировом уровне, должно составлять 800 тыс. в год[18].

Основатель ИТ-сервиса *Superjob* А. Захаров подчеркивает, что никакие выпускники вузов или «самоучки», а тем более мизерное количество специалистов (относительно потребности), которое удается подготовить

[15] Исследование «ИТ-кадры для цифровой экономики в России» // АПКИТ. 15.01.2020. Режим доступа: https://apkit.ru/news/it-kadry-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii/ (дата обращения: 01.02.2020).

[16] Там же.

[17] hh.Индекс. Режим доступа: https://vologda.hh.ru/article/index (дата обращения: 01.02.2020).

[18] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» ...

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

в компаниях, ситуацию не исправят. Начинать подготовку необходимо с начальных классов средней школы[19].

Таким образом, потребность в специалистах ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике подтверждается не только аналитическими данными, нормативно-правовыми документами, но и научной литературой.

Цифровая экономика подразумевает не только использование сквозных цифровых технологий, но и их изобретение и реализацию. Этот процесс основан на новой идее, а творческая способность генерировать и воплощать новые идеи является одним из основных качеств, которым должны обладать специалисты ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике.

Проблемы ФГОС как основного документа, регламентирующего процесс подготовки специалистов

Как было отмечено выше, основную роль в подготовке кадров играет система образования, которая базируется на ФГОС. Именно в ФГОС устанавливаются обязательные требования к образованию определенного уровня или специальности, а также по направлению подготовки.

В данном исследовании нами был проведен анализ следующих ФГОС среднего профессионального образования по направлениям подготовки: Наладчик аппаратного и программного обеспечения, Наладчик компьютерных сетей, Программирование в компьютерных системах, Прикладная информатика, Информационные системы, Информационные системы и программирование и др.[20] Проведен анализ следующих ФГОС высшего образования (3++) по направлениям подготовки: Прикладная математика и информатика, Фундаментальная информатика и информационные технологии, Программная инженерия, Информационная безопасность и т. д.[21] Основное внимание при анализе данных ФГОС было направлено на раздел, относящийся к основным результатам освоения программ (какими универсальными общепрофессиональными и профессиональными компетенциями должны обладать выпускники).

В ранее проведенном исследовании был сделан вывод, что на развитие творческих способностей направлен ФГОС дошкольного образования и отчасти начального, основного и среднего образования [18]. Совершенно иначе дело обстоит с ФГОС среднего профессионального и высшего образования (бакалавриат, магистратура, специалитет) по направлениям подготовки, которые связаны с ИТ. Несмотря на то, что данные ФГОС ориентированы на подготовку кадров определенной специальности, в них отсутствует направленность на развитие творческих способностей будущих ИТ-специалистов. Если в ФГОС дошкольного и школьного образования в качестве одной из задач прописано развитие творческих способностей, то в ФГОС среднего и высшего образования это не нашло своего отражения.

Как отмечают специалисты АСИ, одними из важнейших навыков и умений, которыми должны обладать специалисты ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике, являются навыки межотраслевой коммуникации, клиентоориентированность, работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены[22]. ФГОС нового поколения утверждены с учетом профессиональных стандартов, в которых отмечены основные необходимые требования к профессиям, профессиональным компетенциям, умениям и др. Однако, вышеназванные навыки, отмеченные АСИ как наиболее важные, не нашли своего отражения в образовательных стандартах.

Следует отметить, что на основании Приказа Министерства Просвещения РФ от 2019 г. с 1 января 2021 г. прекратится прием на обучение по таким специальностям среднего профессионального образования, как Компьютерные сети, Программирование в компьютерных системах, Информационные системы и Прикладная информатика[23]. Причина этого заключается в том, что ФГОС по данным направлениям подготовки устарели и не отвечают запросам рынка[24]. Несмотря на то, что вышеназванные направления являются одними из ключевых при подготовке специалистов ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике, новых проектов ФГОС по ним еще не разработано.

Наряду с этим подготовка по каждой специальности предусматривает отработку практических умений и навыков, предусмотренных ФГОС, что особенно важно для специалистов в сфере ИТ. Так, ФГОС среднего профессионального образования в области ИТ отводят на практику меньше половины времени от общего объема образовательного процесса – всего 20 %[25]. Этого времени, безусловно, недостаточно, поскольку по своей сути

[19] Алексеев В. Катастрофический дефицит. Цифровому прорыву предрекли острую нехватку IT-специалистов // Деловой Петербург. 24.01.2020. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2020/01/24/Katastroficheskij_deficit (дата обращения: 01.02.2020).

[20] ФГОС СПО. Режим доступа: http://spo-edu.ru/fgos (дата обращения: 01.02.2020).

[21] Портал Федеральных государственных стандартов высшего образования. Режим доступа: http://fgosvo.ru/ (дата обращения: 01.02.2020).

[22] Атлас новых профессий…

[23] О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки РФ, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования. Приказ Министерства Просвещения России от 21.10.2019 № 569. Режим доступа: https://minjust.consultant.ru/documents/44712?items=1&page=11 (дата обращения: 01.02.2020).

[24] Минпросвещения пересмотрит перечни профессий и специальностей в СПО // CollegeNews. 07.09.2019. Режим доступа: https://www.collegenews.ru/info/news/kolledzhi-prekratyat-priem-na-32-specialnosti.html (дата обращения: 01.02.2020).

[25] ФГОС СПО...

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

среднее профессиональное образование является практико-ориентированным[26], т. к. неразрывно связано со способностью выпускников осуществлять профессиональную деятельность в определенной сфере или конкретной специальности в соответствии с запросами работодателей.

ФГОС высшего образования (по направлению бакалавриат) по таким специальностям, как Прикладная математика и информатика, Информатика и вычислительная техника, Прикладная информатика, Программная инженерия и др., из 8640 часов на прохождение практики отводит только 540–720 часов – всего 8 % от общего объема образовательного процесса. Немного больше практических занятий предусмотрено по направлению подготовки в магистратуре – 720–1080 часов из 4320 часов, или 20 % от общего объема[27]. Учитывая, что практика для учащихся является проверкой полученных знаний и умений в вузе и полностью самостоятельной практической работой, становится очевидным тот факт, что за такое короткое время качественное формирование практических навыков самостоятельной работы невозможно. Подобной точки зрения придерживается автор исследования [17], в котором сделан акцент на том, что развитие практических навыков в рамках современного образовательного процесса затруднительно.

Необходимо учитывать, что к опыту практической работы предъявляют требования профессиональные стандарты. Например, в области ИТ такие профстандарты, как Программист, Специалист по тестированию в области информационных технологий, Системный аналитик, Менеджер продуктов в области информационных технологий и др., указывают, что практическая работа должна составлять от 3 до 5 лет[28]. Часть навыков будет сформирована в рамках учебного процесса, а именно тех часов, которые отведены согласно ФГОС на практику. Однако, большинство умений профессионального стандарта в рамках образовательного процесса будут сформированы в слабой степени.

На проблему недостатка количества практических занятий в образовательных стандартах также указывает генеральный директор «Норбит» А. Чехонин. Он подчеркивает, что существующий дефицит ИТ-специалистов усугубляется оторванностью вузовской теории от рабочей практики. В итоге зачастую знания выпускников не соответствуют требованиям ИТ-компаний и ИТ-подразделений в других сферах экономики [14].

В исследовании [19] подчеркивается, что структура современной ИТ-отрасли очень разнообразна, соответственно и специалисты требуются разные. При этом, с нашей точки зрения, ФГОС этим фактором пренебрегают, происходит унификация профессиональных компетенций кадров для деятельности в разных сегментах отрасли ИТ, что снижает уровень успешности подготовки вузами ИТ-специалистов.

Подобной точки зрения придерживается директор блока организационного развития и технологий «Организационно-технологические решения 2000» А. Кулешов. Он отмечает, что на сегодняшний день в ИТ-отрасли наиболее востребованы не программисты, глубоко знающие C++ или Java, а специалисты в конкретных областях (в информационной безопасности, искусственном интеллекте и машинном обучении, в облачных технологиях и других сферах) или же отраслевые специалисты с глубоким пониманием ИТ. Фактически для того, чтобы оставаться востребованным на рынке, нужно быть не узкоспециализированным специалистом, а широко разносторонним. Однако ФГОС представляют собой своего рода клише по подготовке кадров, что не позволяет реализовывать такой подход в воспроизводстве специалистов для такой динамично развивающейся отрасли, как ИТ.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на данный момент ФГОС не в полной мере обеспечивают качественную подготовку кадров ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике, поскольку готовят в большей степени «шаблонного» специалиста. Набор компетенций, которыми должны обладать работники, получившие подготовку по определенным направлениям специальности, перестает быть фиксированным, статичным; профиль компетенций меняется вслед за технологическими и организационными изменениями, вызванными переходом к цифровой экономике, что не находит своего отражения в ФГОС. Учитывая инертность системы формального образования и динамичную смену технологий, экономика в целом и ИТ-отрасль в частности будут испытывать острый растущий дефицит специалистов в сфере ИТ.

Как отмечает руководитель группы рекрутинга «КРОК инкорпорейтед» О. Романова, требуется пересмотр существующих образовательных стандартов, начиная с уровня среднего профессионального образования. ФГОС должны обновляться с фокусом на цифровые навыки и цифровые специальности [14].

Заключение

Еще раз отметим, что отрасль ИТ лежит в основе цифровой экономики. Использование ИТ оказывает важное воздействие на повышение уровня жизни, обеспечения конкурентоспособности национальной экономики и др. Широкое применение ИТ практически во всех отраслях экономики позволяет ускорить темпы их роста за счет повышения производительности труда и оптимизации управленческих и производственных процессов. По развитию ИТ-отрасли и разработке

[26] Об образовании в РФ. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53. Ч. I. Ст. 7598.

[27] Портал Федеральный государственных образовательных стандартов высшего образования...

[28] Профессиональные стандарты. Режим доступа: https://classinform.ru/profstandarty.html (дата обращения: 01.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

ИТ Россия уступает ведущим странам мира, занимающим лидирующие позиции. В условиях перехода к цифровой экономике вырастает спрос на специалистов высокой квалификации. Текущая кадровая ситуация, статистические данные, наблюдения участников рынка труда показывают, что в России прослеживается растущий дефицит ИТ-специалистов, а страна значительно уступает по доле таких сотрудников в экономике США и странам Евросоюза. ФГОС выступают главным инструментом подготовки кадров, однако в отношении воспроизводства ИТ-специалистов они недостаточно эффективны. На сегодняшний день это одна из важнейших проблем, решение которой позволит вести опережающую подготовку востребованных кадров в соответствии с потребностями экономики.

На следующих этапах исследования будут разработаны направления и механизмы управления процессом подготовки специалистов ИТ-отрасли в условиях перехода к цифровой экономике. Результаты, полученные в ходе исследования, вносят вклад в развитие и систематизацию методологической и теоретической базы поднимаемой проблемы. Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами развития цифровой экономики.

Литература

1. Колодняя Г. В. Цифровая экономика: особенности развития в России // Экономист. 2018. № 4. С. 63–69.
2. Ушакова Ю. О. Теоретические аспекты сущности четвертой промышленной революции и Интернета вещей // Социальное пространство. 2019. № 2. DOI: 10.15838/sa.2019.2.19.3
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Макаров В. Л., Христолюбова Н. Е., Яковенко Е. Г. Справочник экономического инструментария. М.: Экономика, 2003. 515 с.
5. Дятлов С. А. Информационно-сетевая экономика: методология, классификация, мониторинг // Информационно-сетевая экономика в XXI веке: мат-лы Первой Евразийской студенческой науч. интернет-конф. (Москва-Санкт-Петербург, 14–28 мая 2001 г.) / под ред. С. А. Дятлова, А. В. Толсгопятенко. М.: ТЕИС, 2001. С. 87–105.
6. Макаренкова Е. В. Сетевая экономика. М.: Изд. центр Евразийского открытого института, 2011. 120 с.
7. Асанов Р. К. Формирование концепции «цифровой экономики» в современной науке // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 15. С. 143–148.
8. Красильникова Е. В. Системные признаки интернет-экономики // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2011. Т. 11. № 1. С. 32–37.
9. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 143–172.
10. Коврижных А. А. Цифровая экономика // Старт в науке: мат-лы IV Междунар. конкурса науч.-исследовательских и творческих работ учащихся. Режим доступа: https://school-science.ru/4/14/1451 (дата обращения: 01.02.2020).
11. Горькова И. П., Фирсова А. Г., Кутузов Д. В. Роль информационных технологий в трудовой занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2015. № 9. С. 12–17.
12. Беспалько В. П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2002. 352 с.
13. Монахов В. М. Разработка прогностической модели развития теории обучения для IT-образования // Современные информационные технологии и IT-образование. 2017. Т. 13. № 2. С. 111–121. DOI: 10.25559/SITITO.2017.2.238
14. Агапов И. Кадры цифровой экономики // Стандарт. 2019. № 7-8. С. 12–15.
15. Слугина Н. Л., Гриняк В. М. Повышение уровня подготовки кадров в области современных информационных технологий на базе центра компетенций // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7246 (дата обращения: 01.02.2020).
16. Лунева Т. В., Климова А. А. Особенности развития IT-отрасли в условиях цифровой экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 183–185. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10780
17. Машкин Д. О. Проблемы подготовки кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий в учреждениях высшего профессионального образования // Концепт. 2016. № Т2. С. 166–170.
18. Ушакова Ю. О. Специфика довузовской подготовки кадров для инновационной экономики // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 6. С. 47–52.
19. Первухина Е. Л., Шалимова Е. М. Проблемы унификации и универсализации учебных планов при подготовке отечественных ИТ-специалистов // Гуманитарный вестник. 2017. № 11. DOI: 10.18698/2306-8477-2017-11-489

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

original article

Training for the IT industry in the Context of Digitalization*

Yulia O. Klimova [a, @, ID1]; Vladimir S. Uskov [a, ID2]
[a] Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda
[@] j.uschakowa2017@yandex.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-6057-9523
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-5158-8551

Received 13.02.2020. Accepted 01.04.2020.

Abstract: The informatization is a global trend in the development of the digital economy. It leads to significant changes in requirements for personnel and specialists. The education system provides a tool for training personnel: Federal State Educational Standards outline the basic requirements for future specialists. Unfortunately, the current standards do not always meet the challenges and trends of the digital economy. The research objective was to study the issue of IT training during the period of transition to a digital economy. A thorough analysis of available scientific literature made it possible to describe the theoretical aspects of digital economy, as well as the IT industry. The authors identified a number of categories of specialists that are necessary for the formation and development of the digital economy. A detailed analysis of statistical data revealed some global trends in informatization, as well as the availability of IT specialists in Russian and world economies. The authors also outline the main directions for further research. The results obtained can of interest to researchers involved in the development of the digital economy.

Keywords: digital economy, information technology, IT specialists, Federal State Educational Standard, fourth industrial revolution, education system

For citation: Klimova Yu. O., Uskov V. S. Training for the IT industry in the Context of Digitalization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 222–231. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

References

1. Kolodnyaya G. V. Digital economy: features of development in Russia. *Ekonomist*, 2018, (4): 63–69. (In Russ.)
2. Ushakova Yu. O. Theoretical aspects of the essence of the fourth industrial revolution and the Internet of things. *Social area,* 2019, (2). (In Russ.) DOI: 10.15838/sa.2019.2.19.3
3. Castells M. *Information era: economics, society, and culture*. Moscow: GU VShE, 2000, 608. (In Russ.)
4. Makarov V. L., Khristoliubova N. E., Iakovenko E. G. *Handbook of economic instruments.* Moscow: Ekonomika, 2003, 515. (In Russ.)
5. Dyatlov S. A. Information network economy: methodology, classification, and monitoring. *Information and network economy in the XXI century:* Proc. First Eurasian student Sci. Internet Conf., Moscow-St. Petersburg, May 14–28, 2001, eds. Dyatlov S. A., Tolsgopyatenko A. V. Moscow: TEIS, 2001, 87–105. (In Russ.)
6. Makarenkova E. V. *Network economy*. Moscow: Izd. tsentr Evraziiskogo otkrytogo instituta, 2011, 120. (In Russ.)
7. Asanov R. K. Formation of the concept of "digital economy" in modern science. *Socialno-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniia*, 2016, (15): 143–148. (In Russ.)
8. Krasilnikova E. V. The system characteristics of internet economy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2011, 11(1): 32–37. (In Russ.)
9. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. *International Organisations Research Journal*, 2018, 13(2): 143–172. (In Russ.)
10. Kovrizhnykh A. A. Digital economy. *Start in science*: Proc. IV Intern. competition of Sci. research and creative work of students. Available at: https://school-science.ru/4/14/1451 (accessed 01.02.2020). (In Russ.)
11. Gorkova I. P., Firsova A. G., Kutuzov D. V. The role of information technology in the employment of persons with disabilities. *Genezis ekonomicheskih i social'nyh problem sub"ektov rynochnogo hozyajstva v Rossii*, 2015, (9): 12–17. (In Russ.)
12. Bespalko V. P. *Education and training with the participation of computers (pedagogy of the third millennium)*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2002, 352. (In Russ.)

* The research was supported by a grant from the President of the Russian Federation (No. MK-3098.2019.6).

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231

13. Monakhov V. M. Building of the prognostic model of development of the theory of teaching for the IT-education. *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*, 2017, 13(2): 111–121. (In Russ.) DOI: 10.25559/SITITO.2017.2.238
14. Agapov I. Personnel of the digital economy. *Standart*, 2019, (7-8): 12–15. (In Russ.)
15. Slugina N. L., Grinyak V. M. Improvement of level of personnel training in the sphere of modern information technology on the base of the competencies center. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya,* 2012, (5). Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7246 (accessed 01.02.2020). (In Russ.)
16. Luneva T. V., Klimova A. A. Features of IT-industry development in the conditions of the digital economy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, (4-2): 183–185. (In Russ.) DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10780
17. Mashkin D. O. Problems of training in the field of information and communication technologies in institutions of higher professional education. *Koncept*, 2016, (T2): 166–170. (In Russ.)
18. Ushakova Yu. O. The specificity of pre-university personnel training for innovative economy. *Nauchnye zapiski molodyh issledovatelei*, 2018, (6): 47–52. (In Russ.)
19. Pervukhina E. L., Shalimova E. M. Problems of curricula unification and universalization in the Russian IT-specialists' education. *Humanities Bulletin*, 2017, (11). (In Russ.) DOI: 10.18698/2306-8477-2017-11-489

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

оригинальная статья
УДК 332.1; 338.48

Перспективы развития туризма в Удмуртской Республике

Сергей А. Маненков [a, @]; Анна П. Маненкова [b]

[a] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, г. Санкт-Петербург
[b] Национальный исследовательский университет ИТМО, Россия, г. Санкт-Петербург
[@] sergei.manenkov@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2020. Принята к печати 15.04.2020.

Аннотация: Целью данного исследования является выявление взаимосвязи промышленного, делового и этнокультурного туризма на примере Удмуртской Республики. Рассмотрение различных сегментов туристской отрасли является актуальным вектором институционального развития экономики традиционных ресурсодобывающих и промышленных регионов. Основной гипотезой является использование промышленно-аграрной специализации Удмуртии как метода диверсификации экономики региона применительно к туристской отрасли и сфере услуг. Наиболее эффективной площадкой продвижения локальных брендов и дифференцирования сегментов туристской отрасли является конгрессно-выставочная деятельность, что стало одним из объектов данного исследования. Также в качестве объектов исследования рассматриваются современное состояние реализации стратегии развития промышленного туризма и влияние культурно значимых брендов на общий имидж региона. Учитывая недостаточно сильное развитие в Удмуртской Республике сектора делового туризма, его катализатором могут стать основные направления экономической деятельности, наряду с богатой этнокультурной составляющей, в качестве неотъемлемой части промышленного и делового туризма. Методологическая основа проведенного исследования – системный подход, позволяющий выявить и структурировать основные потенциальные направления культурной и экономической деятельности Удмуртской Республики. Расширение границ традиционной отраслевой специализации направлено на формирование предпосылок развития промышленного туризма и активизации конгрессно-выставочной деятельности как одного из ключевых драйверов экономического роста регионального валового продукта и туристской отрасли в целом. Применение данного метода позволит сформировать необходимый уровень компетенций по формированию качественного туристского продукта региона, который увеличит долю сферы услуг в общей экономической структуре Удмуртии.

Ключевые слова: промышленный туризм, культурно-познавательный туризм, конгрессно-выставочная деятельность, Ижевск, туристский продукт, дестинация

Для цитирования: Маненков С. А., Маненкова А. П. Перспективы развития туризма в Удмуртской Республике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 232–241. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

Введение

Туризм на сегодняшний день является одним из самых быстрорастущих секторов сферы услуг. Существуют различные виды туризма, среди которых отдельно выделяется деловой туризм как один из самых высокодоходных. К сожалению, в России сфера делового туризма не имеет такого же массового развития, как рекреационный, а имеет лишь локальный и ограниченный эффект в крупных городах, которые и так являются центрами притяжения бизнеса и конгрессно-выставочной деятельности: Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург. Однако у других городов существует огромный потенциал для развития туристской отрасли за счет использования потенциала регионов по альтернативным сегментам сферы туризма.

В качестве примера будет рассмотрена Удмуртская Республика. Несмотря на достаточно небольшую площадь территории (57 место среди субъектов РФ), Удмуртская Республика является развитым промышленно-аграрным регионом[1]. На официальном сайте региона выделяют туристический комплекс, в который включены, согласно официальным данным, около 2,5 тыс. объектов и 150 частных хозяйствующих субъектов, развивающих сельский туризм[2]. Использование данной отраслевой специализации региона может оказать положительный эффект в продвижении промышленного туризма, этнокультурного туризма и потенциально – в активизации конгрессно-выставочной деятельности на территории республики.

[1] Общая информация // Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. Режим доступа: http://www.udmurt.ru/region/ (дата обращения: 03.12.2019).

[2] Там же.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

Методы и материалы

Проведено исследование потенциала промышленного и культурного туризма, а также оценка предполагаемого воздействия конгрессно-выставочной деятельности на рынок товаров и услуг Удмуртии. Наиболее актуальным методом комплексного продвижения региона станет системный подход. Изучение уникальных характеристик, отражающих экономическую деятельность региона, может образовать единую целостную структуру, формирующую единый мультикомпонентный туристский продукт. Что касается самого термина *туристский продукт*, то согласно классификации Всемирной туристской организации (ЮНВТО) он представляет собой «комбинацию материальных и нематериальных элементов, включающих в себя природные, культурные, созданные человеком объекты, а также объекты, услуги и реализуемые мероприятия с ядром туристской дестинации»[3]. В качестве ядра будет использована столица – г. Ижевск, в качестве дестинации – Удмуртия, которые являются объектами системного анализа. В рамках нашего исследования будут изучены и затронуты существующие направления туристской деятельности и брендов Удмуртской Республики в целом. Промышленный сектор является визитной карточкой региона, однако, в отличие от ряда других крупных промышленных центров, республика имеет богатую культурную составляющую [1], которая позволяет развивать событийную деятельность, этнокультурный, деловой, рекреационный и познавательный туризм, что может способствовать взаимному продвижению всех сегментов сферы туризма. Применительно к Удмуртской Республике анализ туристского потенциала на основе существующих промышленных предприятий и сферы культуры является достаточно актуальным направлением, учитывая недостаточно развитый сектор туризма до 1991 г., т. к. партийный аппарат считал Удмуртию «неперспективным регионом для развития въездного туризма» [2]. В рамках данной работы были изучены отраслевые особенности промышленных предприятий региона с оценкой влияния на продвижение промышленного туризма.

В данной работе на примере Удмуртской Республики исследована взаимосвязь между тремя направлениями туристской деятельности: промышленным, культурным и деловым. В настоящее время уделяется недостаточно внимания комплексной разработке диверсифицированного туристского продукта, т. к. каждый из сегментов рассматривается как обособленный вид туристской деятельности. Однако совокупный положительный эффект возможен в случае проведения совместной кооперации различных направлений. Конгрессно-выставочная деятельность способна стать не только инструментом продвижения каждого из вышеупомянутых направлений, но и эффективным структурным элементом, аккумулирующим деловую активность и инвестиционную деятельность Удмуртии.

Выбор региона исследования обусловлен наличием не только тяжелой сталелитейной и оружейной промышленности, но и уникальным культурно-рекреационным потенциалом. Узнаваемые бренды оборонных предприятий привлекают массового туриста, способны привлечь и профессионала с деловыми целями. Тенденции последних лет отражают наличие устойчивого роста туризма, согласно статистическим данным ЮНВТО[4], не только развитой промышленности, но и богатого культурного потенциала, что дает нам представление о возможном взаимодополняющем эффекте по продвижению региона.

Результаты

Официальный сайт исполнительной ветви власти региона не содержит достаточного количества информации про промышленный, деловой туризм или конгрессно-выставочную деятельность, несмотря на наличие огромного потенциала Удмуртской Республики в развитии данного направления. У городов, имеющих или сохранивших свой промышленный статус, есть возможность превратить недостаток в виде ограниченных (или доминирующих) факторов в виде градообразующего предприятия в конкурентное преимущество в сфере делового туризма. Поиск новых направлений и диверсификация туристского продукта становятся необходимой основой для горизонтального увеличения доли на рынке. Использование промышленного бренда того или иного города может стать дополнительным аттрактором для привлечения новой целевой аудитории с профессиональными целями.

Стоит отметить, что развитие делового туризма не только даст новый импульс экономическому развитию региона, но и будет способствовать образованию дополнительных рабочих мест, что в конечном итоге окажет содействие повышению уровня мотивации для сохранения молодых профессиональных кадров и будет эффективной мерой противодействия по оттоку молодых специалистов за пределы Удмуртской Республики в поисках «лучшей жизни», поможет решить демографическую задачу региона, ведь по данным Удмуртстата, сейчас наблюдается падение численности населения[5].

[3] Product development. UNWTO Sustainable development goals // The World Tourism Organization (UNWTO) is a specialized agency of the United Nations. Режим доступа: https://step.unwto.org/tourism-development-products (дата обращения: 10.12.2019).

[4] UNWTO Tourism Highlights 2019 Edition. P. 6. Режим доступа: https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152 (дата обращения: 26.12.2019).

[5] Официальная статистика. Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской республике. Режим доступа: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 03.12.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

Развитие узкоспециализированного туристического кластера, согласно классификации, разработанной С. Ю. Гришиным [3], в сочетании с концентрацией рыночной конъюнктуры на региональном уровне сможет обеспечить в среднесрочной перспективе несколько позитивных результатов:

1) развитие деятельности промышленных предприятий;
2) получение мультипликативного экономического эффекта всеми предприятиями туристической индустрии Удмуртской Республики;
3) продвижение туристического бренда нового формата;
4) расширение охватываемых туристских рынков в сочетании с диверсификацией регионального туристского продукта.

Развитие рынка услуг в сфере туризма на существующей промышленной базе будет иметь положительный эффект и для расширения деятельности самих предприятий. На сегодняшний день, по оценке правительства Удмуртии, вклад промышленного сектора в Валовый региональный продукт (ВРП) составляет около 69 %[6] (табл.[7]). В разрезе итогов первого полугодия в Приволжском Федеральном округе Удмуртия занимает уверенные лидирующие позиции (111,3 % прироста за первое полугодие 2019 г. по отношению к 2018 г.), в то время как средний показатель по стране составляет 102,6 %[8]. Подобная тенденция роста ведущего сектора региональной экономики подтверждает возможность усиления интеграционных процессов туристского рынка и промышленных предприятий в целях разработки альтернативных направлений развития Удмуртской Республики.

Табл. Структура Валового регионального продукта Удмуртской Республики

Tab. Gross value product of the Udmurt Republic

Основные отрасли	млрд руб.	%
Промышленное производство	705,1	69
Розничная торговля	255	25
Сельское хозяйство	66	6

Промышленный туризм – новое предложение на рынке отечественного туризма?

Промышленный туризм не является новым направлением на международном рынке услуг. Ряд ведущих мировых предприятий (*Toyota*[9], *Chevron Corporation*[10], *Airbus*[11] и др.) уже давно распространили практику возможности посещения организованными туристическими группами своих производств. Для этих целей были подготовлены специальные маршруты на территориях предприятий, обучены сотрудники, при наличии технических возможностей оборудована доступная среда. Возможность увидеть напрямую процесс создания того или иного продукта или услуги, ознакомиться с технологией производства, получить необходимую информацию в рамках данных мероприятий способствует формированию позитивного отношения к бренду.

Несмотря на серьезный потенциал и важность данного вида туристской деятельности не только в экономическом, но и в просветительском контексте, нет единой программы развития промышленного туризма в нашей стране. Развитие данного направления на сегодняшний день выносится на повестку дня только в рамках специализированных дискуссий по продвижению данного сегмента туристской отрасли.

Промышленный туризм мало известен в России, но вовсе не является новым направлением для нашей страны. Для данного направления разработан и утвержден ГОСТ, который стандартизирует промышленный туризм и классифицирует его как «посещение действующих предприятий или осмотр объектов промышленного наследия»[12].

Помимо регламентирующей деятельности нормативно-правовой документации, в нашей стране были проведены исследования в сфере промышленного туризма и его позиций в общей структуре туристского комплекса регионов России. Например, Р. В. Кадыров делает акцент на создании и реализации программ развития малых городов Татарстана. Основополагающим элементом в данном контексте может стать стратегия радиального развития по перераспределению туристских потоков, т. к. на сегодняшний день наиболее развитым

[6] Правительство Удмуртии одобрило прогноз социально-экономического развития республики на 2020 год // Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. 28.10.2019. Режим доступа: http://www.udmurt.ru/about/info/news/?ELEMENT_ID=322574 (дата обращения: 09.12.2019).

[7] Отдельные показатели социально-экономического развития субъектов РФ в ПФО в январе-июне 2019 года // Официальный сайт Государственного совета Удмуртской республики. Режим доступа: http://www.udmgossovet.ru/consist/apparatus/activity/proceedings/stat/ (дата обращения: 09.12.2019).

[8] Там же.

[9] An Introduction to Toyota Plant Tours // Toyota Motor Corporation. Режим доступа: https://www.toyota.co.jp/en/about_toyota/facility/toyota_kaikan/factory/about.html (дата обращения: 03.12.2019).

[10] Lee J. Chevron re-establishes popular refinery tours // DesertNews. 30.05.2015. Режим доступа: https://www.deseret.com/2015/5/30/20565764/chevron-r e-establishes-popular-refinery-tours#austin-ruppert-operations-assistant-leads-a-bus-tour-of-the-chevron-refinery-in-salt-lake-city-on-saturday-may-30-2015 (дата обращения: 03.12.2019).

[11] Let's visit Airbus. Company tours. Air and space // Tourisme de Toulouse. Режим доступа: https://www.toulouse-visit.com/let-s-visit-airbus/blagnac/pcumid031fs00038 (дата обращения: 03.12.2019).

[12] Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг (с Поправкой). ГОСТ Р ИСО 13810-2016 // Электронный фонд нормативно-правовой документации. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200142466 (дата обращения: 03.12.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

направлением Татарстана является Казань. Высокий процент культурно-рекреационного туризма в общей структуре наглядным образом подтверждает тезис о востребованности развития альтернативных направлений. Р. В. Кадыров отмечает значение необходимости привлечения в такие города государственных структур, представителей бизнес-обществ для проведения необходимого обмена информацией, т. к. зачастую представители регионального уровня власти не обладают должными компетенциями в сфере привлечения инвестиций, опытом и знаниями в маркетинге и брендинге дестинаций, которые играют очень важную роль при создании туристских кластеров [4].

А. В. Усова и Г. А. Ковшикова пришли к выводу об отсутствии единого понимания терминологической базы промышленного туризма, т. к. в разных странах и культурах он трактуется совершенно разным способом, в связи с чем целесообразно использовать принятый ГОСТ в сфере услуг промышленного туризма. Также авторы рассматривают развитие промышленного туризма в развитой инфраструктурной среде Северо-Западного региона с акцентированием на детско-юношескую целевую аудиторию [5].

Безусловно, формирование качественного представления о промышленном потенциале региона среди школьной аудитории будет играть важную роль при долгосрочных стратегиях развития данного направления экономики региона, однако в краткосрочной и среднесрочной перспективе более интенсивному росту как туризма, так и промышленности в целом будет способствовать привлечение бизнес-клиентов, которых интересует не только технологический процесс производства, но и возможность заключения контрактов на взаимовыгодных с предприятием условиях. Соответственно, более эффективное развитие данного сегмента сферы туризма окажется возможным при более широком охвате целевых аудиторий с различными профессиональными целями. Дифференциация целевой аудитории на более высокодоходную группу потенциальных клиентов и внедрения бизнес-подхода в промышленные экскурсии полного производственного цикла становятся удачным этапом в реализации стратегии развития и делового туризма в том числе, т. к. обсуждение технологий производства с возможностью демонстрации продукции является более убедительным форматом, который может давать более высокий положительный эффект не только сегментам туристской отрасли, но и экономике региона.

В РФ есть примеры удачной реализации промышленного туризма: Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле и Иж-Авто в Ижевске успешно проводят экскурсии на свои производства. Проведение экскурсий на промышленных предприятиях развивает интерес и среди местного населения, и среди туристов. Организация музейных экспозиций и возможность посещения производственного цикла являются достаточно востребованными, что подтверждается на примере Иж-Авто, который проводит ежегодно дни открытых дверей. Посещаемость в 30 тыс. человек доказывает, что такой формат является достаточно популярным и требует разработки подобных программ и туров на постоянной основе[13]. Увеличение частоты таких туров и обеспечение квалифицированных гидов-экскурсоводов способно репозиционировать имидж дестинации как комфортной среды для туристов [6].

Продолжая развитие промышленного туризма, главой республики А. В. Бречаловым было подписано соглашение с руководителем Федерального агентства по туризму О. П. Сафоновым, направленное на создание условий развития промышленного туризма на территории Удмуртской Республики. Данное соглашение можно назвать первым шагом по реализации одной из стратегических задач для всей отечественной туристической отрасли. Стоит отметить, что подписание данного документа состоялось на площадке проведения Российского Инвестиционного Форума в Сочи в 2018 г., одного из крупнейших форумов страны[14]. Подписание данного соглашения в рамках одного из ведущих форумов страны демонстрирует значимость конгрессно-выставочной деятельности как инструмента институционального развития региональных экономик и диверсификации туристских продуктов на уровне субъектов России.

Позднее главой Удмуртской Республики был анонсирован проект «Удмуртия ЗАВОДит», который предполагал начало практической реализации инициатив промышленного туризма, однако не все предприятия оказались готовы к приему туристов и демонстрации своих площадей. При этом ранее, на заседании «Совета по развитию промышленного туризма РФ» в ноябре 2018 г., было сказано, что сфера промышленного туризма «практически не требует дополнительных инвестиций»[15].

В рамках осуществления деятельности по продвижению туристических услуг Удмуртской Республики в июне 2016 г. был создан туристско-информационный центр Удмуртской Республики, который занимается разработкой и продвижением региональных туристских продуктов, в том числе и в сфере промышленного туризма. На сайте данной организации можно найти перечень предприятий, которые организуют промышленные туры,

[13] День открытых дверей пройдет на Ижевском автозаводе 14 декабря // Моя Удмуртия. 04.12.2019. Режим доступа: http://www.myudm.ru/news/2019-12-04/den-otkrytyh-dverej-projdyot-na-izhevskom-avtozavode-17-dekabrya-foto (дата обращения: 05.12.2019).

[14] Ростуризм и Удмуртская Республика подписали соглашение о создании условий для развития промышленного туризма // Федеральное агентство по туризму. 16.02.2018. Режим доступа: https://www.russiatourism.ru/news/14851/?sphrase_id=490799 (дата обращения: 24.07.2019).

[15] Совет по развитию промышленного туризма в Российской Федерации подвел итоги работы за год // Федеральное агентство по туризму. 27.11.2018. Режим доступа: https://www.russiatourism.ru/news/16140/ (дата обращения: 03.12.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

со ссылкой на возможность отказа в доступе на предприятие[16]. Среди таких предприятий отмечаются следующие:

1) АО «Ижевский механический завод»;
2) ООО «ЛАДА Ижевский Автомобильный Завод»;
3) АО «Ижевский мотозавод "Аксион-холдинг"»;
4) ПАО «Ижсталь»;
5) АО «Тепличный комбинат»;
6) ООО «Ижевский завод тепловой техники»;
7) АО «Сарапульский электрогенераторный завод»;
8) ОАО «Сарапульский ликероводочный завод»;
9) ОАО «Элеконд»;
10) ГК «Беспилотные системы»;
11) ЗАО «Шаркан-Трикотаж»;
12) АО «Ижевский электромеханический завод "Купол"».

Однако на деле только ПАО «Ижсталь» оказалась готова к приему туристов и проведению экскурсий по ознакомлению с полным циклом технологического процесса сталелитейной промышленности. «Аксион-холдинг» готов к демонстрации только музея завода. Предложение интерактивных сервисов туристам наряду с демонстрацией процессов технологического производства будет способствовать укреплению устойчивых ассоциаций с брендом. Вместе с тем предоставление возможности наблюдения за конвейерными операциями во время туров способно усиливать лояльность туристов не только к бренду, но и к дестинации в целом [7].

Как было упомянуто выше, в феврале 2018 г. было достигнуто соглашение о развитии промышленного туризма в Удмуртии с О. П. Сафоновым. Согласно этому документу, предполагалось использование и продвижение бренда Удмуртии как оружейной столицы России, т. к. узнаваемость бренда *Калашников* достаточно высока в международном масштабе. С учетом высокого промышленного значения предприятий оборонной сферы для местной экономики существует возможность развития данного туристского продукта. Однако сам концерн «Калашников» апеллирует спецификой оборонного сектора и невозможностью внедрения практик доступа посетителей на производство[17].

Исходя из данных, несмотря на подписанное соглашение, попытку цифровизации продукта промышленного туризма, запуск проекта для продвижения данного сегмента туристской деятельности и существующего потенциала для развития рассматриваемого сегмента туризма на сегодняшний день оказывается недостаточно. В качестве одного из возможных альтернативных направлений по развитию промышленного туризма может стать редевелопмент объектов индустриального наследия. Данное направление способно сохранять функционирование обособленной деятельности закрытых предприятий, укрепляя при этом вектор развития промышленного туризма как метода продвижения туристской дестинации, который в свою очередь оказывает влияние на улучшение имиджа дестинации, становясь альтернативным источником занятости населения и источником косвенного и прямого дохода региональной экономики [8].

Конгрессно-выставочная деятельность как инструмент продвижения промышленного туризма

Учитывая богатое промышленное наследие, высокую долю промышленности в общей структуре ВРП Удмуртии, стоит сделать вывод о наличии потенциала развития сегмента промышленного туризма в Удмуртской Республике. Однако, его комплексное продвижение следует рассмотреть с использованием одного из самых эффективных инструментов по продвижению дестинаций – конгрессно-выставочной деятельности.

В данном контексте возможно как продвижение существующих, но недостаточно востребованных направлений туристской отрасли внутри Удмуртии, так и создание совершенно новых продуктов или услуг. Помимо промышленного, необходимо уделить внимание и деловому туризму как одному из самых высокодоходных сегментов туризма.

Эффективными площадками для установления диалога и продвижения различных товаров или услуг, в том числе и промышленного туризма, являются форумы и выставки. Данное направление в туристской отрасли нередко стратифицируется отдельным направлением в экономике, а именно конгрессно-выставочной деятельностью. Площадки таких мероприятий нередко становятся способом притяжения различных бизнесменов, деловых кругов, органов государственной власти и пр., что имеет прежде всего положительный эффект в сфере привлечения инвестиций, социально-экономической ситуации в регионе, создание рабочих мест и общее повышение имиджа и узнаваемости.

Организация и ежегодное проведение «Оружейного форума» в г. Ижевск, учитывая экономическую специфику региона, является вполне закономерным. Площадками для проведения данного мероприятия, согласно буклету, размещенному на сайте форума в 2019 г., стали отель *Raddison Blu* и Государственный театр оперы и балета[18]. Использование театра как неспециализированной площадки[19] для проведения конгрессно-выставочного

[16] Industrial tourism // Visit Udmurtia. Режим доступа: http://en.visitudmurtia.ru/#rec139967924 (дата обращения: 19.11.2019).

[17] Шамаева Я. Удмуртия не ЗАВОДит. Почему пробуксовывает развитие промышленного туризма в республике // Российская газета – Экономика Поволжья. 13.06.2019. № 125(7883). Режим доступа: https://rg.ru/2019/06/11/reg-pfo/pochemu-probuksovyvaet-razvitie-promyshlennogo-turizma-v-udmurtii.html (дата обращения: 19.11.2019).

[18] День Оружейника. Режим доступа: http://xn--80ahdaengjwdhy3b1i.xn--p1ai/ (дата обращения: 19.11.2019).

[19] Показатели деятельности коллективных средств размещения в 2009–2018 гг. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской республике. Режим доступа: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/Показатели деятельности коллективных средств размещения в 2009-2018 гг.pdf (режим доступа: 20.11.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

мероприятия не позволяет учитывать данное событие на конгрессной карте в полном объеме. Отсутствие доступной информации о технических характеристиках единственного выставочного центра «Удмуртия» в г. Ижевск не позволяет объективно оценить возможности использования данного комплекса для организации крупных конгрессно-выставочных мероприятий, собирающих более 5000 участников. Создание таких крупных центров, способных одновременно вмещать несколько тысяч участников, требует значительных инвестиционных капиталовложений. Несмотря на то, что организация крупного мероприятия с учетом экспортной деятельности оборонно-промышленного сектора может оказать влияние не только на макроэкономику региона, но и всей страны, необходимо рассматривать наименее ресурсозатратные векторы развития промышленного и делового туризма. Данные направления не подвержены фактору «сезонности» и могут обеспечивать круглогодичный туристский поток при наличии необходимой ресурсной базы и инфраструктурной составляющей.

Подобная цифра по количеству участников (более 5000) в расчете на одно событие безусловно могла дать сильный импульс всеобъемлющего развития рынка услуг в Удмуртской Республике, но отсутствие сильной инфраструктуры сдерживает рост и развитие республики в данном направлении. Тенденция роста объектов размещения является положительным моментом для развития туристского рынка, но недостаточным для привлечения бизнес-туриста, т. к. общее число всех объектов размещения на 2018 г. составило 178 гостиниц, отелей, санаториев, общежитий и прочих мест, способных обеспечивать временное пребывание гостям республики[20], многие из которых не соответствуют статусу гостей, регулярно посещающих конгрессно-выставочные мероприятия. Строительство гостиниц категории 4 звезды и выше с наличием конференц-площадей на первом этапе сможет обеспечить качественный рост для организации деловых мероприятий более высокого уровня.

Обсуждение промышленного туризма в индустриальных регионах позволяет вырабатывать эффективные практические рекомендации для его развития, а также может стать базой для создания нового туристского продукта в конгрессно-выставочном направлении, что позволит изменить ситуацию в лучшую сторону. Возможность визуализации и ознакомления с существующей промышленно-производственной базой может стать дополнительным толчком для развития высокодоходного туристского сегмента. По мнению В. С. Боголюбова, такой подход к организации деловых мероприятий, площадки проведения которых «не ограничиваются узкими границами конгрессно-выставочного комплекса» [9], позволяет реализовывать потенциал территорий совершенно на ином уровне. Подобный формат наглядной демонстрации современных инновационных промышленных разработок имеет следующие конкурентные преимущества:

1) минимизация издержек по организации мероприятий;

2) эффективность обмена опыта и мнениями;

3) создание и реализация новых продуктов посредством установленных деловых контактов на промышленных площадках.

Комплексная организация рынка конгрессно-выставочных услуг в регионах РФ, которые не имеют достаточно сильного присутствия на конгрессной карте страны, безусловно должна учитывать сложившиеся региональные бренды, предприятия, культуру. Реализация данного потенциала возможна при достижении всеобъемлющего эффекта и максимизации консолидационных процессов всех участников со стороны бизнеса и государства на региональном уровне. Как было упомянуто нами ранее, конгреснно-выставочная деятельность в России сосредоточена в нескольких крупных городах, поэтому регионы нашей страны нуждаются в альтернативных стратегиях развития данного сектора услуг. Наглядным и эффективным примером децентрализационных процессов по одновременному развитию как делового, так и промышленного туризма является пример Соединенных Штатов, который изучен в работе С. А. Боголюбовой. Феномен рынка делового туризма США и лидирующие позиции страны в рейтинге ICCA[21] заключаются как раз в агрегации достижений и научных результатов со всего мира на площадках крупнейших Университетов [10]. Таким образом, в США нет городов, занимающих ведущие позиции на рынке мирового делового туризма, однако США можно назвать «мегакластером делового туризма». При этом С. А. Боголюбова отмечает значимость культурного потенциала и событийной активности для привлечения деловых кругов, приводя в пример известные события в Германии, несмотря на наличие более сильного в Европе конгрессно-выставочного кластера в Мадриде или Барселоне. Эти данные подтверждают необходимость полифункционального продвижения территорий по различным направлениям, что может дать общий положительный эффект.

Отметим важную тенденцию в современной конгрессно-выставочной деятельности: включение спортивной и культурной программ в официальную часть мероприятия. Данная деятельность не только привлекает инвестиции в экономику, но и повышает лояльность к региону проведения в глазах участников события. В некоторых случаях культурная программа играет роль просветительского элемента и для местных жителей. Примером данного факта

[20] Там же.

[21] ICCA Statistics Report Country & City Rankings Public Abstract // ICCA. Режим доступа: https://www.iccaworld.org/newsarchives/archivedetails.cfm?id=1100291 (дата обращения: 18.11.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

может служить организация официальных концертных программ на Дворцовой площади для всех желающих в дни проведения Петербургского Международного Экономического Форума[22]. Ведущий экономический форум страны, являясь передовой площадкой продвижения различных секторов экономики, наглядным образом демонстрирует возможность совместной реализации промышленного и культурного потенциала всех регионов страны для участников мероприятия, открывая возможности регионам РФ для развития и продвижения собственных региональных брендов и мероприятий по узкоспециализированным тематикам.

В чем уникальность бренда Удмуртского туристского продукта?

Удмуртская Республика имеет огромное количество уникальных брендов и продуктов, которые она готова предложить на внутреннем и международном туристском рынке. Что касается конгрессно-выставочной деятельности, которая подразумевает не только посещение производственной базы, заключение контрактов, дискуссии на профильную деловую повестку дня, то необходимым явлением становится и использование культурного потенциала территорий. Такими направлениями в Удмуртии могут стать этнокультурный и рекреационно-познавательный туризм, т. к. республика имеет ряд сложивших брендов, положительно влияющих на узнаваемость и развитие всех смежных направлений в туризме. Изучение этнокультурного и сельского туризма наглядным образом отражено в работе С. И. Чукавина и др., которые отмечают Удмуртию как «удачное направление для новых путешествий выходного дня», подчеркивая широкое разнообразие флоры, фауны, культуры и природных ландшафтов, что является важной составляющей самобытности Удмуртской Республики [11]. Учитывая тенденцию растущего спроса на экологические направления в туризме, включение данной повестки в обсуждение в рамках деловой программы конгрессно-выставочных мероприятий или в качестве одного из элементов культурной программы, является актуальным направлением, которое может подчеркивать уникальность и самобытность дестинации.

Существующими международно-известными брендами, не требующими проведения серьезных маркетинговых мероприятий по повышению узнаваемости, по мнению экспертов туристической отрасли, являются: Чайковский, Калашников, Бурановские бабушки[23]. С. А. Рябая придерживается позиции существования двух международно-признанных брендов республики, переводя коллектив Бурановских бабушек в разряд «продвигаемых региональных брендов» [12]. На наш взгляд, данный тезис не отражает современные реалии, т. к. успех фольклорного коллектива на музыкальном конкурсе «Евровидение-2012» в Баку способствовал международной узнаваемости данного бренда. Достигнутые результаты на международной арене повысили интерес к региону не только у россиян, но и за рубежом, т. к. исполненная песня на удмуртском языке повысила интерес к коллективу и региону в Финляндии, Венгрии, США и других странах[24].

Помимо международно-узнаваемых, Удмуртия имеет ряд уникальных региональных брендов, которые могут стать катализатором развития новых туристских направлений не только на внутреннем, но и на международном рынке. Следует уделить внимание таким новым, недостаточно развитым на сегодняшний день в глобальном масштабе региональным брендам, как:

1. Город Ижевск – оружейный центр России.
2. Пельнянь (удмуртский язык: ухо из теста), родина Пельменей.
3. Тол Бабай (усадьба Удмуртского Деда Мороза в с. Шаркан) и Снегурочки Лымы Ныл в дер. Титово.
4. Усадьба-резиденция Бабы Яги (Граховский район, дер. Котловка).
5. Сибирский тракт (музей каторжников и тракта в с. Дебёсы).
6. Поэты и писатели Удмуртии: Кузебай Герд, Флор Васильев, Ашальчи Оки.
7. Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай».

Развитие узкопрофильных региональных брендов на внутреннем и зарубежном рынках потребует серьезной работы со стороны квалифицированных специалистов и органов местной власти, т. к. появление и стремительный рост степени узнаваемости Бурановских бабушек в европейском охвате не следует рассматривать как систематическое повышение узнаваемости фольклорных направлений Удмуртской республики на внешних туристских рынках [13]. Бренды «Калашников» и «Чайковский» в свою очередь продвигают свои позиции в медиапространстве и событийном календаре Удмуртской Республики благодаря организации 100-летия со дня рождения известного инженера-конструктора в 2019 г. и 180-летию одного из величайших отечественных композиторов в 2020 г. соответственно [14]. Очень важна подготовка и вовлеченность жителей на местах, их профессионализм и заинтересованность в создании и разработке качественного туристского продукта. Этому вопросу посвящено исследование Т. А. Власовой, которая затрагивает важный аспект сохранения

[22] Фестиваль культуры // Петербургский Международный Экономический форум. Режим доступа: https://forumspb.com/programme/cultural-programme/ (дата обращения: 18.11.2019).

[23] Саушина Д. Крокодилы Калашникова: что мешает развитию туризма в Удмуртии? // Информагентство «Сусанин». Режим доступа: https://susanin.news/longreads/krokodily_kalashnikova/ (дата обращения: 12.12.2019).

[24] Сааков Р. "Бурановские бабушки" из Удмуртии едут на Евровидение // Русская служба BBC. 08.03.2012. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/society/2012/03/120308_babushki_eurovision_interview (дата обращения: 13.08.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

и развития уникальности регионального туристского продукта – отмечается значимость вовлечения местного населения. Необходимо обеспечивать качественную квалификационную подготовку кадров на местах, чтобы они эффективно могли владеть маркетинговыми инструментами, навыками финансового и экономического анализа, обладать возможностью влияния на деятельность муниципалитетов и развития туризма на местном уровне. Существует полемика в отношениях предпринимателей и деятелей культуры относительно эксплуатации культурных объектов Удмуртской Республики. Ключевыми проблемами развития местного или сельского туризма, по мнению Т. А. Власовой, являются нехватка сопутствующей туристической инфраструктуры, недостаточная степень коммерциализации данного направления и отсутствие качественных мероприятий [15].

Развитие сложившихся брендов и продвижение новых может повысить конкурентоспособность Удмуртской Республики по привлечению въездных туристов. В первую очередь акцент может быть сделан на финно-угорские регионы как внутри страны (марийцы, чуваши, пермь и пр.), так и за рубежом (финны, эстонцы, венгры).

Заключение

Проведенное исследование наглядным образом продемонстрировало важность дискуссии и создания площадок для практического обсуждения взглядов и концепций по стратегическому планированию продвижения промышленного туризма. Сильные индустриальные регионы в век цифровой экономики должны прежде всего налаживать контакты и максимально эффективно учитывать достижение положительных результатов от комплексной реализации намеченных инициатив. Промышленный туризм способен развивать не только сами предприятия, а всю экономику республики в целом, тем самым создавая возможность по увеличению доли рынка услуг. За счет развития промышленного и культурного туризма, конгрессно-выставочной деятельности возможно не только увеличение доли рынка сферы услуг, но и общее достижение более высоких показателей по ВРП. Использование тенденций устойчивого роста промышленного сектора относительно соседних регионов должно стать ключевым преимуществом по диверсификации предлагаемых товаров и услуг в Удмуртии.

Смещение акцента с традиционно привлекаемых групп населения с целью посещения туров промышленного и культурного туризма на потенциальных бизнес-клиентов ведущих предприятий региона способно активизировать конгрессно-выставочную деятельность и таким образом привлечь новую аудиторию к изучению и коммерциализации региональных брендов региона. Промышленно-аграрная специализация Удмуртии не является ограничением развития альтернативных направлений в туризме и видов экономической деятельности, а напротив, способствует дополнительному интересу и привлекательности своей территории на внутренних и международных рынках услуг.

Внимание органов федеральной и региональной власти к развитию данных видов деятельности подтверждают актуальность и существующий интерес общества в развитии промышленного туризма и конгрессно-выставочной деятельности. Исследование конъюнктуры каждого направления рынка с оценкой конкурентных преимуществ должны быть включены в полифункциональные программы регионального развития институтов, которые должны обеспечивать налаживание диалога и общения между производственными предприятиями, местными администрациями и всеми вовлеченными в процесс туристской отрасли организациями. В рамках проведенного исследования комплексной программы по поддержке промышленного туризма выявлено не было. Продвижение промышленного туризма испытывает определенные трудности в связи с нюансами предприятий оборонно-промышленного комплекса. Отсутствие регулярных экскурсионных программ и высоких производственных мощностей для генерации турпотоков в рамках конгрессно-выставочной деятельности является следствием ограниченных возможностей по выстраиванию диалога между субъектами отраслевой специализации и потенциальной дифференцированной клиентской аудиторией.

Литература

1. Кутьина М. Д., Гай И. А. Анализ потенциала развития театрального туризма в Удмуртской Республике // Тенденции развития туризма и гостеприимства в России: мат-лы Всерос. студенческой науч. конф. (Москва, 13–14 марта 2019 г.) М.: РГУФКСМиТ, 2019. С. 211–215.
2. Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В. Формирование механизма управления развитием регионального туризма в Удмуртии // Приоритеты стратегии научно-технологического развития России и обеспечение воспроизводства инновационного потенциала высшей школы: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ижевск, 27 февраля 2019 г.). Ижевск: Удмуртский ун-т, 2019. С. 322–335.
3. Гришин С. Ю. Управление региональными туристскими кластерами. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 209 с.
4. Кадыров Р. В. Перспективы развития туризма в моногородах Республики Татарстан // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 7. С. 65–76.
5. Усова А. В., Ковшикова Г. А. К вопросу развития регионального промышленного туризма и организации туристических маршрутов на предприятиях // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3. С. 89–95.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

6. Moyle B. D., Moyle C. J., Bec A. The coexistence of tourism and mining: a strategic framework for cross-sectoral interaction // Current Issues in Tourism. 2018. Vol. 21. № 17. P. 1966–1987. DOI: 10.1080/13683500.2016.1238884
7. Chow H.-W., Ling G.-J., Yen I-yin, Hwang K.-P. Building brand equity through industrial tourism // Asia Pacific Management Review. 2017. Vol. 22. № 2. P. 70–79. DOI: 10.1016/j.apmrv.2016.09.001
8. Prat Forga J. M., Cànoves Valiente G. Cultural change and industrial heritage tourism: material heritage of the industries of food and beverage in Catalonia (Spain) // Journal of Tourism and Cultural Change. 2017. Vol. 15. № 3. P. 265–286. DOI: 10.1080/14766825.2015.1108327
9. Боголюбов В. С. Сетизация выставочно-конгрессной деятельности и проблема подготовки кадров // Актуальные вопросы развития конгрессно-выставочной деятельности в период 2010–2016 гг. (междисциплинарный, многоотраслевой и полифункциональный аспекты) / ред. О. Н. Кострюкова, Г. С. Сологубова. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 9–19.
10. Боголюбова С. А. Анализ состояния и перспективы развития конгрессно-выставочной деятельности в России // Актуальные вопросы развития конгрессно-выставочной деятельности в период 2010–2016 гг. (междисциплинарный, многоотраслевой и полифункциональный аспекты) / ред. О. Н. Кострюкова, Г. С. Сологубова. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 19–25.
11. Чукавин С. И., Жуйкова О. В., Тимошенко А. В., Исупова О. А. Туристический имидж Удмуртии как составляющая территориального бренда // Молодые ученые – ускорению научно-технического прогресса в XXI веке: сб. мат-лов III Всерос. науч.-техн. конф. аспирантов, магистрантов и молодых ученых с междунар. участием. (Ижевск, 22–23 апреля 2015 г.). Ижевск: ИННОВА, 2015. С. 721–726.
12. Рябая С. А. Туризм в субъекте Российской Федерации: Региональные особенности и перспективы развития (на примере Удмуртской республики) // Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 20–22 ноября 2018 г.) Омск: ОмГТУ, 2019. С. 115–118.
13. Гаврина И. С. Формирование внешнего образа Удмуртской республики в сетевых СМИ Германии // Европейский и отечественный опыт инновационной культуры и отношений интеллектуальной собственности: коммуникативные аспекты: сб. мат-лов Всерос. конф. с Междунар. участием. (Ижевск, 14 июня 2016 г. – 15 июня 2019 г.) Ижевск: Удмуртский ун-т, 2019. С. 136–145.
14. Караваева М. К., Фирулёва Л. Д. Спортивно-событийный туризм в Удмуртской республике // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 14 ноября 2019 г.) Ижевск: Удмуртский ун-т, 2019. С. 130–133.
15. Власова Т. А. Региональный туризм в Удмуртской Республике: между сохранением наследия и коммерческой выгодой // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире / отв. ред. Н. О. Осипова. Будапешт: Selmeczi Bt.; Киров: Радуга-ПРЕСС, 2019. С. 206–215.

original article

Tourism Development Perspectives in the Udmurt Republic

Sergey A. Manenkov [a, @]; Anna P. Manenkova [b]
[a] Saint Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg
[b] Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics, and Optics, Russia, St. Petersburg
[@] sergei.manenkov@gmail.com

Received 12.03.2020. Accepted 15.04.2020.

Abstract: The research objective was to define the relationship between industrial, business, and ethnocultural tourism using the case of the Udmurt Republic. Diversification of tourism industry is a relevant vector of institutional economic development in traditional resource-mining and industrial regions. The main hypothesis is that industrial and agricultural specialization can be developed in Udmurtia as part of the regional economy diversification. The most effective platform for promoting brands and segments of the tourism industry is congress and exhibition activity. The research also featured the current state of industrial tourism strategy development and the effect of cultural brands on the image of the region. Business tourism sector remains underdeveloped in the Udmurt Republic, but its development can be catalyzed by the rich ethnocultural component. The authors used systematic approach to identify the main potential areas of cultural and economic activity of the Udmurt republic. Industrial tourism, as well as congress and exhibition activity, can trigger the economic growth of regional gross product. A wider range of tourist products is bound to improve the quality of local tourism and increase the service sector in the regional economic structure.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

Keywords: industrial tourism, cultural-related tourism, congress and exhibition activities, Izhevsk, tourism product, destination

For citation: Manenkov S. A., Manenkova A. P. Tourism Perspectives Development in the Udmurt Republic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 232–241. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-232-241

References

1. Kutyina M. D., Gay I. A. Potential analysis of theatre tourism development in the Udmurt Republic. *Tourism and hospitality development tendencies in Russia*: Proc. All-Russian student Sci. Conf., Moscow, March 13–14, 2019. Moscow: RGUFKSMiT, 2019, 211–215. (In Russ.)
2. Merzlyakova G. V., Batalova L. V. Management mechanism elaboration of regional tourism development in Udmurtia. *Strategy priorities of Russia scientific and technology development and guarantee of reproduction of high school innovation potential:* Proc. All-Russian Sci. Conf., Izhevsk, February 27, 2019. Izhevsk: Udmurtskii un-t, 2019, 322–335. (In Russ.)
3. Grishin S. Yu. *Regional tourism cluster management*. St. Petersburg: SPbGEU, 2016, 209. (In Russ.)
4. Kadyrov R. V. Tourism development prospects in mono-cities of the Republic of Tatarstan. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2017, 11(7): 65–76. (In Russ.)
5. Usova A. V., Kovshikova G. A. Development of regional industrial tourism and the organization of tourist routes in enterprises. *Problems of regional economy*, 2018, (3): 89–95. (In Russ.)
6. Moyle B. D., Moyle C. J., Bec A. The coexistence of tourism and mining: a strategic framework for cross-sectoral interaction. *Current Issues in Tourism*, 2018, 21(17): 1966–1987. DOI: 10.1080/13683500.2016.1238884
7. Chow H.-W., Ling G.-J., Yen I-yin, Hwang K.-P. Building brand equity through industrial tourism. *Asia Pacific Management Review*, 2017, 22(2): 70–79. DOI: 10.1016/j.apmrv.2016.09.001
8. Prat Forga J. M., Cànoves Valiente G. Cultural change and industrial heritage tourism: material heritage of the industries of food and beverage in Catalonia (Spain). *Journal of Tourism and Cultural Change*, 2017, 15(3): 265–286. DOI: 10.1080/14766825.2015.1108327
9. Bogolyubov V. S. Trends of exhibition-congress activity and labor-training issues. *Relevant issues of the development of congress and exhibition activities in 2010–2016 (interdisciplinary, diversified, and multifunctional aspects)*, eds. Kostryukova O. N, Sologubova G. S. St. Petersburg: SPbGEU, 2017, 9–19. (In Russ.)
10. Bogolyubova S. A. Analysis of the state and prospects of development congress and exhibition activities in Russia. *Relevant issues of the development of congress and exhibition activities in 2010–2016 (interdisciplinary, diversified, and multifunctional aspects)*, eds. Kostryukova O. N, Sologubova G. S. St. Petersburg: SPbGEU, 2017, 19–25. (In Russ.)
11. Chukavin S. I., Zhuykova O. V., Timoshenko A. V., Isupova O. A. Udmurt tourism image as a part of place marketing. *Young scientists – science and technological progress acceleration in XXI century*: Proc. III All-Russian Sci. and techn. Conf. graduate students, undergraduates and young scientists from the Intern. participation, Izhevsk, April 22–23, 2015. Izhevsk: INNOVA, 2015, 721–726. (In Russ.)
12. Ryabya S.A. Tourism in constituent of Russian Federation: Regional features and development perspectives on the example of Udmurt Republic. *The economy of the service sector: problems and prospects:* Proc. V All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, November 20–22, 2018. Omsk: OmGTU, 2019, 115–118. (In Russ.)
13. Gavrina I. S. The formation of the Udmurt republic external image in the German network media. *European and domestic experience of innovative culture and intellectual property relations: communicative aspects:* Proc. All-Russian conf. from Intern. participation, Izhevsk, June 14, 2016 – June 15, 2019. Izhevsk: Udmurtskii un-t, 2019, 136–145. (In Russ.)
14. Karavaeva M. K., Firuleva L. D. Sport and event tourism in Udmurt republic. *Actual tendencies of social communications: history and contemporary*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Izhevsk, November 14, 2019. Izhevsk: Udmurtskii un-t, 2019, 130–133. (In Russ.)
15. Vlasova T. A. Regional tourism in Udmurt Republic: between heritage preservation and commercial benefit. *Politics and culture: problems of interaction in the modern world*, ed. Osipova N. O. Budapest: Selmeczi Bt.; Kirov: Raduga-PRESS, 2019, 206–215. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

оригинальная статья
УДК 338.2

Стратегия развития угольного региона в контексте стратегической экологической оценки

Андрей А. Панов [a, @]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] a.panov@mail.ru

Поступила в редакцию 11.03.2020. Принята к печати 31.03.2020.

Аннотация: Представлены результаты стратегического экологического анализа целей социально-экономического развития типичного ресурсного региона, Кузбасса, в условиях перехода на технологическое регулирование в области охраны окружающей среды. Проанализированы методические подходы для оценки учета экологической компоненты в стратегических документах регионального уровня с использованием индикаторов устойчивого развития, в том числе интегральных, а также критериев и показателей экологического качества стратегий. В качестве объекта стратегической экологической оценки определена Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса (Стратегия Кузбасс-2035) с учетом отраслевых и национальных стратегий. Цель – выявление региональной экологической компоненты в стратегическом документе и оценка достаточности предложенных в нем механизмов и программ для снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду в условиях наращивания объемов горнодобывающего производства. Анализ содержания Стратегии Кузбас-2035 показал, что при ее разработке учтены принципы преемственности, сбалансированности планирования и измеряемости стратегических экологических целей. В результате оценки получены выводы о необходимости уточнения принципов и механизмов достижения стратегической экологической цели – снижения негативного воздействия на окружающую среду горнодобывающими и другими производствами путем перехода на применение наилучших доступных технологий в соответствии с новой промышленной экологической политикой России.

Ключевые слова: Стратегия Кузбасс-2035, наилучшие доступные технологии, социально-экономические и экологические условия, социально-экономические и экологические тренды, качество стратегического планирования

Для цитирования: Панов А. А. Стратегия развития угольного региона в контексте стратегической экологической оценки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 242–250. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

Введение

Современный период стратегического законотворчества в России отличается тем, что после принятия в 2014 г. закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» был сформирован единый подход к разработке стратегий различного уровня[1]. В данном законе было сформулировано и закреплено понятие *стратегии социально-экономического развития субъекта РФ*. Согласно закону, стратегия социально-экономического развития субъекта РФ – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта РФ на долгосрочный период. Также этим законом регламентированы принципы и полномочия субъектов РФ в сфере стратегического планирования. В соответствии с законом, региональная власть имеет полномочия самостоятельно формировать цели и задачи долгосрочного развития территории, но они должны быть синхронизированы с целями и задачами национальной политики в той или иной сфере. Кроме того, регионы могут определять и основные направления достижения этих целей и решения этих задач. На наш взгляд, наиболее важными определенными законом с точки зрения долгосрочного планирования можно назвать принципы преемственности, сбалансированности и измеряемости целей.

Актуальность выбора Стратегии Кузбасс-2035 в качестве объекта стратегической экологической оценки (СЭО) обусловлена тем, что в ней основными драйверами роста экономики региона определены предприятия топливно-энергетического и металлургического комплексов. Как известно, именно этими отраслями формируется колоссальная антропогенная нагрузка на территорию. Ввиду хозяйственной деятельности ключевых отраслей экономики Кузбасса регион входит в пятерку наиболее загрязненных территорий России. Это обстоятельство крайне важно для настоящего исследования с позиций СЭО.

[1] О стратегическом планировании в РФ. ФЗ от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

Методические подходы стратегической экологической оценки

Анализ требований к разработке региональных стратегий социально-экономического развития показал, что и в самом законе о стратегическом планировании, и в подзаконных актах не содержится отдельных регламентаций по формированию экологических целей и проведению предварительно или в процессе ее разработки стратегической экологической оценки принимаемых решений. Все это отдано на усмотрение региональной власти и других субъектов стратегического планирования.

Дискуссия по поводу учета экологических факторов в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом активно ведется в российских научных кругах и общественности уже более двух десятилетий. Это стало результатом интеграции России в международное экономическое пространство и активизации ее участия в работе большинства значимых международных организаций, в том числе и экологической направленности. В российскую практику принятия решений стали внедряться методы экологического управления: экологический и энергетический менеджмент и аудит, оценка воздействия на окружающую среду, государственная и общественная экологическая экспертиза и др. Россия стала активным участником реализации механизмов Киотского протокола по регулированию выбросов парниковых газов, а в последние годы и Парижского соглашения.

Значительный вклад в развитие методологии учета экологического фактора в социально-экономическом развитии внесли работы авторов по разработке индикаторов устойчивого развития для России и отдельных регионов. Впервые для России была предложена социо-экономико-экологическая система индикаторов устойчивого развития (ИУР), разработанная коллективом ученых под руководством С. Н. Бобылева [1]. Методологической основой для предложенной системы индикаторов были разработки Статистического отдела ООН по разработке системы интегрированных экологических и экономических национальных счетов и Комиссии ООН по устойчивому развитию с системой индикаторов устойчивого развития. В этот же период была предпринята попытка разработки ИУР для ряда регионов России: Томской, Воронежской, Кемеровской и Читинской областей [2–4]. По нашему мнению, это был первый опыт стратегической оценки экономических решений, принимаемых на уровне страны и регионов с учетом экологического фактора. Авторы использовали ИУР как показатели, которые характеризуют изменение состояния экономики, социальной сферы и окружающей среды во времени. Индикаторы позволяют дать количественную и качественную характеристику проблемы и позволяют сделать оценку ситуации, отметить ее изменение.

Значительный вклад в развитие методологии оценки динамики социально-экономического развития и качества экономического роста внесли работы по разработке интегральных индикаторов, позволяющих оценить макроэкономический ущерб экономике от экологического фактора. Среди индикаторов социальной группы были предложены показатели ущерба экономике от экологически обусловленной заболеваемости населения [5; 6]. Для Кемеровской области была проведена комплексная оценка эффективности экологической политики с использованием системы ИУР, в частности интегральных, как, например, «истинные сбережения» [7].

Учитывая важную роль экологического фактора в социально-экономическом развитии регионов, М. Ф. Замятина обосновывает необходимость разработки и реализации стратегии эколого-экономического развития региона в качестве альтернативного варианта [8]. При этом автор ведущую роль в экологизации регионального развития отдает промышленным предприятиям с эффективной системой экологического менеджмента [9]. С точкой зрения М. Ф. Замятиной в целом совпадает и наша позиция.

Большой интерес для стратегической экологической оценки приоритетов регионального развития вызывают работы, посвященные оценке экологического качества стратегий. Коллективом авторов Института экономики Уральского отделения РАН предложены критерии качества стратегии [10]:

- выявление экологических проблем и тенденций регионального развития;
- обоснованность экологических условий регионального развития;
- определение приоритетных экологических целей и направлений социально-экономического развития региона;
- разработанность мер государственного управления;
- наличие ожидаемых экологических результатов.

Предложенные критерии в общем достаточны для оценки основных разделов региональных стратегий, которые выделяются в соответствии с методическими указаниями Минэкономразвития РФ. К сожалению, индикаторы, предложенные в методике, предполагают качественную экспертную оценку с последующим пересчетом с использованием количественной шкалы от 0 до 1. Для стратегической экологической оценки приоритетов социально-экономического развития Кузбасса очень актуальна данная методика, несмотря на преобладание в ней качественных критериев и показателей. Кроме того, важно, что предложенная авторами методика была апробирована на стратегиях регионов Уральского федерального округа, которые по отраслевой специфике экономики очень схожи с Кузбассом. В результате выполненной оценки экологического качества стратегий регионов Уральского федерального округа наиболее сбалансированной по большинству критериев выделяется стратегия социально-экономического развития Тюменской области.

В развитие представленного методического подхода учеными-экономистами Института экономики Уральского

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

отделения РАН была предложена рейтинговая оценка результативности стратегического планирования социально-экономического развития регионов с учетом экологического фактора [11]. С. В. Дорошенко предложена методика инновационного аудита стратегии социально-экономического развития региона, основанная на оценке качества взаимодействий, целеполагания, решения задач инновационного развития и выбранного инструментария [12]. Достоинством обеих методик можно назвать использование для оценки результативности стратегического планирования с учетом экологической составляющей показателей инновационной активности в сфере охраны окружающей среды. Целью рейтинговой оценки Е. А. Илинбаевой «является выявление степени влияния экологического компонента на результативность государственного стратегического планирования на уровне субъектов РФ», а также учет ряда принципов, обеспечивающих единство и успешность процесса стратегирования [11, с. 113]. Для нужд непосредственной оценки предложены оценочный лист с критериями и показателями и матрица оценки результативности стратегического планирования на уровне субъекта РФ. Методический инструментарий был апробирован при оценке стратегических документов почти тридцати субъектов РФ. Для оценки были выбраны регионы России с высокой антропогенной нагрузкой на окружающую среду, была рассмотрена и Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.[2] По результатам оценки, выполненной Е. А. Илинбаевой в 2015 г., результативность стратегического планирования с учетом экологического фактора в Кемеровской и Московской областях были отнесены в «зону провала», которая представлена субъектами-аутсайдерами. По мнению автора методики, в регионах такого типа «экологический компонент в стратегическом планировании представлен в качестве "придатка" в обосновании социальных и экономических проблем, что не позволяет отразить триединую направленность системы целей и задач, соответственно и результативность стратегического планирования, что в целом отражается в реальных результатах по достижению целевых установок» [11, с. 118].

В подтверждение полученных результатов можно добавить, что, действительно, в тексте Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. была определена стратегическая цель, направленная на повышение конкурентоспособности региона и рост на этой базе благосостояния его жителей[3]. Среди подцелей и задач, связанных со стратегической целью, полностью отсутствуют задачи экологического содержания. Однако в регионе многие годы реализуется региональная программа «Экология, недропользование и рациональное водопользование», которая в стратегических документах в принципе не способна закрыть и отразить триединую направленность системы целей и задач.

В настоящее время в российской и международной практике широко применяется процедура СЭО, методология проведения которой формируется с начала 2000-х гг. благодаря Директиве ЕС по оценке воздействий определенных планов и программ на окружающую среду[4] [11] и Протоколу по стратегической экологической оценке к Конвенции по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, подписанному в Киеве в 2003 г.[5] Российское экологическое законодательство пока не имеет документов, регламентирующих процедуру СЭО, и ограничивается пока процедурами экологической оценки намечаемой хозяйственной деятельности в виде государственной экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду для проектной документации.

Последние два десятилетия методическая база по реализации проектов СЭО значительно расширилась как в России, так и за рубежом. В российской практике большее распространение процедура СЭО получила в проектах крупного корпоративного сектора, в первую очередь энергетического. Особое место в развитии методической базы СЭО занимают российские и международные проекты, имеющие трансграничные воздействия на окружающую среду и связанные с проблемами сохранения и воспроизводства биоразнообразия. Подробно опыт реализации проектов по СЭО на международном, федеральном, региональном и муниципальном уровне обобщен специалистами компании Эколайн и офиса WWF в России в практическом пособии по организации и проведению стратегической экологической оценки в РФ и в отраслях энергетического комплекса. Пионерный опыт проведения СЭО для крупных корпоративных программ и планов в России с учетом международных требований получен в проектах нефтегазового сектора. Главным образом это проекты освоения континентального шельфа, реализуемые с учетом трансграничных воздействий. В практике стратегического планирования развития Новокузнецкого района в Кемеровской области был реализован проект СЭО муниципальных стратегий и программ с учетом сохранения биоразнообразнообразия [13; 14]. В разные периоды были реализованы процедуры СЭО региональных

[2] Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г. Утверждена Законом Кемеровской области от 11.07.2008 № 74-ОЗ.

[3] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Закон Кемеровской области от 11.07.2008 № 74-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=171024935&rdk=&backlink=1 (дата обращения: 18.02.2020).

[4] Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2001/42/ЕС от 27.06.2001 об оценке влияния некоторых планов и программ на окружающую среду // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/2571017/ (дата обращения: 18.02.2020).

[5] Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте // UNECE. Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/eia/documents/legaltexts/protocolrussian.pdf (дата обращения: 18.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

стратегий и программ с учетом международного законодательства в Томской области [15], Забайкальском крае, на Камчатке [16; 17] и в других регионах.

Анализ литературных источников показал, во-первых, что в самом распространенном виде СЭО называют «систематический процесс выявления экологических факторов и возможных экологических последствий предлагаемых стратегий, планов и программ и учета их в принятии решений, относящихся к этим стратегиям, планам и программам» [15, с. 5]. Во-вторых, объектами СЭО должны быть стратегические инициативы на уровне государства, региона или отрасли, т. е. законодательство, стратегии и программы. В-третьих, СЭО должна выполняться в процессе разработки самой стратегии, которая при необходимости может быть скорректирована или дополнена альтернативными вариантами управленческих решений.

Результаты

Для выполнения СЭО стратегических инициатив регионального уровня приемлемы любые из вышеперечисленных методов. Они могут быть использованы отдельно или в комплексе. Все зависит от поставленных в исследовании целей.

В качестве объекта стратегической экологической оценки нами выбрана Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г.[6], разработанная в соответствии с требованиями российского законодательства в области стратегического планирования[7], а также региональные экологические программы. Стратегия Кузбасс-2035 содержит все необходимые для стратегического документа атрибуты целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования. Стратегический анализ содержит оценку достигнутых целей социально-экономического развития региона, идентификацию ключевых проблем, ограничений внутреннего и внешнего происхождения и существующих диспропорций развития.

В соответствии с методологией целеполагания в Стратегии Кузбасс-2035 определены цели, направления и приоритеты социально-экономического развития и обеспечения безопасности региона. Прогнозирование и планирование показателей социально-экономического развития позволило сформировать и обосновать необходимость реализации региональных программ по основным направлениям и приоритетам. Предложены сценарии социально-экономического развития Кузбасса до 2035 г.

Необходимо сразу отметить, что уже на стадии стратегического анализа были идентифицированы экологические проблемы, которые становятся ограничением реализации приоритетных направлений обеспечения динамического экономического роста и качества жизни населения. В частности, в качестве внутренних условий и ограничений называют высокий уровень антропогенной нагрузки, который создает риски динамичному развитию экономики региона. С этим утверждением, конечно же, трудно поспорить. Однако в процессе выявления внешних условий, по нашему мнению, была допущена принципиальная ошибка, а именно нарушение принципа преемственности в формировании стратегических документов относительно документов федерального уровня. Дело в том, что с 2014 г. в России формируется экологическое законодательство по переходу на принципиально новую систему государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды[8]. В этой связи в России формируется новая промышленная экологическая политика, основанная на применении принципа перехода на наилучшие доступные технологии (НДТ)[9]. Гармонизация государственной экологической и промышленной политики в короткий срок привела к формированию новой экологической промышленной политики (ЭПП). По мнению Д. В. Мантурова, ЭПП – «это целостная система принципов и правил регулирования в сфере промышленных экологических правоотношений, направленных на достижение баланса экономических, экологических и социальных интересов общества» [18; 19, с. 136]. Благодаря переходу на НДТ, как показывает мировой опыт, возможно не только повышение производительности труда, эффективности производства, но и поэтапное снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду. Для предприятий Кузбасса, где экологические риски так высоки, переход на применение НДТ, в том числе и в сфере охраны окружающей среды, должен стать ключевым инструментом региональной экологической политики.

В настоящем исследовании предпринята попытка с использованием материалов Стратегии Кузбасс-2035 оценить эффективность стратегического планирования с учетом экологического фактора. Используя элементы методического подхода, предложенного Е. А. Илинбаевой [11], в Стратегии Кузбасс-2035 были выявлены признаки сбалансированности целепологания, прогнозирования и планирования. Результаты оценки представлены в таблице. По всем критериям и показателям было получено подтверждение учета экологического фактора в стратегическом планировании социально-экономического развития региона. Следовательно, можно сделать вывод о высокой степени учета экологического компонента в стратегическом планировании развития региона.

[6] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/550305101 (дата обращения: 18.02.2020).

[7] О стратегическом планировании в РФ…

[8] О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 21.07.2014 № 219-ФЗ // СЗ РФ. 28.07.2014. № 30. Ч. I. Ст. 4220.

[9] Федеральный проект «Внедрение наилучших доступных технологий». Утв. 21.12.2018 протоколом № 3 заседания Проектного комитета по национальному проекту «Экология». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/ (дата обращения: 18.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

Табл. Оценка учета экологического фактора в Стратегии Кузбасс-2035

Tab. Assessment of the environmental factor according to the Kuzbass-2035 Strategy

Критерии и показатели оценки	Состояние, + / –	Подтверждение учета экологического фактора
1. Оценка институциональных условий		
1.1. Наличие отдельной действующей программы по экологии	+	Государственная программа Кемеровской области «Экология, недропользование и рациональное водопользование» на 2017–2020 гг. [10]
1.2. Наличие подпрограммы по экологии в рамках программы социально-экономического развития	+	В рамках национального проекта «Экология» реализуется региональный проект «Чистый воздух»[11]
2. Оценка отражения стратегических направлений		
2.1. Выделение отдельного экологического направления	+	Раздел 2.2. Цели и задачи долгосрочного развития Кемеровской области. Стратегическое направление: 1.4. Экологическая безопасность – новые стандарты
2.2. Включение экологического развития в качестве целей и задач развития субъекта РФ	+	Раздел 2.2.1. Ключевые задачи по направлениям стратегического развития Кемеровской области содержит 3 задачи по направлению 1.4. Экологическая безопасность – новые стандарты
3. Оценка степени достижения целей и задач		
3.1. Наличие экологических показателей и индикаторов	+	Стратегическое направление 1.4 Экологическая безопасность – новые стандарты: • количество вредных веществ, отходящих от всех стационарных источников выделения; • доля улавливаемых и обезвреживаемых вредных веществ; • доля загрязненныхсточных вод
3.2. Соответствие поставленных целей и задач индикаторам развития	+	Раздел 2.4. Показатели достижения целей социально-экономического развития Кемеровской области – система индикаторов реализации стратегических задач развития Кемеровской области до 2035 г. Для обеспечения мониторинга реализации Стратегии определены 39 целевых показателей в соответствии с 8 стратегическими приоритетами социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г., включая экологические
4. Оценка механизмов реализации стратегии		
4.1. Формирование «дорожных карт» по реализации стратегических направлений, в том числе в сфере экологии	+	Раздел 2.5. Сроки и этапы реализации Стратегии. Первый этап (2019–2021 гг.) – стратегическая экологическая оценка приоритетов социально-экономического развития региона и обоснование этапов перехода к устойчивому развитию. Второй этап (2022–2024 гг.) – внедрение новой региональной политики устойчивого развития и рационального безопасного природопользования. Третий этап (2025–2030 гг.) – поэтапный переход на применение наилучших доступных технологий в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Четвертый этап (2031–2035 гг.) – достижение устойчивого эколого-экономического развития, завершение выхода на принципы устойчивого развития с благоприятными экологическими параметрами

[10] О внесении изменений в постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 16.09.2016 № 362 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области "Экология, недропользование и рациональное водопользование" на 2017–2020 годы». Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 18.01.2018 № 14. Режим доступа: http://kuzbasseco.ru/wp-content/uploads/2018/12/Экология-Пост.КоллА-КО-2016-09-16-№362-Ред.-2018-01-18-№14.pdf (дата обращения: 18.02.2020).

[11] Об утверждении паспорта регионального проекта «Чистый воздух». Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 11.12.2018 № 637-р. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/553154557 (дата обращения: 18.02.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

Критерии и показатели оценки	Состояние, +/–	Подтверждение учета экологического фактора
4.2. Выявленность проблем и перспектив развития в сфере экологии в отчетах реализации стратегии	+	Раздел 2.5. Сроки и этапы реализации Стратегии. Том 3. Механизмы реализации Стратегии. Раздел 3.1. Основные направления региональной политики по реализации Стратегии. Ожидаемые результаты реализации. Стратегия рационального природопользования
5. Доступность информации		
5.1. Открытость информации по реализуемым госпрограммам по экологии	+	Информация о реализации государственной программы Кемеровской области «Экология, недропользование и рациональное водопользование» доступна на сайте Министерства природных ресурсов и экологии Кузбасса[12]
5.2. Открытость информации по проектам и реализуемым стратегическим и программным документам	+	Закон «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года»[13]. Информация о реализации регионального проекта «Чистый воздух» доступна на сайте Департамента экологии и природных ресурсов[14]
6. Наличие форм краудсорсинга		
6.1. Открытость информации об установлении обратной связи и результатах краудсорсинга	+	Создан сайт для приема предложений по разработке и актуализации Стратегии Кузбасс-2035
6.2. Открытость информации по формам краудсорсинга для решения проблемы стратегического планирования (соцопросы, анкетирование, форумы и др.)	+	В процессе разработки Стратегии все ее основные положения были обсуждены на 8 стратегических сессиях с привлечением экспертов от бизнеса и общественности

Однако анализ исходных экологических и социальных условий и трендов развития Кузбасса позволяет предположить явные противоречия в стратегическом планировании и сохраняющейся на протяжении многих лет высокой антропогенной нагрузкой на его территории. Выявленные в Стратегии Кузбасс-2035 противоречия и несоответствия, например, недоучет принципов экологической промышленной политики России в обосновании механизмов и возможностей в экологизации регионального развития, сразу же после ее принятия начали компенсировать региональными стратегическими инициативами.

В августе 2018 г. в Кузбассе работала комиссия при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса в контексте экологической безопасности. В соответствии с протоколом поручений по результатам работы комиссии, утвержденным Президентом РФ, а также Стратегией социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г. было принято решение о разработке конкретных механизмов и инструментов для управления регионом с такой высокой концентрацией горнодобывающих производств. В результате многочисленных обсуждений представителей власти, бизнеса и общественности появилось концептуальное предложение, а точнее сказать выражение способа достижения стратегической экологической цели, которое теперь известно во всей России как слоган «Чистый уголь – зеленый Кузбасс». Это принципиально новая управленческая платформа, которая позволяет сохранить традиционные драйверы экономического роста и кардинально снизить негативное воздействие на окружающую среду. Ключевым механизмом этой платформы и был назван экологический стандарт Кузбасса, который содержит обоснование критериев и показателей экологической эффективности применяемых на предприятиях региона природоохранных технологий и рекомендации о НДТ, которые позволят ее повысить до 80–100 % [20].

Разработка критериев и показателей для экологического стандарта Кузбасса стала возможной после проведения СЭО с применением метода, кардинально отличающегося от имеющегося опыта в России. Ключевым этапом СЭО

[12] Государственная программа Кемеровской области «Экология, недропользование и рациональное водопользование» // Министерство природных ресурсов и экологии Кузбасса. Режим доступа: http://kuzbasseco.ru/gosprogramma/gosudarstvennaya-programma-kemerovskoj-oblasti-ekologiya-nedropolzovanie-i-racionalnoe-vodopolzovanie/ (дата обращения: 18.02.2020).

[13] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года…

[14] Национальный проект «ЭКОЛОГИЯ» // Министерство природных ресурсов и экологии Кузбасса. Режим доступа: http://kuzbasseco.ru/nacionalnyj-proekt-ekologiya/ (дата обращения: 18.02.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

стали анализ лучших практик применения перспективных НДТ на предприятиях первой категории опасности и обоснование сценариев социально-экономического развития Кузбасса с учетом перехода этих предприятий на применение НДТ [21]. Таким образом, принципиальные противоречия, допущенные в процессе стратегического планирования развития Кузбасса, были устранены в самом начале реализации стратегии.

Заключение

Оценка результативности стратегического планирования социально-экономического развития региона необходима для своевременного реагирования на выявленные недочеты и противоречия, допущенные на стадии разработки документов и рекомендаций. Для того чтобы избежать различных противоречий, СЭО стратегических инициатив различного уровня должна выполняться превентивно или параллельно их разработке.

Оценка экологического качества Стратегии Кузбас-2035 показала, что экологические факторы и ограничения в ней были идентифицированы на стадии стратегического анализа, снижение негативного воздействия на окружающую среду определено в качестве одного из стратегических приоритетов, определены целевые показатели и разработаны программы по достижению экологической цели (табл.). Это позволяет сделать вывод о сбалансированности стратегического документа по экологическому приоритету. Механизмы реализации Стратегии Кузбасс-2035 не гармонизированы с механизмами национальной экологической промышленной политики, но после ее принятия они были дополнены программой «Чистый уголь – зеленый Кузбасс» и разработкой регионального экологического стандарта, что позволило компенсировать допущенные несоответствия.

Большое значение в процессе стратегического планирования имеет учет принципов комплексности, мнений заинтересованных сторон и интерактивности. Стратегическая экологическая оценка может быть проведена на разных стадиях принятия управленческих решений, что позволит сформировать экологически и социально обеспеченные стратегии и значительно улучшить их качество.

Литература

1. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / под ред. С. Н. Бобылева, П. А. Макеенко. М.: ЦПРП, 2001. 220 с..
2. Мекуш Г. Е. Подходы к разработке индикаторов устойчивого развития на региональном уровне // География и природные ресурсы. 2006. № 1. С. 18–24.
3. Индикаторы устойчивого развития Томской области / гл. ред. В. М. Кресс. Томск: Печат. мануфактура, 2004. Вып. 2. 45 с.
4. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под ред. И. П. Глазыриной, И. М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.
5. Ревич Б. А., Сидоренко В. Н. Ущерб здоровью населения от загрязнения окружающей среды // На пути к устойчивому развитию. 2006. № 35. С. 3–4.
6. Ревич Б. А. Экологические приоритеты и здоровье: социально уязвимые территории и группы населения // Экология человека. 2010. № 7. С. 3–9.
7. Мекуш Г. Е. Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы. М.: Макс-Пресс, 2007. 326 с.
8. Замятина М. Ф. Теоретико-методологические основы экологизации экономического и технологического регионального развития // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. 2006. № 1. С. 81–98.
9. Замятина М. Ф. Стратегия эколого-экономического развития региона: проблемы разработки и реализации // Стратегии и инструменты экологически устойчивого развития экономики: сб. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. Российского общества экологической экономики. (Ставрополь, 2–5 июля 2019 г.) Ставрополь, 2019. С. 116–120.
10. Дорошенко С. В., Шеломенцев А. Г., Илинбаева Е. А. Методика оценки экологического качества стратегий социально-экономического развития регионов // Современные технологии управления. 2015. № 10. С. 13–18.
11. Илинбаева Е. А. Методика оценки результативности стратегического планирования социально-экономического развития на уровне субъектов федерации с учетом экологической составляющей // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3. С. 108–122.
12. Дорошенко С. В. Стратегическая адаптация региональной социально-экономической системы к инновационному типу развития: дис. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2010. 404 с.
13. Артов А. М., Долинина Ю. Л., Заика Е. А., Хмелева Е. Н., Хотулева М. В. Практическое пособие по организации и проведению стратегической экологической оценки в Российской Федерации. М., 2017. 133 с.
14. Артов А. М., Аметистова Л. Е., Вильчек Г. Е., Заика Е. А., Книжников А. Ю., Никитина О. И., Шкардюк И. Э., Хотулева М. В. Практическое пособие по организации и проведению стратегической экологической оценки в отраслях энергетического сектора России. М., 2017. 124 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

15. Хотулева М. В., Пивцакина Е. В., Виниченко В. Н., Черп О. М., Юркявичуте А., Волостнов Д. В., Дмитриев А. В. Стратегическая экологическая оценка для развития регионального и муниципального планирования. М.: ЦЭО «Эколайн»; РЭЦ ЦВЕ, 2006. 45 с.
16. Рафанов С. В. Стратегическая экологическая оценка в контексте актуализации стратегии социально-экономического развития Камчатского края на период до 2030 года // Региональные проблемы развития Дальнего Востока: тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф. (Петропавловск-Камчатский, 6–7 декабря 2017 г.) Петропавловск-Камчатский, 2017. С. 154–159.
17. Дьяков М. Ю., Михайлова Е. Г., Шарахматова В. Н. Стратегическая экологическая оценка в региональном планировании // Проблемы развития территории. 2019. № 2. С. 80–94. DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.5
18. Мантуров Д. В. Переход на наилучшие доступные технологии в аспекте современной промышленной политики Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2018. № 4. С. 25–34.
19. Мантуров Д. В. Устойчивый экономический рост: аспекты гармонизации промышленной и экологической политики России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 132–140. DOI: 10.18721/JE.11410
20. Мекуш Г. Е., Панов А. А. Принципы и механизмы формирования регионального экологического стандарта Кузбасса // Фундаментальные и прикладные аспекты устойчивого развития ресурсных регионов / отв. ред. О. С. Андреева. Новокузнецк: КемГУ, 2020. С. 95–98.
21. Мекуш Г. Е., Панов А. А. Стратегическая экологическая оценка: региональные аспекты // Устойчивое развитие и новые модели экономики: сб. тезисов Междунар. науч. конф. (Москва, 21–22 ноября 2019 г.) / под ред. С. Н. Бобылева, С. В. Соловьевой, И. Ю. Ховавко. М., 2019. С. 37–39.

original article

Coal Region Development Strategy in the Context of Strategic Environmental Assessment

Andrey A. Panov [a, @]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] a.panov@mail.ru

Received 11.03.2020. Accepted 31.03.2020.

Abstract: The article presents the results of a strategic environmental analysis of the goals of socio-economic development of an average resource region. The research featured the case of Kuzbass as it moves on to technological regulation in the field of environmental protection. The author analyzed various methodological approaches to assessing the environmental component in strategic documents at the regional level. The analysis included sustainable development indicators, including integrated ones, as well as criteria and indicators of the environmental quality of the strategies. The study concentrated on the Strategy of Socio-Economic Development of the Kemerovo region (Kuzbass) up to 2035, which involved industrial and national strategies. The research objective was to identify the regional environmental component in the strategic document and to assess its potential for reducing the anthropogenic pressure on the environment in the context of increasing mining production. The Strategy proved to be based on the principles of continuity, balanced planning, and measurability of strategic environmental goals. However, the principles and mechanisms for achieving the strategic environmental goal require further clarification. The goal is to reduce the negative environmental impact of mining and other industries by switching to the best available technologies in accordance with the new industrial environmental policy of Russia.

Keywords: Kuzbass-2035 Strategy, best available technologies, socio-economic and environmental conditions, socio-economic and environmental trends, quality strategic planning

For citation: Panov A. A. Coal Region Development Strategy in the Context of Strategic Environmental Assessment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 242–250. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-242-250

References

1. *Indicators of sustainable development of Russia (environmental and economic aspects)*, eds. Bobylev S. N., Makeenko P. A. Moscow: TsPRP, 2001, 220. (In Russ.)
2. Mekush G. E. Approaches to working out sustainable development indicators at a regional level. *Geografiia i prirodnye resursy*, 2006, (1): 18–24. (In Russ.)
3. *Indicators of sustainable development of the Tomsk region*, ed. Kress V. M. Tomsk: Pechat. manufaktura, 2004, iss. 2, 45. (In Russ.)
4. *Quality of growth indicators for regional economies*, eds. I. P. Glazyrina, I. M. Potravnyi. Moscow: NIA-Priroda, 2005, 306. (In Russ.)
5. Revich B. A., Sidorenko V. N. Damage to public health from environmental pollution. *Na puti k ustoichivomu razvitiiu,* 2006, (35): 3–4. (In Russ.)
6. Revich B. A. Environmental priorities and public health: socially vulnerable territories and population groups. *Human Ecology*, 2010, (7): 3–9. (In Russ.)
7. Mekush G. E. *Environmental policy and sustainable development: analysis and methodological approaches.* Moscow: Maks-Press, 2007, 326. (In Russ.)
8. Zamyatina M. F. Theoretical and methodological foundations of the greening of economic and technological regional development. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiia*, 2006, (1): 81–98. (In Russ.)
9. Zamyatina M. F. The strategy of the ecological and economic development of the region: problems of development and implementation. *Strategies and tools for environmentally sustainable economic development*: Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf. of the Russian Society of Environmental Economics, Stavropol, July 2–05, 2019. Stavropol, 2019, 116–120. (In Russ.)
10. Doroshenko S. V., Shelomencev A. G., Ilinbaeva E. A. Methods of assessing the environmental quality of socio-economic development of regions. *Sovremennye tekhnologii upravleniia*, 2015, (10): 13–18. (In Russ.)
11. Ilinbaeva E. A. Technique of the assessment of productivity of the state strategic planning of socio-economic development at the level of subjects of federation taking into account the ecological component. *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University,* 2015, (3): 108–122. (In Russ.)
12. Doroshenko S. V. *Strategic adaptation of a regional socio-economic system to an innovative type of development*. Dr. Econ. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2010, 404. (In Russ.)
13. Artov A. M., Dolinina Iu. L., Zaika E. A., Khmeleva E. N., Khotuleva M. V. *A practical guide on the organization and conduct of strategic environmental assessment in the Russian Federation*. Moscow, 2017, 133. (In Russ.)
14. Artov A. M., Ametistova L. E., Vilchek G. E., Zaika E. A., Knizhnikov A. Iu., Nikitina O. I., Shkardiuk I. E., Khotuleva M. V. *A practical guide on organizing and conducting strategic environmental assessment in the energy sector of Russia*. Moscow, 2017, 124. (In Russ.)
15. Khotuleva M. V., Pivtsakina E. V., Vinichenko V. N., Cherp O. M., Iurkiavichute A., Volostnov D. V., Dmitriev A. V. *Strategic environmental assessment for the development of regional and municipal planning*. Moscow: TsEO "Ekolain"; RETs TsVE, 2006, 45. (In Russ.)
16. Rafanov S. V. Strategic environmental assessment and its application to Kamchatka strategy for socio-economic development. *Regional problems of the development of the Far East*: Proc. All Russian Sci.-Prac. Conf., Petropavlovsk-Kamchatsky, December 06–07, 2017. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2017, 154–159. (In Russ.)
17. Dyakov M. Yu., Mikhailova E. G., Sharakhmatova V. N. Strategic environmental assessment in regional planning. *Problems of territory's development*, 2019, (2): 80–94. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.5
18. Manturov D. V. The implementation of best available techniques as the aspect of the modern industrial policy of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, 2018, (4): 25–34. (In Russ.)
19. Manturov D. V. Sustainable economic growth: aspects of harmonization of industrial and environmental policies of the Russian Federation. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2018, 11(4): 132–140. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.11410
20. Mekush G. E., Panov A. A. Principles and mechanisms for the formation of the regional ecological standard of Kuzbass. *Fundamental and applied aspects of sustainable development of resource regions*, ed. Andreeva O. S. Novokuznetsk: KemGU, 2020, 95–98. (In Russ.)
21. Mekush G. E., Panov A. A. Strategic environmental assessment: regional aspects. *Sustainable development and new economic models*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, November 21–22, 2019, eds. Bobylev S. N., Soloveva S. V., Khovavko I. Iu. Moscow, 2019, 37–39. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

оригинальная статья
УДК 332.1

Исследование метода анализа среды функционирования и его применение для оценки эффективности предприятий топливно-энергетического комплекса*

Мария В. Покушко [a, b, @]; Алена А. Ступина [a, c, d]; Инмакулада Медина-Було [b]; Егор С. Дресвянский [a, b]
[a] Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск
[b] Университет Кадиса, Испания, г. Пуэрто-Реаль
[c] Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск
[d] Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Россия, г. Красноярск
[@] mvp1984@mail.ru

Поступила в редакцию 23.03.2020. Принята к печати 13.04.2020.

Аннотация: Предложен метод анализа среды функционирования для оценки эффективности функционирования системы теплоснабжения г. Красноярск. Определены основные преимущества и недостатки использования данного метода, дано его описание. Проведен сравнительный анализ методов оценки эффективности по критериям преимуществ и недостатков. Выявлено, что метод анализа среды функционирования – это наиболее удобный инструмент, позволяющий измерить производственную эффективность объекта. Модифицирована архитектура универсальной системы поддержки принятия решений в архитектуру с применением метода анализа среды функционирования. Наглядно показана эффективность использования метода при решении задачи оценки эффективности функционирования системы теплоснабжения г. Красноярск. По результатам оценки эффективности предложены рекомендации по улучшению эффективности функционирования системы теплоснабжения г. Красноярск на примере тринадцати объектов из числа котельных и теплоэлектроцентралей города. В качестве входного показателя использована располагаемая тепловая мощность, в качестве выходных – отпуск тепловой энергии в сеть и масса выброса. По имеющимся исходным данным решена задача по модели анализа среды функционирования, ориентированная на выход, с одним входом и двумя выходами. На основе проведенных расчетов выявлены неэффективные объекты системы теплоснабжения г. Красноярск. Предложена оптимизация значений входных и выходных показателей каждого объекта для улучшения функционирования системы теплоснабжения города в целом. Разработаны рекомендации по проведению модернизации котельных и теплоэлектроцентралей с показателем эффективности менее 1.

Ключевые слова: система поддержки принятия решений, модель, модуль принятия решения, линейное программирование, система теплоснабжения, уровень выбрасываемых вредных веществ, тепловая мощность, отпуск тепловой энергии в сеть, масса выброса, окружающая среда

Для цитирования: Покушко М. В., Ступина А. А., Медина-Було И., Дресвянский Е. С. Исследование метода анализа среды функционирования и его применение для оценки эффективности предприятий топливно-энергетического комплекса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 251–262. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

Введение

Эффективность функционирования – одна из определяющих характеристик производственной системы [1]. Понятие отражает эффективность, которую имеет исследуемая система в ходе преобразования определенных входов в выходы.

Для осуществления управления организацией любого типа очень важна оценка ее эффективности, которая зависит от степени достижения цели с учетом затрат (ресурсы, время) и сферы применения. Исходя из этого эффективность функционирования будет иметь определенный смысл в зависимости от поставленной цели и модели оценивания [2]. За последние годы анализ эффективности сложных систем получил широкое распространение по той причине, что исследование эффективности функционирования позволяет улучшать любые показатели работы предприятия, тем самым повышая его эффективность.

Проблеме исследования эффективности функционирования систем во всех сферах деятельности человека в последние годы уделяется повышенное внимание [3]. Для проведения исследований используются разные

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

подходы в зависимости от предметной области. Однако разработан и ряд методов, которые используются для оценки эффективности объектов в довольно широких классах систем. В качестве одного из таких методов, по нашему мнению, может выступать метод анализа среды функционирования (*Data Envelopment Analysis, DEA*) [4]. В последние 25 лет он широко применяется для оценки эффективности функционирования сложных объектов в различных сферах. Но вместе с тем метод не использовался для оценки эффективности функционирования котельных и теплоэлектроцентралей.

На сегодняшний день при принятии решений в области управления организацией менеджеры очень активно используют компьютер. Существующие базы данных и новейшие программы позволяют ускорить время принятия решения. Но менеджменту организаций приходится сталкиваться со всевозможными задачами по управлению системой, а не только с информацией из базы данных [3].

Сегодня существует инструмент, который выступает в качестве помощника в процессе принятия решений, – это системы поддержки принятия решений (СППР). СППР – это компьютеризированная система, имеющая назначение помогать и поддерживать пользователей в преобразовании информации в эффективные для управляемой системы действия в сложных условиях для анализа деятельности [4]. Если в процессе принятия решений возникают трудности, то действенным и необходимым инструментом выступает СППР. Такие информационные системы позволяют повысить эффективность работы предприятия за счет улучшения функции контроля.

Методы и материалы

Для оценки эффективности существует множество различных методов оценки эффективности функционирования сложных систем, которые могут отличаться по виду получаемых показателей, используемому подходу и т. д. Нами выделены несколько наиболее часто используемых методов, проведено их сравнение. Схема методов оценки эффективности функционирования сложных систем [5] представлена на рис. 1.

Далее был проведен сравнительный анализ методов оценки эффективности сложной системы по их преимуществам [6] и по их недостаткам [7; 8] (табл. 1).

На основании данных приведенного анализа по недостаткам и преимуществам методов оценки эффективности функционирования сложных систем можно предположить, что анализ среды функционирования (АСФ) – это наиболее удобный инструмент, позволяющий измерить производственную эффективность объекта [9].

Метод АСФ (DEA) является довольно популярным инструментом по оценке эффективности сложных систем. Появился данный метод в 1978 г. и был разработан американскими учеными A. Charnes, W. W. Cooper, E. Rhodes [1]. В основе АСФ лежит непараметрическая методология, потому как не определена какая-либо форма производственной функции. Модели АСФ делятся на 2 вида в зависимости от ориентации [10]:

1. *Ориентированная на вход модель (inputoriented model)*. На выходе имеем продукт $\boldsymbol{y}$, а для производства этого продукта необходимо использовать два вида ресурсов, т. е. входов $\boldsymbol{x_1}$ и $\boldsymbol{x_2}$.

2. *Ориентированная на выход модель (outputoriented model)*. На выходе имеем два продукта – $\boldsymbol{y_1}$ и $\boldsymbol{y_2}$, а для производства этих продуктов необходимо использовать один ресурс ($\boldsymbol{x}$) на входе.

Значение эффективности по модели АСФ вычисляется по формуле [11]:

$$0 \le Efficiency_z = \frac{0Z1}{0Z} \le 1.$$

Ее значение всегда находится в интервале от 0 до 1.

Для построения эффективной модели оценки эффективности рассмотрим систему поддержки принятия решений. Существует несколько понятий СППР. Представим СППР как совокупность мероприятий по обработке информации для упрощения принятия решения, в основе которой лежит определенная модель [12]. Данная система построена на решении двух основных задач: оптимизации и ранжирования. Оптимизация дает возможность лицу, принимающему решение, выбрать наилучшее из всех возможных. Ранжирование позволяет аппарату управления упорядочить возможные решения в порядке предпочтения. Важным моментом здесь является выбор альтернатив, т. е. совокупности определенных критериев, по которым будет проводиться оценка и сопоставление решений.

Чаще всего СППР ориентированы решать проблемы в области принятия решений и в их основе лежат индивидуальные показатели организации. Рассмотрим схему стандартной СППР (рис. 2) [13].

Очень важным условием построения СППР является выделение ее основных функций при заданных условиях. В нашем случае основными функциями, ради выполнения которых СППР и создается, будут оценка текущего состояния сложной системы и формирование рекомендаций по улучшениям на основании анализа полученных показателей системы и подсистем [14]. Также сформулируем вспомогательные функции для СППР в заданных нами условиях [15]:

- оказание помощи линейному программированию по формированию входных и выходных переменных модели АСФ;
- формирование и анализ исходных данных по системе;
- построение графиков и формирование наглядных таблиц для принятия решения;
- возможность экспорта и импорта результатов анализа СППР.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

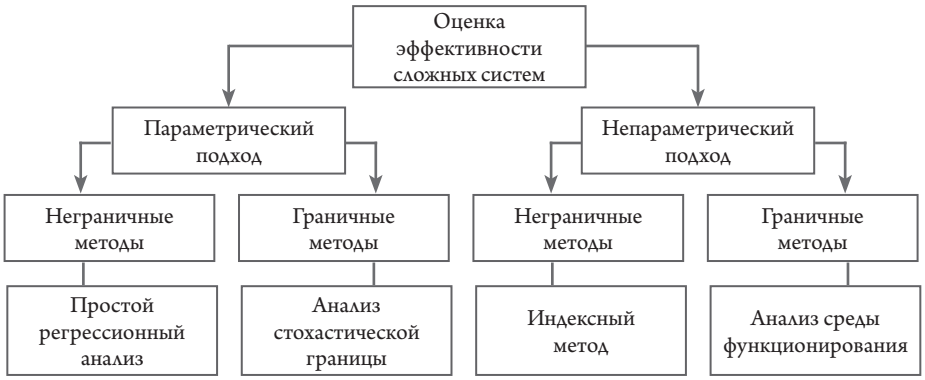


Рис. 1. Схема методов оценки эффективности
Fig. 1. Methods for performance assessment

Табл. 1. Результаты сравнительного анализа методов оценки эффективности сложной системы по их преимуществам и недостаткам
Tab. 1. Comparative analysis of the performance assessment methods based on the advantage and disadvantage criteria

Метод	Преимущества	Недостатки
Простой регрессионный анализ	• простота вычислительных алгоритмов; • наглядность результатов (для линейной модели); • форма отношения между величинами непараметрическая; • применим к различным сферам жизни человека	• выбор вида зависимости носит субъективный характер (подгонка модели под исходные данные); • исходные данные необходимо преобразовать; • отсутствие в модели важных независимых переменных влечет неадекватное представление моделируемого объекта; • выбросы влекут негативное влияние на коэффициенты регрессии
Анализ стохастической границы	• учитывает случайные ошибки; • оценивает «истинную» границу, а не среднее значение среди всех объектов; • технически разделяет величину случайной ошибки и эффективности	• случайная переменная неэффективности априори не определена; • метод рассчитан на выпуск единственного продукта (выхода); • необходимость выбирать функциональную форму производственного функционала; • выбросы могут привести к смещению оценок
Индексный метод	• относительная простота в использовании; • позволяет провести оценку долгосрочных тенденций производительности	• не учитывает случайные ошибки; • при оценке эффективности осуществляется минимизация затрат по определенным техническим показателям
Анализ среды функционирования	• позволяет вычислить один агрегированный показатель для каждого из объектов, используя входные и выходные показатели; • учитывает наличие многих входов и выходов, т. е. имеет возможность обрабатывать их одновременно; • каждый из них может иметь свои единицы измерения; • позволяет представить эффективность объекта в виде числового значения; • нет необходимости присваивать весовые коэффициенты параметров входа и выхода; • не требует определения конкретного вида производственной функции; • формирует множество точек, соответствующих показателям исследуемых объектов; • позволяет определить, что необходимо изменить на входе / выходе неэффективному объекту для вывода на границу эффективности; • позволяет учитывать факторы окружающей среды; • направлен на выявление лучшей практики; • позволяет учитывать пожелания относительно значимости каких-либо входных / выходных переменных	• не учитывает случайные ошибки в исходных данных, чувствительность результатов к выбросам; • граница эффективности строится на основе эффективных объектов системы, следовательно, спустя определенный промежуток времени она может сдвинуться. Поэтому граница строится не на основе среднего значения, как в случае неграничных методов оценки эффективности; • решение задачи может оказаться чересчур ресурсозатратным при большом объеме выборки

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

В процессе проектирования СППР по заданным функциям модифицируем схему типичной СППР и в качестве основного рабочего инструмента будем использовать метод анализа функционирования сложной системы АСФ. Представим схему СППР с использованием метода АСФ по заданным нами функциям в виде подсистем (рис. 3) [16; 17].

Приведем некоторые черты (но не формальные признаки) сложной системы:

1) отсутствие математического описания и необходимость в нем;

2) стохастичность поведения, или «зашумленность», обусловлена наличием генераторов случайных помех и большим числом второстепенных процессов [18];

3) нетерпимость к управлению – система имеет свою цель [19];

4) нестационарность: система может изменяться с течением времени и при изменении определенных параметров [20];

5) невоспроизводимость: подразумевается отсутствие возможности воспроизводить проведенные эксперименты, т. к. с течением времени может изменяться как сама система, так и ее показатели [21].

Рис. 2. Схема типичной СППР

Fig. 2. Diagram of a typical decision support system

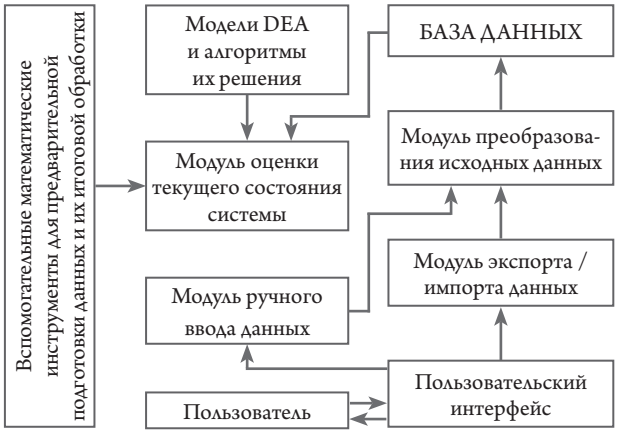


Рис 3. Структурная схема СППР с использованием метода АСФ

Fig. 3. Block diagram of the decision support system using the Data envelopment analysis method

Результаты

В последнее время одной из важнейших мировых проблем является проблема экологии, загрязнения окружающей среды. В частности, это касается и Красноярского края, т. к. проблема загрязнения окружающей среды для г. Красноярск стоит особо остро. Уже не один десяток лет жители городов края вынуждены мириться с неблагоприятными условиями среды проживания, связанной с загрязнением [22]. На основе исследований, проведенных правительством Красноярского края, теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) и котельные являются основными источниками загрязнения экосистемы [23]. С увеличением производственных мощностей растет и объем выбрасываемых в воздух опасных и вредных веществ. Поэтому важным вопросом является контроль и предотвращение чрезмерного загрязнения окружающей среды.

Статистические данные показывают, что количество выбрасываемых отходов со всех трех ТЭЦ и с остальных предприятий и котельных города с каждым годом уменьшается. Мы видим положительную динамику, что связано с модернизацией на предприятиях. К примеру, на ТЭЦ 1 демонтировали три низкие трубы высотой 105–120 м и строят взамен одну новую высотой 275 м. Снос труб освободит место для установки электрофильтров с эффективностью очистки 99 %. В настоящее время на станции работают батарейные циклонные уловители с эффективностью 95 %. Также хотелось бы отметить, что неэффективные котельные выводят из эксплуатации. Однако для повышения эффективности функционирования необходимо провести еще множество мероприятий по модернизации системы теплоснабжения города [24]. В связи с актуальностью повышения эффективности работы ТЭЦ и котельных в качестве апробации метода выбрана сложная система – система теплоснабжения г. Красноярск.

Понятие сложной системы не имеет конкретного строгого определения. Но в общих чертах можно сказать, что сложной является система, которая состоит из множества компонентов (подсистем), взаимодействующих между собой. Основные черты сложной системы были рассмотрены выше [25].

Для получения результатов было использовано программное обеспечение *Data Envelopment Analysis Program*, разработанное в Университете Новой Англии в Австралии профессором T. Coelli [26]. Данное приложение находится в свободном доступе для использования в некоммерческих, академических целях [27].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

На основе проекта [28] «Схема теплоснабжения города Красноярска до 2033 года» были выбраны котельные системы теплоснабжения города в количестве двадцати восьми штук, принадлежащие десяти разным организациям. Выделены показатели по котельным за 2018 г., сформирована выборка, необходимая для решения задачи оценки эффективности системы на основании методологии АСФ [29].

По имеющимся исходным данным будем решать задачу по модели АСФ, ориентированную на выход, с одним входом и двумя выходами [30, с. 29–35]. В качестве входного показателя используем располагаемую тепловую мощность (Гкал/час). В качестве выходных – отпуск тепловой энергии в сеть (тыс. Гкал) и массу выброса (тыс. т в год).

При применении метода АСФ возможны ситуации, когда возникает необходимость в уменьшении части выходных показателей. В нашем случае необходимо уменьшить массу выбросов от котельных, хотя по модели следует их увеличивать. Для этого будем использовать в расчетах не значение показателей объектов по массе выбросов, а их отклонение от выбранного порогового значения [31, с. 7–13]. За пороговое примем значение равное 22000,0 тыс. т в год, как максимальную величину по этому показателю из всех ранжированных объектов, округленную до целого значения.

В табл. 2, содержится информация об исходных данных, т. е. о *DMU – Decision Making Unit* (модуль принятия решений) [32], одном входе и двух выходах. Данные последнего столбца таблицы демонстрируют отклонение выходного показателя от порогового значения.

Поставим цель – увеличить объем выхода без увеличения входа, т. е. при определенной мощности оборудования каждого DMU нам необходимо увеличить количество отпускаемой в сеть энергии, а также уменьшить количество выбросов или, что то же самое, увеличить отклонение массы выбросов от порогового значения. В соответствии с целью будем решать ориентированную на выход задачу.

Теперь применим эффект масштаба. В данном исследовании будем использовать переменную отдачу от масштаба [33], т. к. совокупность данных является достаточно неоднородной, имеет большой разброс. Коэффициент вариации значительно выше 33 %: для показателей располагаемой тепловой мощности составляет 117,67 %, для показателей отпуска тепловой энергии в сеть – 130,74 %, для показателей массы выброса – 97,98 %.

Проекция неэффективного объекта на границу эффективности – это гипотетический объект [34]. Гипотетический объект образуется как линейная комбинация одного и более эффективных объектов, эти объекты иначе называются эталонными. Каждый объект имеет свой весовой коэффициент и является составляющей линейной комбинации. То есть неэффективному объекту ставятся в соответствие эффективные, чем больше коэффициент у этого эталонного объекта, тем ближе соотношение значений неэффективного и эталонного [35]. Отметим результаты показателей эффективности для каждого объекта в табл. 3.

Изучив табл. 3, можно увидеть, что, например, для шестого DMU – Объекта № 6 – эталонными являются второе и пятое предприятие, причем Объект № 2 с коэффициентом 0,158, а Объект № 5 с коэффициентом 0,842, следовательно, показатели Объекта № 5 ближе к показателям Объекта № 6, но Объект № 2 тоже вносит свой вклад. Для Объекта № 7 эталонными являются третье и пятое предприятие с коэффициентами 0,034 и 0,966 соответственно, следовательно, показатели Объекта № 5 значительно ближе к показателям Объекта № 7. Для восьмого DMU – Объекта № 8 – эталонными являются Объект № 4 с коэффициентом 0,154 и Объект № 11 с коэффициентом 0,846:

Табл. 2. Исходные данные – перечень DMU, входы и выходы

Tab. 2. Source data: list of Decision Making Units, inputs, and outputs

Название DMU	Вход (x)	Выход (y)		
	Располагаемая тепловая мощность, Гкал/час	Отпуск тепловой энергии в сеть, тыс. Гкал в год	Масса выброса, тыс. т в год	Масса выброса (отклонение)
Объект № 1	1464,00	3531,00	21165,6953	834,3047
Объект № 2	1405,00	3470,00	18218,3039	3781,6960
Объект № 3	631,50	1914,00	12655,9817	9344,0180
Объект № 4	288,96	442,63	989,2731	21010,7300
Объект № 5	136,43	394,93	2247,1820	19752,8200
Объект № 6	339,85	795,60	6431,6010	15568,4000
Объект № 7	153,20	423,39	6789,9520	15210,0500
Объект № 8	96,60	82,83	2221,0240	19778,9800
Объект № 9	373,00	433,39	2709,6086	19290,3900
Объект № 10	120,00	157,55	1755,0000	20245,0000
Объект № 11	61,60	70,36	1231,4500	20768,5500
Объект № 12	57,60	98,95	1839,6038	20160,4000
Объект № 13	57,60	98,95	20160,4000	1839,6000

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

показатели Объекта № 11 ближе к показателям Объекта № 8. Для Объекта № 9 эталонными являются второе и четвертое предприятие, причем Объект № 2 с коэффициентом 0,009, а Объект № 4 с коэффициентом 0,991, следовательно, показатели Объекта № 4 практически одинаковые с показателями Объекта № 9. Десятому DMU эталонными являются четвертое и одиннадцатое предприятие, причем Объект № 4 с коэффициентом 0,257, а Объект № 11 с коэффициентом 0,743, следовательно, показатели Объекта № 11 ближе к показателям Объекта № 10.

Как уже было отмечено ранее, метод АСФ формирует рекомендуемые значения показателей для неэффективных объектов – котельных и теплоэлектроцентралей. Если бы неэффективные DMU соответствовали рекомендуемым значениям показателей, то они переместились бы на границу эффективности. Метод АСФ не анализирует элементы и процессы внутри системы. Он позволяет анализировать только входы и выходы, а также давать рекомендации по оптимизации этих показателей для повышения эффективности работы системы в целом.

Табл. 4 содержит все исходные и рекомендуемые значения для всех исследуемых объектов. В ней для сравнения представлены показатели отклонения фактического показателя от оптимального. Оптимальное значение по решению данной задачи методом АСФ будет равно 1. Обратим внимание на последнюю колонку таблицы. Можно заметить, что изменение показателей по разным входам или выходам для одного DMU не будет являться одинаковым. Это объясняется тем, что иногда возникает необходимость не только пропорционального увеличения значений, но и дополнительного увеличения не в одинаковых пропорциях.

Табл. 3. Результат оценки эффективности (модель, ориентированная на выход, переменная отдача от масштаба)

Tab. 3. Performance evaluation result (output-oriented model, variable returns to scale)

Название DMU	Показатель эффективности	Место	Эталонные DMU	
Объект № 1	1	1	Объект № 1	–
Объект № 2	1	1	Объект № 2	–
Объект № 3	1	1	Объект № 3	–
Объект № 4	1	1	Объект № 4	–
Объект № 5	1	1	Объект № 5	–
Объект № 6	0,902	12	Объект № 2	0,158
			Объект № 5	0,842
Объект № 7	0,948	10	Объект № 3	0,034
			Объект № 5	0,966
Объект № 8	0,951	9	Объект № 4	0,154
			Объект № 11	0,846
Объект № 9	0,925	11	Объект № 2	0,009
			Объект № 4	0,991
Объект № 10	0,972	8	Объект № 4	0,257
			Объект № 11	0,743
Объект № 11	1	1	Объект № 11	–
Объект № 12	1	1	Объект № 12	–
Объект № 13	1	1	Объект № 13	–
Среднее значение	0,975	–	–	–

Объекты № 1–6 и Объекты № 12, 13 системы теплоснабжения г. Красноярск функционируют максимально эффективно. Их показатели эффективности составляют максимальное из возможных значений и равны 1, т. е. не требуется проводить никакого вмешательства в работу 8 объектов системы теплоснабжения города. По данным, представленным в табл. 4, можно также увидеть, что для объектов с показателем эффективности меньше 1 есть отклонения по показателям входа и выходов фактических данных и рекомендованных. Их коэффициент эффективности меньше 1, соответственно требуется провести улучшения для работы данных предприятий в целях улучшения работы системы теплоснабжения г. Красноярск в целом. Это объекты № 7–11. Для Объекта № 7 рекомендуется увеличить отпуск тепловой энергии в сеть на 11 %, а массу выброса уменьшить на 10,8 % без изменения мощности оборудования. Для Объекта № 8 рекомендуется увеличить отпуск тепловой энергии в сеть на 5,4 %, а массу выброса сократить на 27,5 % без изменения мощности оборудования. Для Объекта № 9 рекомендуется увеличить отпуск тепловой энергии в сеть на 54,13 %, а массу выброса сократить на 5,2 % без изменения мощности оборудования. Для Объекта № 10 рекомендуется увеличить отпуск тепловой энергии в сеть на 8,15 %, а массу выброса уменьшить на 8,15 %, при этом мощность оборудования снизить на 19,95 %. Для Объекта № 11 рекомендуется увеличить отпуск тепловой энергии в сеть на 5,35 %, а массу выброса сократить на 2,9 % без изменения мощности оборудования.

Изучив основные внутренние технологические процессы объектов системы теплоснабжения г. Красноярск, можно предложить рекомендации по проведению модернизации котельных и теплоэлектроцентралей с коэффициентом эффективности менее 1. Рекомендуется провести внутреннюю модернизацию пяти объектов системы теплоснабжения г. Красноярск. Это возможно осуществить за счет следующих мер:

- использование сырья с более высоким коэффициентом теплоотдачи;
- переход котельных на гибридную работу (выработка электроэнергии для собственных нужд);
- использование продуктов горения угля в коммерческих целях (переработка и повторное использование);
- применение более эффективных узлов и механизмов оборудования;
- внедрение компьютеризированных линий;
- снижение теплопотерь в системе с помощью использования новых видов теплоизоляции.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

Табл. 4. Рекомендуемые значения показателей

Tab. 4. Recommended indicator values

Отделение (DMU)	Показатель эффективности			
Входы и выходы	**Исходное значение**	**Рекомендуемое значение**	**Разность между значениями**	**Разность, %**
Объект № 1	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	1464	1464	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	3531	3531	0	0
Масса выброса	834,3047	834,3047	0	0
Объект № 2	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	1405	1405	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	3470	3470	0	0
Масса выброса	3781,696	3781,696	0	0
Объект № 3	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	631,5	631,5	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	1914	1914	0	0
Масса выброса	9344,018	9344,018	0	0
Объект № 4	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	288,96	288,96	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	442,63	442,63	0	0
Масса выброса	21010,73	21010,73	0	0
Объект № 5	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	1464	1464	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	3531	3531	0	0
Масса выброса	834,3047	834,3047	0	0
Объект № 6	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	136,43	136,43	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	394,93	394,93	0	0
Масса выброса	19752,82	19752,82	0	0
Объект № 7	0,902	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	339,85	339,85	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	795,6	881,735	86,135	11
Масса выброса	15568,4	17253,905	1685,505	10,8
Объект № 8	0,948	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	153,2	153,2	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	423,39	446,387	22,997	5,4
Масса выброса	15210,05	19400,232	4190,182	27,5
Объект № 9	0,951	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	96,6	96,6	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	82,83	127,668	44,838	54,13
Масса выброса	19778,98	20805,831	1026,851	5,2
Объект № 10	0,925	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	373	298,573	–74,427	–19,95
Отпуск тепловой энергии в сеть	433,39	468,706	35,316	8,15
Масса выброса	19290,39	20862,328	1571,938	8,15
Объект № 11	0,972	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	120	120	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	157,55	165,982	8,432	5,35
Масса выброса	20245	20830,757	585,757	2,9
Объект № 12	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	61,6	61,6	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	70,36	70,36	0	0
Масса выброса	20768,55	20768,55	0	0

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

Отделение (DMU)	Показатель эффективности			
Входы и выходы	**Исходное значение**	**Рекомендуемое значение**	**Разность между значениями**	**Разность, %**
Объект № 13	1	–	–	–
Располагаемая мощность оборудования	57,6	57,6	0	0
Отпуск тепловой энергии в сеть	98,95	98,95	0	0
Масса выброса	20160,4	20160,4	0	0

Заключение

В статье была предложена настройка метода АСФ для решения задачи оценки эффективности функционирования системы теплоснабжения г. Красноярск, в частности для оценки уровня выбрасываемых вредных веществ в окружающую среду с различных предприятий, оказывающих услуги теплоснабжения. В последние 25 лет АСФ широко применяется для оценки эффективности функционирования сложных систем в различных сферах. Но вместе с тем метод не использовался для оценки эффективности функционирования теплоэлектроцентралей и котельных.

Рассмотрена архитектура универсальной СППР, отражающая структуру взаимосвязей объектов. Произведена адаптация метода АСФ для применения в СППР, что позволяет повысить эффективность управления сложными системами. Модифицирована архитектура универсальной СППР в архитектуру с применением метода АСФ, более полно отражающая структуру взаимосвязей объектов. Данная архитектура позволит более обоснованно и качественно подходить к процессу принятия решения в организациях системы теплоснабжения, в том числе по оценке степени безопасности предприятия относительно окружающей среды и в общем по оценке эффективности функционирования данных предприятий.

На основе проведенного сравнительного анализа, сделаны выводы об эффективности использования метода АСФ, т. к. он позволяет представить эффективность объекта в виде числового значения за счет вычисления одного агрегированного показателя для каждого из объектов, используя входные и выходные показатели. Метод АСФ был апробирован на системе теплоснабжения г. Красноярск. В качестве предприятий рассматривались теплоэлектроцентрали и котельные. Проанализированы основные показатели входа (располагаемая тепловая мощность) и выходов (отпуск тепловой энергии в сеть и масса выброса) исследуемых предприятий. Представлены рекомендуемые показатели этих значений, рассчитанные по методу АСФ для улучшения функционирования данных объектов. Проанализировано тринадцать объектов системы теплоснабжения г. Красноярск из числа котельных и теплоэлектроцентралей. Восемь объектов системы работают в оптимальном режиме, поэтому улучшения по данным предприятиям проводить не требуется. У пяти объектов системы теплоснабжения города показатели эффективности меньше 1, т. е. предприятия работают не в оптимальном режиме, и по ним требуется провести улучшения показателей входов и выходов в целях улучшения работы системы теплоснабжения г. Красноярск в целом.

По результатам оценки эффективности по методу АСФ предложены рекомендации для улучшения эффективности функционирования системы теплоснабжения г. Красноярск.

Литература

1. Моргунов Е. П., Моргунова О. Н. Формирование искусственной границы эффективности в методе Data Envelopment Analysis // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева / под общ. ред. Г. П. Белякова. Красноярск: СибГАУ, 2003. С. 385–386.
2. Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. Data Envelopment Analysis. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000. 318 p. DOI: 10.1007/b109347
3. Шугалей А. П., Чевтаева В. В., Долганова А. А. Применение метода Data Envelopment Analysis для оценки эффективности функционирования отделений медицинского учреждения // Решетневские чтения. 2018. Т. 2. С. 372–373.
4. Emrouznejad A. R., Yang G. A survey and analysis of the first 40 years of scholarly literature in DEA: 1978–2016 // Socio-Economic Planning Sciences. 2018. Vol. 61. P. 4–8. DOI: https://doi.org/10.1016/j.seps.2017.01.008
5. Моргунов Е. П. Система поддержки принятия решений при исследовании эффективности сложных систем: принципы разработки, требования и архитектура // Вестник СибГАУ. 2007. № 3. С. 59–63.
6. Emrouznejad A. R.., Banker R., Lopes A. L. M., Almeida M. Data Envelopment Analysis in the public sector // Socio-Economic Planning Sciences. 2014. Vol. 48. Iss. 1. P. 2–3. DOI: 10.1016/j.seps.2013.12.005
7. Моргунова О. Н. Информационная система как источник данных для оценки уровня эффективности объектов и процессов в сфере высшего образования // Теоретические и прикладные вопросы современных информационных технологий: мат-лы VI Всерос. науч.-техн. конф. (Улан-Удэ, 25–31 июля 2005 г.) Улан-Удэ, 2005. Ч. 2. С. 286–289.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

8. Ковалев И. В., Карасева М. В. Мультилингвистические технологии подготовки и принятия решений в распределенных информационно-управляющих системах. Красноярск: СибГАУ, 2010. 132 с.
9. Руйга И. Р., Ступина А. А. Оценка инновационной и инвестиционной устойчивости социально-экономических систем на основе методов системного анализа: теоретический аспект // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: тенденции 2025: сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. (Санкт-Петербург, 3–5 апреля 2019 г.) СПб., 2019. С. 201–209. DOI: 10.18720/IEP/2019.1/29
10. Kuzmich R. I., Stupina A. A., Korpacheva L. N., Ezhemanskaja S. N., Ruiga I. R. The modified method of logical analysis used for solving classification problems // Informatica. 2018. Vol. 29. № 3. P. 467–486. DOI: http://dx.doi.org/10.15388/Informatica.2018.176
11. Моргунова О. Н. Проблема оценки эффективности сложных иерархических систем // Системный анализ в проектировании и управлении: тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня – 8 июля 2005 г.) СПб., 2005. С. 48–53.
12. Foroughi A. A., Shureshjani R. A. Solving generalized fuzzy data envelopment analysis model: a parametric approach // Cent. Eur. J. Oper. Res. 2017. Vol. 25. P. 889–905. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-016-0448-5
13. Царев Р. Ю., Волков В. А., Лохмаков П. М. Программно-информационные технологии повышения надежности систем управления // Инновационные недра Кузбасса. IT-технологии: тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. (Кемерово, 19–21 марта 2007 г.) Кемерово, 2007. С. 63–66.
14. Ruiga I. R., Stupina A. A., Kovzunova E. S., Chayka A. A., Shkradyuk I. A. Practical implementation of Data Envelopment Analysis technology to assess the innovative sustainability of resource-type regions // Journal Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1399. Iss. 3. DOI: doi:10.1088/1742-6596/1399/3/033118
15. Чернышова Г. Ю., Ковалев Р. Н. Применение модели анализа среды функционирования (Data Envelopment Analysis) для оценки эффективности web-ресурсов // Фундаментальные исследования. 2017. № 8-2. С. 453–457.
16. Pokushko M. V., Stupina A. A., Medina-Bulo I., Dresvianskii E. S., Karaseva M. V. Application of data envelopment analysis method for assessment of performance of enterprises in fuel and energy complex // Journal of Physics: Conference Series. 2019. Vol. 1353. DOI: 10.1088/1742-6596/1353/1/012140
17. Widiarto I., Emrouznejad A. Social and financial efficiency of Islamic microfinance institutions: a Data Envelopment Analysis application // Socio-Economic Planning Sciences. 2015. Vol. 50. P. 1–17. DOI: https://doi.org/10.1016/j.seps.2014.12.001
18. Антамошкин А. Н., Моргунова О. Н., Моргунов Е. П. Методика исследования эффективности сложных иерархических систем // Вестник СибГАУ. 2006. № 2. С. 9–13.
19. Руйга И. Р. Возможности использования Data Envelopment Analysis для оценки уровня инновационной устойчивости региона // Решетневские чтения. 2017. Т. 2. С. 452–453.
20. Jablonsky J. Efficiency analysis in multi-period systems: an application to performance evaluation in Czech higher education // Cent. Eur. J. Oper. Res. 2016. Vol. 24. P. 283–296. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-015-0401-z
21. Roháčová V. A DEA based approach for optimization of urban public transport system // Cent. Eur. J. Oper. Res. 2015. Vol. 23. P. 215–233. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-013-0314-7
22. Руйга И. Р., Землянко М. П. Зарубежный опыт использования цифровых технологий в стратегическом развитии крупного города // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы: тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием.(Санкт-Петербург, 2–4 апреля 2018 г.) СПб., 2018. С. 217–225. DOI: 10.18720/IEP/2018.1/29
23. Takano Y., Ishii N., Muraki M. Multi-period resource allocation for estimating project costs in competitive bidding // Cent. Eur. J. Oper. Res. 2017. Vol. 25. P. 303–323. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-016-0438-7
24. Branda M., Kopa M. On relations between DEA-risk models and stochastic dominance efficiency tests // Cent. Eur. J. Oper. Res. 2014. Vol. 22. P. 13–35. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-012-0283-2
25. Буренок В. М., Лавринов Г. А., Хрусталев Е. Ю. Механизмы управления производством продукции военного назначения. М.: Наука, 2006. 303 с.
26. Моргунов Е. П., Моргунова О. Н. Продвижение метода оценки эффективности систем Data Envelopment Analysis в России // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29 июня – 1 июля 2016 г.) СПб., 2016. С. 390–398.
27. Кривоножко В. Е., Лычев А. В. Анализ деятельности сложных социально-экономических систем. М.: МАКС Пресс, 2010. 207 с.
28. Буссофиане А., Дайсон Р. Дж., Танасулис Э. Прикладной анализ свертки данных // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 2. С. 63–88.
29. Федотов Ю. В. Измерение эффективности деятельности организации: особенности метода DEA (анализа свертки данных) // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 2. С. 51–62.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

30. Моргунов Е. П. Многомерная классификация на основе аналитического метода оценки эффективности сложных систем: дис. … канд. техн. наук. Красноярск, 2003. 160 с.
31. Лунгу К. Н. Линейное программирование. Руководство к решению задач. М.: Физматлит, 2005. 126 с.
32. Порунов А. Н. Оценка сравнительной эффективности государственного менеджмента экологической безопасности в регионе методом DEA-анализа (на примере Приволжского федерального округа) // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2016. № 1. С. 104–111. DOI: 10.17586/2310-1172-2016-9-1-104-111
33. Моргунова О. Н., Моргунов Е. П. Компьютерная поддержка принятия решений по оценке эффективности функционирования вуза // IT-инновации в образовании: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 27–30 июня 2005 г.) Петрозаводск, 2005. С. 152–154.
34. Петухов Г. Б., Якунин В. И. Методологические основы внешнего проектирования целенаправленных процессов и целеустремленных систем. М.: АСТ, 2006. 504 с.
35. Прангишвили И. В. Системный подход и повышение эффективности управления. М.: Наука, 2005. 420 с.

original article

Data Envelopment Analysis in Performance Assessment of Fuel and Energy Complex Enterprises*

Mariia V. Pokushko [a, b, @]; Alena A. Stupina [a, c, d]; Inmaculada Medina-Bulo [b]; Egor S. Dresvianskii [a, b]
[a] Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk
[b] University of Cadiz, Spain, Puerto Real
[c] Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk
[d] Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russia, Krasnoyarsk
[@] mvp1984@mail.ru

Received 23.03.2020. Accepted 13.04.2020.

Abstract: The authors applied the Data Envelopment Analysis (DEA) to assess the performance of the heat supply system in the city of Krasnoyarsk. The article provides a detailed description of the DEA method, its positive sides and shortcomings. The research included a comparative analysis of performance assessment methods in terms of advantages and disadvantages. The DEA method proved the most convenient tool for measuring the production efficiency of an object. The authors modified the architecture of the universal decision support system into a DEA-based one. The DEA method also proved highly efficient in assessing the performance of the heat supply system in the city of Krasnoyarsk. The analysis made it possible to develop recommendations to improve the efficiency of the local heat supply system using the case of thirteen unites, e.g. boilers, heat and power plants, etc. The input indicator was represented by the available heat capacity. Heat output to the grid and emission mass were used as output indicators. Based on the available initial data, the authors constructed an output-oriented model for analyzing the functioning environment with one input and two outputs. They identified inefficient units of the Krasnoyarsk heat supply system and proposed optimization of input and output values for each unit to improve the functioning of the heat supply system as a whole. The developed for the upgrading of boilers and heat and power plants had an efficiency index in the range up to 1.

Keywords: decision support system, model, decision module, linear programming, heat supply system, level of harmful substances emitted, heat output, heat energy supply to the network, mass of emission, environment

For citation: Pokushko M. V., Stupina A. A., Medina-Bulo I., Dresvianskii E. S. Data Envelopment Analysis in Performance Assessment of Fuel and Energy Complex Enterprises. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 251–262. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

References

1. Morgunov E. P., Morgunova O. N. Formation of an artificial border of efficiency in the Data Envelopment Analysis method. *Bulletin of the Reshetnev Siberian State Aerospace University*, ed. Beliakov G. P. Krasnoyarsk: SibGAU, 2003, 385–386. (In Russ.)
2. Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. *Data Envelopment Analysis*. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000, 318. DOI: 10.1007/b109347
3. Shugaley A. P., Chevtaeva V. V., Dolganova A. A. Application of the Data Envelopment Analysis method for measuring of efficiency of departments of medical institution. *Reshetnevsky Readings*, 2018, 2: 372–373. (In Russ.)
4. Emrouznejad A. R., Yang G. A survey and analysis of the first 40 years of scholarly literature in DEA: 1978–2016. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2018, 61: 4–8. DOI: https://doi.org/10.1016/j.seps.2017.01.008
5. Morgunov E. P. Decision support system for efficiency assessment of complex systems: design principles, requirements and architecture. *Vestnik SibGAU*, 2007, (3): 59–63. (In Russ.)
6. Emrouznejad A. R., Banker R., Lopes A. L. M., Almeida M. Data Envelopment Analysis in the public sector. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2014, 48(1): 2–3. DOI: 10.1016/j.seps.2013.12.005
7. Morgunova O. N. The information system as a data source for assessing the level of efficiency of objects and processes in the field of higher education. *Theoretical and applied issues of modern information technologies:* Proc. VI All-Russian Sci.-Techn. Conf., Ulan-Ude, July 25–31, 2005. Ulan-Ude, 2005, pt. 2, 286–289. (In Russ.)
8. Kovalev I. V., Karaseva M. V. *Multilinguistic technologies of preparation and decision-making in distributed information and control systems*. Krasnoyarsk: SibGAU, 2010, 132. (In Russ.)
9. Ruiga I. R., Stupina A. A. Assessment of innovation and investment the sustainability of socio-economic systems based on methods of system analysis: theoretical aspect. *Digital economy and industry 4.0: trends 2025*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, St. Petersburg, April 3–5, 2019. St. Petersburg, 2019, 201–209. (In Russ.) DOI: 10.18720/IEP/2019.1/29
10. Kuzmich R. I., Stupina A. A., Korpacheva L. N., Ezhemanskaja S. N., Ruiga I. R. The modified method of logical analysis used for solving classification problems. *Informatica*, 2018, 29(3): 467–486. DOI: http://dx.doi.org/10.15388/Informatica.2018.176
11. Morgunova O. N. The issue of performance assessment of complex hierarchical systems. *System analysis in design and management*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, June 30 – July 8, 2005. St. Petersburg, 2005, 48–53. (In Russ.)
12. Foroughi A. A., Shureshjani R. A. Solving generalized fuzzy data envelopment analysis model: a parametric approach. *Cent. Eur. J. Oper. Res.*, 2017, 25: 889–905. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-016-0448-5
13. Tsarev R. Yu., Volkov V. A., Lokhmakov P. M. Software and information technologies for improving the reliability of control systems. *Innovative resources of the Kuznetsk basin. IT-technologies:* Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, March 19–21, 2007. Kemerovo, 2007, 63–66. (In Russ.)
14. Ruiga I. R., Stupina A. A., Kovzunova E. S., Chayka A. A., Shkradyuk I. A. Practical implementation of Data Envelopment *Analysis technology to assess the innovative sustainability of resource-type regions. Journal Physics*: Conference Series, 2019, 1399(3). DOI: doi:10.1088/1742-6596/1399/3/033118
15. Chernyshova G. Yu., Kovalev R. N. Application of the Data Envelopment Analysis model for the web-resources efficiency. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2017, (8-2): 453–457. (In Russ.)
16. Pokushko M. V., Stupina A. A., Medina-Bulo I., Dresvianskii E. S., Karaseva M. V. Application of data envelopment analysis method for assessment of performance of enterprises in fuel and energy complex. *Journal of Physics: Conference Series*, 2019, 1353. DOI: 10.1088/1742-6596/1353/1/012140
17. Widiarto I., Emrouznejad A. Social and financial efficiency of Islamic microfinance institutions: a Data Envelopment Analysis application. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2015, 50: 1–17. DOI: https://doi.org/10.1016/j.seps.2014.12.001
18. Antamoshkin A. N., Morgunova O. N., Morgunov E. P. Efficiency assessment technique for complex hierarchical systems. *Vestnik SibGAU,* 2006, (2): 9–13. (In Russ.)
19. Ruiga I. R. The possibilitiy of using the Data Envelopment Analysis method to estimate the region innovative stability. *Reshetnevsky Readings,* 2017, 2: 452–453. (In Russ.)
20. Jablonsky J. Efficiency analysis in multi-period systems: an application to performance evaluation in Czech higher education. *Cent. Eur. J. Oper. Res.*, 2016, 24: 283–296. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-015-0401-z
21. Roháčová V. A DEA based approach for optimization of urban public transport system. Cent. Eur. J. Oper. Res., 2015, 23: 215–233. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-013-0314-7

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-251-262

22. Ruiga I. R., Zemlyanko M. P. Foreign experience of using digital technologies in the city's strategic development. *Digital economy and Industry 4.0: new challenges*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, St. Petersburg, April 2–4, 2018. St. Petersburg, 2018, 217–225. (In Russ.) DOI: 10.18720/IEP/2018.1/29
23. Takano Y., Ishii N., Muraki M. Multi-period resource allocation for estimating project costs in competitive bidding. *Cent. Eur. J. Oper. Res.*, 2017, 25: 303–323. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-016-0438-7
24. Branda M., Kopa M. On relations between DEA-risk models and stochastic dominance efficiency tests. *Cent. Eur. J. Oper. Res.*, 2014, 22: 13–35. DOI: https://doi.org/10.1007/s10100-012-0283-2
25. Burenok V. M., Lavrinov G. A., Khrustalev E. Iu. *Mechanisms for managing production of military products*. Moscow: Nauka, 2006, 303. (In Russ.)
26. Morgunov E. P., Morgunova O. N. Promotion of the method of performance assessment of the Data Envelope Analysis systems in Russia. *System analysis in design and management*: Proc. XX Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, June 29 – July 1, 2016. St. Petersburg, 2016, 390–398. (In Russ.)
27. Krivonozhko V. E., Lychev A. V. *An analysis of the activities of complex socio-economic systems*. Moscow: MAKS Press, 2010, 207. (In Russ.)
28. Bussofiane A., Dyson R. G., Thanassoulis E. Applied data envelopment analysis. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2012, 10(2): 63–88. (In Russ.)
29. Fedotov Yu. V. Measuring organization performance: features of the DEA method (Data Envelopment Analysis). *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2012, 10(2): 51–62. (In Russ.)
30. Morgunov E. P. *Multidimensional classification based on the analytical method of evaluating the effectiveness of complex systems.* Cand. Tech. Sci. Diss. Krasnoyarsk, 2003, 160. (In Russ.)
31. Lungu K. N. *Linear programming. Guide to solving problems*. Moscow: Fizmatlit, 2005, 126. (In Russ.)
32. Porunov A. N. The comparative effectiveness of public management environmental security in the region by dea-analysis (for example Volga federal district). *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2016, (1): 104–111. (In Russ.) DOI: 10.17586/2310-1172-2016-9-1-104-111
33. Morgunova O. N., Morgunov E. P. Computer support for decision-making on evaluating the effectiveness of the University's functioning. *IT-innovations in education*: Proc. All-Russian Sci.–Prac. Conf., Petrozavodsk, June 27–30, 2005. Petrozavodsk, 2005, 152–154. (In Russ.)
34. Petukhov G. B., Iakunin V. I. *Methodological foundations of external design of purposeful processes and purposeful systems.* Moscow: AST, 2006, 504. (In Russ.)
35. Prangishvili I. V. *System approach and improvement of management efficiency*. Moscow: Nauka, 2005, 420. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

оригинальная статья
УДК 338.2:004.9

Трансформация технологий маркетинга в цифровой среде*

Владислав Г. Шадрин [a, @, ID]; Ольга Н. Котова [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] vladii@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-1825-0097

Поступила в редакцию 25.03.2020. Принята к печати 17.04.2020.

Аннотация: Изменения в способах ведения бизнеса и поведения потребителей привели к эволюции маркетинга и появлению нового содержания комплекса маркетинга, что и явилось предметом исследования данной работы. Цель – изучить содержание Marketing 4.0 и изменение связей между брендом и потребителем. Проведен анализ изменений концепций маркетинга, доказано, что в настоящее время потребители являются соучастниками маркетинговых коммуникаций. Определена особая ценность интернет-сообщества и лидеров мнений, информацию которых потребитель считает более релевантной. Выявлено значение социальных сетей и мессенджеров для формирования концепции сообществ, влияние коммуникаторов сообществ из клиентов, а также возрастающая значимость кастомизации и персонализации при продвижении брендов и продуктов в эпоху диджитализации. Отмечено, что огромную роль начинает играть потребительский опыт и получение удовольствия от маркетингового взаимодействия. В результате соединения в целое полученных ранее материалов было определено изменение в комплексе маркетинга в цифровой экономике с 4P на 4C и возникновение сообществ потребителей, ориентированных на поиск информации в интернет-среде, нелояльных к традиционным способам маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, комплекс маркетинга, маркетинговые коммуникации, продажи, потребитель, лояльность

Для цитирования: Шадрин В. Г., Котова О. Н. Трансформация технологий маркетинга в цифровой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 263–269. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

Введение

Маркетинговые технологии во многом являются продуктом своего времени. Их эволюция на сегодняшний день может быть с пользой разделена на четыре основных этапа:

- Marketing 1.0, ориентированный на продукт;
- Marketing 2.0, ориентированный на клиента, предоставление как материальных, так и нематериальных продуктов для удовлетворения их потребностей;
- Marketing 3.0, клиентоориентированный подход, который связывает продукты с различными эмоциональными компонентами. В приобретаемых товарах и услугах люди ищут удовлетворение не только своих функциональных и эмоциональных нужд, но и потребностей человеческой души;
- Marketing 4.0 подчеркивает возможности информационных технологий, с помощью которых продавцы не пытаются продвигать свои продукты отдельным клиентам, а создают сообщество, в которое входят существующие и потенциальные клиенты и они сами.

Данная классификация хотя и не представляет радикального прорыва, но сочетает в себе физический и виртуальный рынки, онлайн и оффлайн маркетинговые подходы [1].

В рамках сообщества, созданного Marketing 4.0, продавцы и покупатели связаны не формальными правилами членства, а чувством принадлежности и общим смыслом, которые они совместно создают вместе с продуктами, идеями, чувствами и видениями [2]. Следовательно, в эпоху Marketing 4.0 бизнес не может просто донести до публики свое собственное значение, ценности и вклады, скорее, он должен испытать глубокий процесс совместного строительства – равносильного партнерству – со своими клиентами, их друзьями, семьями, друзьями в *Facebook*, подписчиками в *Twitter* и т. д. [3].

Методы и материалы. В работе использовался такой метод научного познания, как сравнение, в процессе которого содержание одной из функций маркетинговой деятельности – продажи – сопоставлялось с другими с целью определения общих черт либо различий между ними в условиях развития интернет-маркетинга. Также применялся метод синтеза для соединения ранее выделенных свойств комплекса маркетинга в единое целое в процессе цифровой трансформации бизнеса и изменений в поведении потребителей.

* Статья написана в рамках III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Кузбасса «Управление организациями в современной экономике». Специальная тема: «Цифровая трансформация управления».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

Результаты

Совсем недавно Л. Ву и Х. Лю утверждали, что Marketing 4.0 позволяет продавцам и покупателям совместно создавать продукты, которые отвечают потребностям друг друга, с социальными сетями и концепцией сообществ, которые играют роль катализаторов этого процесса [4; 5]. Важно, что как Marketing 3.0, так и Marketing 4.0 все еще находятся на концептуальной стадии и что практические случаи совместного творчества в маркетинговых контекстах остаются редкими [6].

М. Краусс выдвинул еще один аргумент – специалисты по маркетингу 4.0 должны не просто привлекать к себе внимание, но превратить потребителей в пропагандистов своих предприятий или продуктов после их использования [2].

Р. Верхоеф и др. указали, что около половины совместных действий заканчиваются неудачей, часто потому, что клиенты «похищают» свои идеи; тем не менее Marketing 4.0 позволил маркетологам переосмыслить значение маркетинга и глубоко задуматься над устоявшимися концепциями потребления и использования социальных сетей [6]. Такие размышления побудили их оценить концепцию сообщества не только как средство побудить определенные группы людей покупать конкретные продукты, но и как способ использования межличностных коммуникаций «из уст в уста», посредством которых лояльные клиенты продвигают бренды через Интернет [7; 8]. Неудивительно, что в эпоху Marketing 4.0 особое внимание уделяется комментариям, сделанным в таких сообществах и третьими лицами. Существующие и потенциальные клиенты используют онлайн-инструменты и консультируются с другими пользователями сети, чтобы найти любимые продукты, общаются с коммуникаторами брендов и, таким образом, создают собственные каналы сбыта [9]. При этом клиенты сообщают, что информация, которую они получают от интернет-сообществ, является более ценной, чем информация, полученная непосредственно от производителей продуктов и поставщиков услуг [10]. В условиях Marketing 4.0 потребители не только проходят все четыре фазы модели внимания, интереса, желания, действия (AIDA), но и модели 5A, что означает, что, помимо покупки продукта или услуги, они готовы поддержать и продвигать их [11]. Историческое развитие этой трансформации в процессах закупок представлено в таблице.

AIDA была предложена в конце XIX в. американским специалистом по рекламе Элиасом Сент-Элмо Льюисом, который считал, что реклама и убеждение должны быть в состоянии привлечь внимание покупателей, вызвать их интерес, усилить их желание владеть продуктом и, наконец, побудить их принять меры, направленные на его приобретение [12]. Тем не менее последствия интеграции этой модели в общий маркетинговый процесс быстро расширились и трансформировались: например, в AIDMA (внимание, интерес, желание, память, действие) – посредством добавления концепции памяти как инструмента маркетинга [13]. Значительно позже компания *Dentsu* в Японии разработала модель внимания, интереса, поиска, действий, обмена мнениями о продуктах (AISAS), в которой наряду с инициативой поиска продуктов после того, как их интерес обнаружен, потребители поделятся своим опытом их покупки в Интернете. Пользователи повторили это и сообщили, что воспринимаемая убедительность, воспринимаемая информативность и источник знаний были полезными предикторами воздействия интернет-маркетинга, в то время как воспринимаемая полезность и доверие вместе повысили вероятность того, что клиент примет сообщение, обсуждаемое в Интернете [14].

Более того, будет ли человек покупать, – это совершенно отдельный от лояльности вопрос. Поэтому ряд авторов

Табл. Трансформация управления процессом покупки в маркетинге
Tab. Transformation of the purchase process management in marketing

Модель	Содержание	Ключевая идея
AIDA	Внимание, интерес, желание, действие	Реклама должна привлечь внимание покупателей, вызвать их интерес, усилить их желание приобрести продукт
AIDA-S	Внимание, интерес, желание, действие, удовлетворение	Реклама должна привлечь внимание покупателей, вызвать их интерес, усилить их желание приобрести продукт, но очень важно отслеживать, получил ли потребитель требуемый эффект от покупки
AIDMA	Внимание, интерес, желание, память, действие	Добавлена концепция памяти как инструмент маркетинга
AISAS	Внимание, интерес, поиск, действие, обмен мнениями о продукте	Потребители поделятся своим опытом в Интернете после покупки
4As	Осведомленность, отношение, действие, повторное действие	Очень важно повторение действий при взаимодействии с компанией, влияние на лояльность клиентов
5As	Осведомленность, импонирование (привлекательность), расспросы, действие и отстаивание	Акцент на бренде или отличительных особенностях своего продукта, усиление впечатлений для «разогрева» желания приобрести продукт или услугу

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

дополнительно преобразуют модель AIDA в модель 4As, включающую в себя осведомленность, отношение, действие и действие снова [4]. Интерес и желание AIDA были объединены в отношение, в то время как была добавлена стадия повторения действий, чтобы подчеркнуть важность повторяющихся взаимодействий, т. е. лояльности клиентов [15]. Наконец, была предложена модель 5As, состоящая из осведомленности, импонирования, расспросов, действия и защиты. Привлекательность в данном случае подразумевает использование своего бренда или отличительных особенностей продукта или услуги, чтобы оживить и углубить впечатления существующих и потенциальных потребителей о нем. Из-за яркости таких впечатлений клиенты ищут продукт, услугу или бренд как в онлайн, так и в автономном режиме, и в ходе этого процесса их желание приобрести его возрастает. Затем, после такого приобретения, если клиенты считают, что качество хорошее, они расскажут о своем опыте покупки в обоих вышеупомянутых типах сообществ и станут пропагандистами продукта или услуги [16]. Учитывая эти обстоятельства, клиенты взаимодействуют с брендом через свой опыт потребления и послепродажного обслуживания. Следовательно, этот процесс требует общения и иных форм взаимодействия брендов со своими клиентами, чтобы гарантировать, что они сохраняют полную автономию и получают положительный и запоминающийся опыт [17].

Традиционно маркетинг всегда начинается с сегментации – деления рынка на однородные группы на основе их географических, демографических, психографических и поведенческих профилей. Сегментация обычно сопровождается таргетингом – практикой выбора одного или нескольких сегментов, которым бренд стремится следовать, исходя из их привлекательности и соответствия ему.

Однако сегментация и таргетирование иллюстрируют вертикальные отношения между брендом и его клиентами – это односторонние решения, принимаемые маркетологами без согласия их клиентов. Многие считают односторонние сообщения от брендов спамом.

В цифровой экономике клиенты социально связаны друг с другом в горизонтальных сетях сообществ. Сегодня сообщества – это новые сегменты. В отличие от сегментов, сообщества естественно формируются клиентами в пределах границ, которые они сами определяют. Сообщества клиентов невосприимчивы к спаму и нерелевантной рекламе. Фактически они отвергнут попытку компании пробиться в эти сети отношений. Чтобы эффективно взаимодействовать с сообществом клиентов, бренды должны запрашивать разрешение. Маркетинг разрешений, представленный Сетом Годином, вращается вокруг этой идеи запроса согласия клиентов до доставки маркетинговых сообщений [18].

При запросе разрешения бренды должны действовать как друзья, с искренним желанием помочь, сейчас в тренде натуральность и искренность. Подобно механизму в *Facebook*, клиенты будут иметь решение либо подтвердить, либо проигнорировать запросы на добавление в друзья. Это демонстрирует горизонтальные отношения между брендами и клиентами. Однако компании могут продолжать использовать сегментацию, таргетинг и позиционирование, если это делается прозрачным для клиентов образом.

В цифровой экономике клиенты теперь имеют возможность оценивать и даже тщательно анализировать обещания компании по позиционированию бренда. Благодаря такой прозрачности (в связи с ростом социальных сетей) бренды больше не могут давать ложных, не поддающихся проверке обещаний.

Неконтролируемое расширение интернет-пространства меняет все аспекты образа жизни потребителей. Эта информационная революция еще больше ускорилась с появлением т. н. Веб 2.0. В рамках этого явления корпоративные блоги, интернет-сообщества, социальные сети изменили привычную жизнь людей и изменили их отношение к информации, брендам, другим людям и даже самим себе. Маркетологи не могут оставаться равнодушными к этой меняющейся бизнес-среде. Они вынуждены переосмысливать то, как их компании ведут бизнес, разрабатывать инновационные подходы к маркетингу и, прежде всего, получать актуальную информацию о том, что происходит в сердцах и умах их нынешних и потенциальных клиентов.

Исследования, проведенные авторами среди молодых людей в возрасте 15–24 лет, показали, что они ежедневно проводят в Интернете от шести до десяти часов. Они получают доступ к интернет-ресурсам для множества видов деятельности, начиная от поиска информации, загрузки музыки и видео и заканчивая общением со своими друзьями.

Современный маркетинг эволюционировал с появлением более ориентированных на клиента маркетинговых сред и структур. Вся система создания ценности, коммуникации ценности и доставки ценности вращается вокруг потребителя, его ожиданий и его отношений с брендом, превращает потребителя из простого поставщика бренда в евангелиста, а затем и в партнера [19]. Кроме того, компании могут лучше взаимодействовать с потребителем и обслуживать его с помощью новейших технологических предложений. Современные цифровые технологии принесли аналитические инструменты, автоматизацию отдела продаж и предоставили возможности интеллектуального анализа данных организациям, которые обрабатывают потребительские данные и синхронизируют свои стратегии на основе профилей потребителей, сегментов и ожиданий [20]. Сегодня можно выделить следующие концепции в современной маркетинговой среде:

- маркетинг отношений;
- управление взаимоотношениями с клиентами (CRM);
- сотворчество;
- автоматизация процесса продаж;
- цифровой маркетинг.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

Остановимся подробнее на некоторых их них, которые предоставляют наибольший интерес в современных условиях.

Маркетинг отношений сконцентрирован вокруг необходимости для брендов инвестировать в отношения между брендом и потребителем. Исследования показали, что по мере того, как потребитель приобретает знания о бренде или продукте, его отношения с брендом значительно улучшаются. Маркетинг отношений фокусируется на продвижении потребителя вверх по континууму отношений между брендом и потребителем от состояния привлеченности к состоянию вовлеченности и, следовательно, к состоянию лояльности. Это очень актуально в современную цифровую эпоху. Предполагается, что потребители, которые любят или комментируют сообщение, связанное с брендом, в онлайн-домене, сообществе или социальной сети, занимаются этим брендом. Предполагается, что потребители, которые делятся контентом, связанным с брендом, или рекомендуют бренд другим, будут лояльны к бренду.

CRM концентрируется вокруг построения долгосрочных и выгодных отношений с выбранными клиентами и сближения с каждой точкой контакта. Это достигается путем формирования четырех типов связей между организациями и потребителями, особенно с использованием цифрового носителя. Социальные связи формируются в результате прямого потребительского взаимодействия без посредников. Финансовые связи образуются в результате какой-либо финансовой операции или предполагаемой финансовой выгоды между потребителем и организацией. Структурные связи формируются в силу предоставления некоторого структурного доступа к потребителю, такого как логин или идентификатор электронной почты. Эмоциональные связи формируются между организациями и потребителями с целью достижения потребительской лояльности и стимулирования намерения повторных покупок. Также для организаций требуется признавать стратегически значимых потребителей и развивать долгосрочные связи с ними для обеспечения лояльности потребителей и повышения ценности жизни клиентов.

Совместное творчество предполагает, например, обсуждение новых идей продукта с потребителями. Компании осознали необходимость перемен и начали привлекать потребителей к совместному творчеству для разработки новых продуктов и совершенствования технологических процессов. Многие интернет-форумы создаются с целью вовлечения потребителей в обсуждение новых продуктов и услуг и обмена этими идеями с более широким сообществом других участников. Эти организации впоследствии принимают самые популярные идеи, тем самым становясь все более ориентированными на клиента.

Появление цифрового маркетинга связано с развитием новых технологий и свидетельствует об эволюции маркетинга.

Внедрение интернет-стратегии приводит к конвергенции рынка, стратегий и ИТ, работающих в комплиментарной форме. Интернет играет ключевую роль в интеграции информации между поставщиками, клиентами и организацией.

Совершенствуются показатели интернет-маркетинга для оценки эффективности маркетинга и определения ключевых показателей эффективности, и при этом данные показатели отличаются от показателей эффективности традиционного маркетинга, например, большой интерес вызывает такой показатель, как пожизненная ценность клиента (*customer lifetime value, CLV, CLTV, lifetime value, LTV*), т. е. определение чистого дохода, связанного со всеми будущими отношениями с клиентом

Увеличилось число беспроводных сетей, что привело к резкому росту спроса на подключенную потребительскую электронику и существенно улучшило качество обслуживания потребителей в сети Интернет. Потребительские ожидания относительно качества их подключения растут по мере того, как все больше и больше устройств используются для развлечений – потоковых фильмов или онлайн-игр [20].

Увеличение пользования отдельными домохозяйствами компьютерами, мобильными телефонами и другими цифровыми гаджетами приводит к созданию огромного количества опытных интернет-потребителей с высоким уровнем интернет-грамотности. Люди с более высокой индивидуальной интернет-ценностью могут быть успешно использованы в качестве лидеров общественного мнения и пропаганды товаров, услуг, брендов среди потребителей, повышая эффективность цифрового маркетинга.

Рост показателей интернет-маркетинга, таких как продолжительность и глубина посещений потребителей в Интернете, время, проведенное в сети, просмотры страниц, ссылки на сайты и т. д., помогает маркетологам соответствующим образом контактировать с клиентами. Также отметим, что маркетинг становится более эффективным благодаря лучшей сегментации потребителей, прогнозированию потребительских предпочтений и потребительской аналитике. Профилирование потребителей может помочь в извлечении т. н. ДНК потребителей, что помогает в принятии решений в области маркетинга.

Таким образом, в мире концепция комплекса маркетинга постоянно развивается, чтобы обеспечить более широкое участие клиентов, а маркетинговый комплекс 4P должен быть переопределен как 4C – совместное создание, валюта, активация сообщества и коммуникация, или *co-creation, currency, communal activation, and conversation*. Именно через эту трансформацию происходит интегрирование цифрового маркетинга в экономическую деятельность и использование ключевых преимуществ электронных коммуникаций и сообществ потребителей для достижения маркетинговых целей организации, в том числе в цифровой среде.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

Заключение

В цифровой экономике совместное создание является новой стратегией развития продукта. Благодаря совместному созданию и привлечению клиентов на ранних стадиях разработки компании могут повысить уровень успешности разработки новых продуктов. Совместное создание позволяет клиентам настраивать и персонализировать продукты и услуги, создавая тем самым превосходные предложения.

Развивается в цифровую эпоху и концепция ценообразования: от стандартизированного 4 – к динамическому ценообразованию. Динамическое ценообразование – установление гибких цен на основе рыночного спроса и загрузки мощностей. Например, онлайн-магазины собирают огромное количество данных, анализируют их и, в свою очередь, предлагают уникальные цены для каждого клиента. Благодаря динамическому ценообразованию компании могут оптимизировать прибыльность, взимая с разных клиентов различные суммы в зависимости от моделей покупки, близости магазинов и других аспектов профиля клиента. В цифровой экономике цена похожа на валюту, которая колеблется в зависимости от спроса на рынке.

Концепция каналов распределения также меняется. В экономике совместного использования наиболее мощной является одноканальное распределение. Клиенты требуют практически мгновенного доступа к продуктам и услугам, которые могут быть предоставлены только в непосредственной близости от их партнеров. Это суть совместной активации.

С появлением новых технологий развивается и концепция продвижения. Потребители в социальных сетях мгновенно реагируют на сообщения от продавцов и покупателей, что позволяет им общаться, обсуждать и оценивать бренды, с которыми они взаимодействовали. В цифровой экономике покупатели больше не являются пассивными объектами продаж, они активно участвуют в получении добавленной ценности и формируют ее.

Таким образом, взаимодействие с покупателями с начала XXI в. постепенно придает все большее значение лояльности клиентов, ориентироваых на поиск информации, и обмену опытом в онлайн-сообществах и других местах в Интернете. Растет потребность в эффективном общении с клиентами, совместном создании, общности и необходимости инвестирования в цифровые маркетинговые коммуникации. При этом современный цифровой маркетинг зависит от маркетинга баз данных, аналитики клиентов и маркетинговой аналитики, чтобы помочь в принятии решений, и включает в себя использование социальных сетей и разработку вирусных маркетинговых коммуникационных кампаний, поскольку он должен основываться на интерактивном общении между поставщиками и клиентами и между самими клиентами. Конечная цель Marketing 4.0 состоит в побуждении людей покупать определенные продукты, изменить свое отношение к брендам или изменить свои социальные привычки, но при этом существенно возрастает ценность интернет-сообществ, инфлюенсеров как одобряющих потребительское поведение в определенном сегменте, так и задающих ценности потребления, формирующих потребительский опыт, и внимание к этому должно быть частью каждой современной компании.

Литература

1. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 4.0: Moving from traditional to digital. Hoboken, NJ: John Wiley, 2017. 208 p.
2. Krauss M. Marketing 4.0 argues the marketplace has changed, and the customer is in control // Marketing News. 2017. Vol. 51. № 4. P. 26–27.
3. Mukherjee J. Philip Kotler, Hermawan Kartajaya, and Iwan Setiawan: Marketing 4.0, ISBN: 978-1-119-34120-8 Published by: Wiley, 2017. Vilakshan: The XIMB // Journal of Management. 2017. № 14. P. 111–112.
4. Wu L., Liu H. Tracing fake-news footprints: Characterizing social media messages by how they propagate // WSDM '18: Proc. of the Eleventh ACM Intern. Conf. on Web Search and Data Mining. N. Y.: ACM, 2018. P. 637–645. DOI: 10.1145/3159652.3159677
5. Tarabasz A. The reevaluation of communication in customer approach – Towards Marketing 4.0 // International Journal of Contemporary Management. 2013. Vol. 12. № 4. P. 124–134.
6. Verhoef P. C., Beckers S. F. M., van Doorn J. Understand the perils of co-creation // Harvard Business Review. 2013. Vol. 91. № 9. P. 28.
7. Varey R. J., McKie D. Staging consciousness: Marketing 3.0, post-consumerism and future pathways // Journal of Customer Behavior. 2010. Vol. 9. № 4. P. 321–334. DOI: 10.1362/147539210X543538
8. Kotler P., Kartajaya H., Hooi D. H. Marketing for competitiveness: Asia to the world: In the age of digital consumers. London: WSPS, 2017. 302 p.
9. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 3.0: From products to customers to the human spirit. Hoboken, NJ: John Wiley, 2010. 208 p.
10. Hadiyati E. Study of marketing mix and AIDA model to purchasing on line product in Indonesia // British Journal of Marketing Studies. 2016. Vol. 4. № 7. P. 49–62.
11. Wei P.-Sh., Lu H.-P. An examination of the celebrity endorsements and online customer reviews influence female consumers' shopping behavior // Computers in Human Behavior. 2013. № 29. P. 193–201.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

12. Kono S. From the marketers' perspective: The interactive media situation in Japan // Television goes digital / ed. D. Gerbarg. N. Y.: Springer, 2009. Vol. 1. P. 57–59.
13. Tien D. H., Rivas A. A. A., Liao Y.-K. Examining the influence of customer-to-customer electronic word-of-mouth on purchase intention in social networking sites // Asia Pacific Management Review. 2018. Vol. 23. № 4. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.apmrv.2018.06.003
14. Sugiyama K., Andree T. The Dentsu way: 9 lessons for innovation in marketing from the world's leading advertising agency. N. Y.: McGraw-Hill, 2011. 310 p.
15. Yan K.-L., Yu Y.-L. The study on the implementation and effectiveness of Active Aging Learning Center in Taoyuan Elementary School // School Administrators Research. 2015. № 99. P. 174–201.
16. Sims J. M. Communities of practice: Telemedicine and online medical communities // Technological Forecasting & Social Change. 2018. Vol. 126(C). P. 53–63. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.030
17. Gómez-Suárez M., Martínez-Ruiz M. P., Martínez-Caraballo N. Consumer-brand relationships under the Marketing 3.0 paradigm: A literature review // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00252
18. Dessart F. J., Bavel R. Two converging paths: Behavioral sciences and social marketing for better policies // Journal of Social Marketing. 2017. Vol. 7. № 4. P. 355–365. DOI: 10.1108/JSOCM-04-2017-0027
19. Achar C., So J., Agrawal N., Duhachek A. What we feel and why we buy: The influence of emotions on consumer decision-making // Current Opinion in Psychology. 2016. № 10. P. 166–170. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.01.009
20. Jackson G., Ahuja V. Dawn of the digital age and the evolution of the marketing mix // Journal of Direct, Data and Digital Marketing Practice. 2016. № 17. P. 170–186. DOI: 10.1057/dddmp.2016.3

original article

Digital Marketing Evolution*

Vladislav G. Shadrin [a, @, ID]; Olga N. Kotova [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] vladii@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-1825-0097

Received 25.03.2020. Accepted 17.04.2020.

Abstract: Marketing complex acquires a new content as it tries to adjust itself to the changing business practices and consumer behavior. The research objective was to study the content of Marketing 4.0 and the changing relationship between the brand and the consumer. The authors conducted a comparative analysis of the changes in marketing concepts, which proved that consumers have become partners in marketing communications. Internet communities and opinion leaders proved to affect consumer behavior. Social networks and messengers shape attitude of whole communities. The research revealed an increasing role of customization and personalization in the promotion of brands and products in the era of digitalization. Consumer experience and pleasure derived from marketing interaction are becoming more and more important. Previously obtained materials made it possible to define the change in the marketing complex in the digital economy from 4P to 4C. New consumer communities search for information on the Internet, thus overlooking traditional methods of marketing communications.

Keywords: digital marketing, marketing complex, marketing communications, sales, consumer, loyalty

For citation: Shadrin V. G., Kotova O. N. Digital Marketing Evolution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 263–269. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

References

1. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 4.0: Moving from traditional to digital*. Hoboken, NJ: John Wiley, 2017, 208.
2. Krauss M. Marketing 4.0 argues the marketplace has changed, and the customer is in control. *Marketing News*, 2017, 51(4): 26–27.

* The article was written for the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Management of organizations in the modern economy" dedicated to the 300th Anniversary of Kuzbass Exploration, topic: Digital Management Transformation.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-263-269

3. Mukherjee J. Philip Kotler, Hermawan Kartajaya, and Iwan Setiawan: Marketing 4.0, ISBN: 978-1-119-34120-8. Published by: Wiley, 2017. Vilakshan: The XIMB. *Journal of Management*, 2017, (14): 111–112.
4. Wu L., Liu H. Tracing fake-news footprints: Characterizing social media messages by how they propagate. *WSDM '18:* Proc. of the Eleventh ACM Intern. Conf. on Web Search and Data Mining. N. Y.: ACM, 2018, 637–645. DOI: 10.1145/3159652.3159677
5. Tarabasz A. The reevaluation of communication in customer approach – Towards Marketing 4.0. *International Journal of Contemporary Management*, 2013, 12(4): 124–134.
6. Verhoef P. C., Beckers S. F. M., van Doorn J. Understand the perils of co-creation. *Harvard Business Review*, 2013, 91(9): 28.
7. Varey R. J., McKie D. Staging consciousness: Marketing 3.0, post-consumerism and future pathways. *Journal of Customer Behavior*, 2010, 9(4): 321–334. DOI: 10.1362/147539210X543538
8. Kotler P., Kartajaya H., Hooi D. H. *Marketing for competitiveness: Asia to the world: In the age of digital consumers.* London: WSPS, 2017, 302.
9. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 3.0: From products to customers to the human spirit*. Hoboken, NJ: John Wiley, 2010, 208.
10. Hadiyati E. Study of marketing mix and AIDA model to purchasing on line product in Indonesia. *British Journal of Marketing Studies*, 2016, 4(7): 49–62.
11. Wei P.-Sh., Lu H.-P. An examination of the celebrity endorsements and online customer reviews influence female consumers' shopping behavior. *Computers in Human Behavior*, 2013, (29): 193–201.
12. Kono S. From the marketers' perspective: The interactive media situation in Japan. *Television goes digital,* ed. Gerbarg D. N. Y.: Springer, 2009, vol. 1, 57–59.
13. Tien D. H., Rivas A. A. A., Liao Y.-K. Examining the influence of customer-to-customer electronic word-of-mouth on purchase intention in social networking sites. *Asia Pacific Management Review*, 2018, 23(4): 1–12. DOI: 10.1016/j.apmrv.2018.06.003
14. Sugiyama K., Andree T. *The Dentsu way: 9 lessons for innovation in marketing from the world's leading advertising agency*. N. Y.: McGraw-Hill, 2011, 310.
15. Yan K.-L., Yu Y.-L. The study on the implementation and effectiveness of Active Aging Learning Center in Taoyuan Elementary School. *School Administrators Research*, 2015, (99): 174–201.
16. Sims J. M. Communities of practice: Telemedicine and online medical communities. *Technological Forecasting & Social Change*, 2018, 126(C): 53–63. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.030
17. Gómez-Suárez M., Martínez-Ruiz M. P., Martínez-Caraballo N. Consumer-brand relationships under the Marketing 3.0 paradigm: A literature review. *Frontiers in Psychology*, 2017, (8). DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00252
18. Dessart F. J., Bavel R. Two converging paths: Behavioral sciences and social marketing for better policies. *Journal of Social Marketing*, 2017, 7(4): 355–365. DOI: 10.1108/JSOCM-04-2017-0027
19. Achar C., So J., Agrawal N., Duhachek A. What we feel and why we buy: The influence of emotions on consumer decision-making. *Current Opinion in Psychology,* 2016, (10): 166–170. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.01.009
20. Jackson G., Ahuja V. Dawn of the digital age and the evolution of the marketing mix. *Journal of Direct, Data and Digital Marketing Practice,* 2016, (17): 170–186. DOI: 10.1057/dddmp.2016.3

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

оригинальная статья
УДК 347.77

Коммерциализация объектов промышленной интеллектуальной собственности российскими предприятиями: актуальные аспекты проблематики

Полина С. Шпак [a, @, ID]
[a] ООО «О-Си-Эс-Центр», Россия, г. Санкт-Петербург
[@] shpakpolina03@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5770-5402

Поступила в редакцию 15.01.2020. Принята к печати 17.04.2020.

Аннотация: Одним из актуальных путей капитализации бизнеса на сегодняшний день является коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности. С помощью процесса коммерциализации нематериальных активов у предприятия, являющегося участником рынка интеллектуальной собственности, появляется возможность получать не только доход, но и конкурентные преимущества. Данный аспект обусловлен способностью объектов промышленной интеллектуальной собственности приносить экономическую выгоду с ростом объема производства. Предмет исследования – некоторые аспекты, которые нивелируют результативность процесса коммерциализации новых технологий на российских предприятиях. В этой связи целью работы является выявление основных затруднений, с которыми сталкиваются предприятия в процессе коммерческой реализации объектов промышленной интеллектуальной собственности. Используя теоретический метод исследования, автор проводит анализ показателей, отражающих современную практику коммерциализации инноваций в России. Также выделены и проанализированы взаимоотношения субъектов, принимающих участие в процессе коммерциализации, и способы их эффективного правового регулирования. На основании проведенного исследования был сформулирован ряд предложений по решению проблем коммерциализации объектов промышленной интеллектуальной собственности как сферы предпринимательской деятельности в разрезе российских предприятий.

Ключевые слова: инновационный процесс, конкуренция, коммерческий результат, результаты интеллектуальной деятельности, государственная программа, капитализация бизнеса

Для цитирования: Шпак П. С. Коммерциализация объектов промышленной интеллектуальной собственности российскими предприятиями: актуальные аспекты проблематики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 270–278. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

Введение

В современных условиях стратегические конкурентные преимущества на рынке товаров и услуг обеспечиваются за счет темпов наращивания количества создаваемых объектов промышленной интеллектуальной собственности (ОПИС), обеспечения их правовой охраны, формирования портфелей исключительных прав на результаты научных исследований и разработок. С возрастанием конкуренции на мировых рынках все более актуальной становится проблема ускоренной коммерциализации интеллектуальной собственности (ИС) и других результатов интеллектуальной деятельности (РИД), направленных прежде всего на развитие отечественных наукоемких производств. В данной работе автор исследует такие важные аспекты, касающиеся результативности коммерциализации, как анализ практики вывода ОПИС на коммерческий результат российскими предприятиями, исследование проблематики пониженной успешности коммерциализации и мер по ее урегулированию.

В научной литературе существует ряд трактовок понятия *коммерциализация*. Я. Н. Грик и Е. А. Монастырный под коммерциализацией понимают «получение дохода от продажи или использования инновационной идеи в собственном производстве» [1, с. 85]. В интерпретации К. В. Орловой коммерциализация представляет собой «многоэтапный процесс последовательной реализации научной идеи в новый продукт или услугу» [2, с. 45]. Дж. Казметский [3], М. А. Коваженков и Я. В. Бганцева [4] похожим образом рассматривают ее как «процесс, с помощью которого результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) своевременно трансформируются в продукты и услуги на рынке» [4, с. 21] и как «процесс трансформации результатов НИОКР, сохраняющих свою рыночную актуальность и востребованность, в продукты и услуги на рынке с целью получения дохода от их продажи, лицензирования либо самостоятельного использования» [4, с. 22]. В. И. Мухопад определяет

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

коммерциализацию как «процесс превращения объекта собственности (инновации) в прибыль средствами торговли» [5, с. 51]. Более широко данное понятие описывает В. И. Мухин: «последовательность этапов, в рамках которых создается, внедряется в производство, производятся инвестиции в организацию массового производства продукции на основе РИД, организуется продвижение РИД на рынок для осуществления, непосредственного с ним, сделок купли-продажи» [6, с. 150].

По мнению автора, вышеизложенные определения не в полной мере характеризуют процесс коммерциализации. По результатам исследования точек зрения упомянутых ученых является целесообразным предложение авторского видения определения коммерциализации, а именно: это взаимосвязанные этапы деятельности по вовлечению инновационноемких объектов интеллектуальной собственности (ОИС) в хозяйственный оборот предприятия с конечными целями в виде получения экономической выгоды (прибыли) и наращивания конкурентоспособных преимуществ.

Исследование практики коммерциализации ОПИС российскими предприятиями

Коммерциализация как важнейший элемент инновационного процесса [7] в настоящее время выделилась в самостоятельную сферу предпринимательской деятельности [8], конечной целью которой является производство и продажа товаров и услуг с максимальным экономическим эффектом [9]. С позиции автора, проблема совершенствования механизма коммерческой реализации ОПИС является важной в современных условиях в нашей стране ввиду двух обстоятельств:

1) осознанным действием является усовершенствование технологической основы и интенсификация модернизации промышленности, т. е. нарастает потребность в нововведениях и эффективных технологиях;

2) рынок ИС России находится на начальной стадии своего развития, и его механизмы еще не в полной мере способствуют эффективному и грамотному перераспределению нематериальных ресурсов.

Кроме того, наличие в процессе исполнения государственных программ Экономическое развитие и инновационная экономика[1], Информационное общество (2011–2020 годы)[2], Цифровая экономика РФ[3] и положений Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[4] свидетельствует о высокой степени заинтересованности Правительства РФ в вопросе наращивания эффективности от использования ОИС отечественными промышленными предприятиями. В свою очередь данная задача не может быть осуществлена без осознания потенциала процесса коммерциализации ОПИС российскими предприятиями.

Для полноты проводимого исследования проанализируем показатели, наиболее полно отражающие практику коммерциализации технологий в РФ в период 2013–2017 гг.

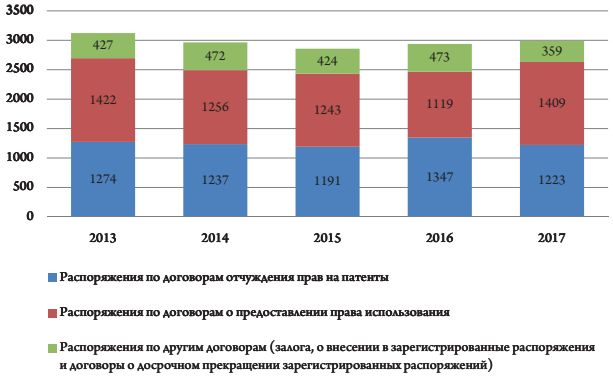


Рис. 1. Регистрация распоряжений исключительными правами на изобретения, полезные модели, промышленные образцы
Fig. 1. Registration of orders with exclusive rights to inventions, utility models, and industrial designs

Как видно из данных, приведенных на рис. 1[5], существует стабильная тенденция на регистрацию распоряжений по договорам отчуждения прав на патенты и о предоставлении права использования. Относительный спад по регистрации распоряжений по договорам отчуждения прав на патенты в 2017 г. относительно 2014 г. составил 14 единиц, тогда как количество распоряжений по договорам предоставления права использования за тот же период увеличилось на 153 единицы. За 2013–2017 гг. доля распоряжений по договорам о предоставлении права использования увеличилась на 1,6 %, в то время как удельный вес распоряжений по договорам отчуждения прав на патенты практически не изменился в абсолютном соотношении 2017 г. к 2013 г.

[1] Об утверждении государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Об утверждении государственной программы РФ «Информационное общество». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // СПС КонсультантПлюс.

[3] О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"»). Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 07.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.

[4] О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) // СПС КонсультантПлюс.

[5] Рисунки 1 и 2 составлены автором на основании данных статистического сборника: Индикаторы науки: 2019 / под ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, А. М. Медведева, М. А. Сабельниковой. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

Рассмотрим статистику выданных патентов по видам ОПИС с 2013 г. по 2018 г. (табл. 1[6]).

Табл. 1. Патенты, выданные по видам ОПИС в 2013–2018 гг.
Tab. 1. Patents granted according to the type of industrial intellectual property asset in 2013–2018

Вид ОПИС	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Изобретения	21378	23065	22560	21020	21037	20526
Полезные модели	12154	12267	8390	8474	8376	9391
Промышленные образцы	1278	1394	2031	1780	2194	2840
Всего	34810	36726	32981	31274	31607	32757

Из данных табл. 1 видно, что среди анализируемых видов ОПИС доминируют изобретения, хотя количество выданных на них патентов снизилось на 2539 единицы по сравнению с 2014 г. Также прослеживается сокращение выданных свидетельств на полезные модели на 2763 единицы по сравнению с началом анализируемого периода. Между тем прослеживается тенденция роста числа выданных патентов на промышленные образцы: абсолютный прирост относительно 2014 г. составил 1562 патента.

Рассмотрим более подробно практику регистрации распоряжений исключительными правами на ОПИС по секторам промышленности (рис. 2). Доминантное количество регистрационных распоряжений исключительными правами на ОПИС закреплено за отраслями российской промышленности, не вошедшими в представленный статистический перечень: производство оружия, космическая, пищевая, полиграфическая отрасли, электроэнергетика, химическая, медицинская отрасли промышленности составляют 18–26 % от общей доли регистрационных распоряжений. Наименьший процентный диапазон имеют металлургическая и нефтегазодобывающая отрасли: 13–25 % от общей доли регистрационных распоряжений на ОПИС в 2013–2017 гг.

Табл. 2 иллюстрирует доминирование активности негосударственных организаций как среди лицензиаров, так и лицензиатов в период 2013–2017 гг. от 51 % до 91 % от общей доли рассматриваемых категорий хозяйствующих субъектов. Физические лица превалируют среди лицензиаров с долей в 22–32 % в анализируемом периоде, тогда как государственные организации имеют порядка 11–17 % от общей процентной совокупности, выступая в качестве лицензиаров ОПИС.

Данные статистики экспорта и импорта технологий по видам ОПИС за период с 2013 г. по 2017 г. представлены в табл. 3[7]. Отметим следующие факты:

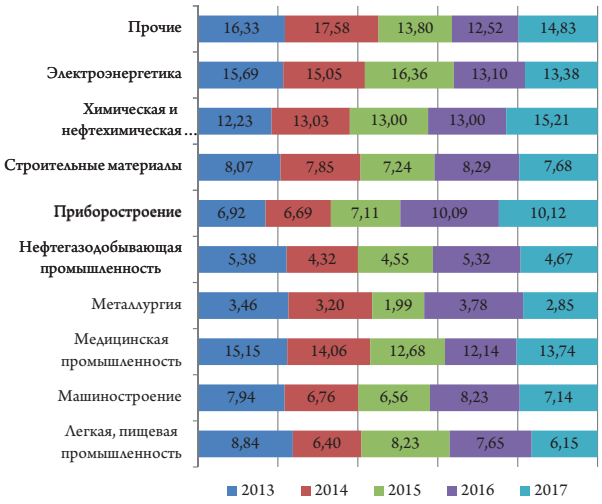


Рис. 2. Распределение регистрационных распоряжений исключительными правами на изобретения, полезные модели и промышленные образцы по секторам промышленности, %
Fig. 2. Registration orders with exclusive rights to inventions, utility models, and industrial designs by industry sectors, %

Табл. 2. Распределение распоряжений исключительными правами на виды ОПИС по категориям хозяйствующих субъектов в долевом соотношении среди лицензиаров и лицензиатов, %
Tab. 2. Dispositions of exclusive rights on various types of industrial intellectual property assets categories of business entities in the share ratio among licensors and licensees, %

Категория		2013	2014	2015	2016	2017
Лицензиар	Государственные организации	17	11	13	13	14
	Негосударственные организации	51	64	65	61	61
	Физические лица	32	25	22	26	25
Лицензиат	Государственные организации	4	3	3	6	4
	Негосударственные организации	88	89	91	87	88
	Физические лица	8	8	6	7	8

1) инжиниринговые услуги доминируют как в импорте, так и в экспорте (46,7–67,2 %);

2) высокий процент выплат по импорту имеет категория товарных знаков (13,9–17,8 %);

3) намечена тенденция роста доли поступлений от экспорта патентных лицензий с 2,1 % до 8 %;

4) снизилась доля выплат по импорту товарных знаков с 17,8 % до 15,3 %, что, по мнению автора, могло быть обусловлено тенденцией к импортозамещению иностранных технологий российскими;

[6] Составлена по: Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России, по субъектам РФ // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://gks.ru/folder/144777 (дата обращения: 13.12.2019).

[7] Составлена по: Индикаторы науки: 2017 / под ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, К. Э. Лайкама, С. Ю. Матвеева. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 222; Индикаторы науки: 2015 / под ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, К. Э. Лайкама, С. В. Салихова. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 239.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

5) за анализируемый период отсутствуют поступления от экспорта и выплаты по импорту среди селекционных достижений как вида ОПИС;

6) с 2013 г. по 2015 г. не зафиксировано поступлений от экспорта патентов на изобретения, что может быть связано с ростом выплат по импорту зарубежных патентов на 0,9 % в 2014 г. и 0,4 % в 2015 г.

Анализ показателей, отражающих практику коммерциализации ОПИС в РФ за рассматриваемый период, позволил сформулировать следующие выводы. Прослеживается тенденция роста количества распоряжений по договорам отчуждения прав на патенты, что свидетельствует о повышении востребованности российских технологий в отношении начала анализируемого периода. Увеличилось число регистрируемых патентов среди анализируемых видов ОПИС, в том числе в химической и нефтехимической отрасли, металлургии, оружейном строении, космической, пищевой и полиграфической отраслях, относительно начала анализируемого периода. Подавляющая доля распоряжений исключительными правами на виды ОПИС принадлежит коммерческим организациям, что свидетельствует о недостаточной эффективности мер, проводимых со стороны правительства РФ. К таким мерам можно отнести инвестирование в ОПИС, усиление политики импортозамещения в сфере ИС и пр.

Таким образом, можно констатировать наметившуюся положительную тенденцию к стабилизации и росту коммерциализации ОПИС в целом, однако этой интенсификации, как демонстрируют данные табл. 4[8], оказывается недостаточно для вывода коммерциализации российских технологий на конкурентный мировой уровень.

Согласно ежегодному рейтингу мировых инновационных экономик, составленному агентством *Bloomberg* (табл. 4), с 2016 г. лидером данного отчета является Южная Корея. Позиция РФ к 2019 г. снизилась относительно 2018 г. на 2 строчки – до 27 (из 60). Однако стоит отметить тот факт, что такой важный показатель инновационной деятельности, как патентная активность, имеет конкурентно-высокие показатели у следующих стран: РФ (30 %), Швейцария (27 %) и Швеция (25 %). Удельный показатель плотности высоких технологий превалирует у РФ (25 %), Сингапура (17 %) и Финляндии (13 %). Вместе с тем параметр концентрации исследований превалирует у США (28 %), РФ (24 %) и Франции (20 %). Следовательно, принимая во внимание вышеизложенные факты, становится актуальным рассмотрение основных проблем, тормозящих успешность коммерциализации ОПИС и методов по выведению РИД на конкурентный коммерческий результат.

Для успешной реализации деятельности предприятия в сфере инвестиций и внедрения инноваций в производственный процесс необходимо комплексно [10] и своевременно выявить правовые проблемы и наметить пути их решения. К числу наиболее актуальных и трудоемких можно отнести задачи по формированию рыночной коммерциализации ОПИС [11], что связано с прямой зависимостью инвестиционных и инновационных факторов с самим процессом.

Ввиду того факта, что наиболее результативная координация прав на ОПИС, которая напрямую влияет на эффективность предприятия, осуществляющего инновационную деятельность, является ключевым инструментом к качественному развитию рыночных отношений [12], становится особо актуальным анализ проблем организационно-правового характера, сопровождающих процесс коммерческой реализации ОПИС. Рассмотрим наиболее важные из них.

1. Конкурентоспособность отечественных производителей обеспечивается за счет сбалансированного включения нескольких каналов стимулирования [13] при учете интересов всех участников взаимодействия [14]. В данном случае под каналами можно понимать, как само включение ОПИС в хозяйственный оборот, так и аспект охраны ИС. Таким образом, для производителя открываются возможности по созданию и защите своего продукта.

Табл. 3. Структура экспорта и импорта технологий по видам ОПИС, %

Tab. 3. Export and import of technologies according to the type of industrial intellectual property asset, %

Вид ОПИС	Поступления от экспорта					Выплаты по импорту				
	2013	2014	2015	2016	2017	2013	2014	2015	2016	2017
Инжиниринговые услуги	47,2	55,3	67,2	64,1	61	39	46,7	57,9	61,9	64,5
Научные исследования и разработки	30,6	27,9	10	11	15,1	7	6,2	5	6	2,5
Ноу-хау	1,5	0,9	0,1	2,3	0,6	5,4	5,9	8,1	4,2	4,6
Патентные лицензии	3,3	2,1	4,8	6,5	8	3,5	4,1	3	3,2	3,2
Патенты на изобретения	0	0	0	0,02	0,01	0,9	0,9	0,4	0,2	0,3
Полезные модели	0,1	0	0,2	0,2	0,3	0,1	0,2	0,2	0	0,3
Промышленные образцы	0,3	0,2	0,2	3,9	1,7	0	0	1,1	0,4	0,04
Товарные знаки	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	23,9	15,4	14,4	17,8	15,3
Прочее	17	13,4	17,2	11,9	13,1	20,3	21,5	9,8	6,2	9,3

[8] Составлена по: Рейтинг инновационных стран 2019 г. по версии портала Bloomberg: Рейтинг инновационных экономик – 2019: Южная Корея лидирует шесть лет // TheWorldOnly. 23.01.2019. Режим доступа: https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2019/ (дата обращения: 13.12.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

Табл. 4. Рейтинг мировых инновационных экономик по версии агентства Bloomberg за 2019 г., %

Tab. 4. Rating of global innovation economies according to Bloomberg agency for 2019, %

Место в 2019 г.	Место в 2018 г.	Экономика	Интенсивность исследований и разработок	Производство добавленной стоимости	Продуктивность	Плотность высоких технологий	Эффективность высшего образования	Концентрация исследователей	Патентная активность
1	2	3	4*	5*	6*	7*	8*	9*	10*
1	1	Южная Корея	2	2	18	4	7	7	20
2	4	Германия	7	3	24	3	14	11	7
3	7	Финляндия	9	16	5	13	9	8	5
4	5	Швейцария	3	4	7	8	13	3	27
5	10	Израиль	1	33	8	5	36	2	4
6	3	Сингапур	13	5	11	17	1	13	14
7	2	Швеция	4	15	9	6	20	5	25
8	11	США	10	25	6	1	43	28	1
9	6	Япония	5	7	22	10	39	18	10
10	9	Франция	12	41	13	2	11	20	15
27	25	Россия	33	37	51	25	10	24	30

Прим.: показатели в столбцах 4–10 представлены в соотношении 2019 г. к 2018 г.; 4* – расходы на исследования и разработки, в % от валового внутреннего продукта (ВВП); 5* – в % ВВП на душу населения ($ паритет покупательной способности); 6* – величина и трехлетнее изменение ВВП и валового национального продукта (ВНП) на работающего по найму в возрасте 15+; 7* – количество зарегистрированных высокотехнологичных публичных компаний на внутреннем рынке – % внутренних публичных компаний как доля от общемирового уровня; 8* – общее число учащихся в системе высшего образования как % от количества выпускников школ, минимальная доля рабочей силы с высшим образованием, ежегодное количество выпускников инженерных факультетов как % от общего количества выпускников вузов и % трудоустроившихся; 9*– профессионалы, в том числе аспиранты PhD, занятые в R&D на 1 млн населения; 10* – количество патентных заявок резидентов, общий объем заявок и действующих патентов на 1 млн населения, заявок на $100 млрд ВВП и доля общего объема патентных грантов от мирового объема.

2. Создание вспомогательных мер по урегулированию правовых отношений в сфере ОПИС [15]. К таковым можно отнести правовые механизмы (создание определённых нормативных актов) [16], возможность защиты интересов каждой из сторон взаимодействия и т. д. В данном случае масштабы приведенных мер выходят за рамки производственных процессов и распространяются на все государственные потребности [17], если говорить об этом в контексте использования ИС и вытекающей из этого экономической выгоде [18].

Гармоничный рост спроса и предложения, стимулирование производства новых товаров и услуг, обеспечение роста показателей экономики страны[9] и стремление к научно-техническому прогрессу [12] – возможности, которые в условиях рынка реализуются в том числе и посредством включения ОПИС в производственный цикл. В результате активизируется весь спектр взаимодействия [19] – начиная с создания РИД и заканчивая их охраной и использованием [20]. Данная тенденция связана с тем, что ИС включается в хозяйственный оборот предприятия по типу экономико-правовой модели рынка ИС [21]. Согласно отмеченному ранее, правовая составляющая обеспечения использования ИС в производственном процессе и регулируемые согласно нормативной базе взаимоотношения его участников становятся одним из механизмов гармонизации [22] данной сферы.

3. Одна из проблем осмысления роли ОПИС в хозяйственном обороте связана с тем, что эта мера затрагивает целый комплекс факторов: нормативных, финансовых, технических, экономических и социальных [23]. При этом каждый фактор активизируется при взаимодействии разных субъектов, которые зачастую имеют разнонаправленные интересы. Поэтому аналогичные трудности с точки зрения анализа возникают и в вопросе гражданско-правовых отношений.

Ввиду наличия объективных проблем автору представляется необходимым выделение отдельных, имеющих собственные интересы субъектов инновационной деятельности и анализ взаимоотношений между ними [24] для поиска путей их эффективного правового регулирования в процессе коммерциализации ОПИС (рис. 3).

[9] Ляшин А. М. Стратегии коммерциализации инноваций – мост между инноватором и бизнесом // Экономика и жизнь. 16.09.2011. Режим доступа: https://www.eg-online.ru/article/144603/ (дата обращения: 16.01.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

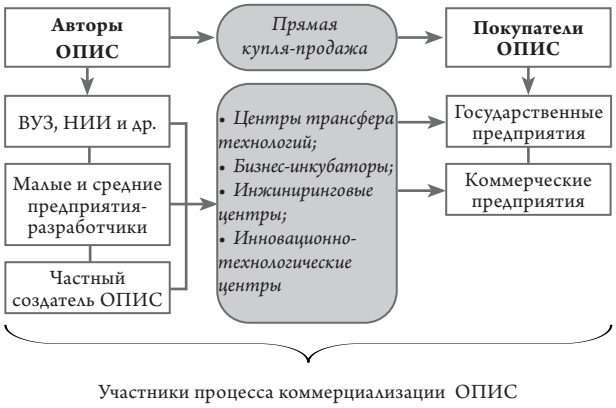


Рис. 3. Схема взаимоотношений субъектов рыночных отношений при коммерциализации ОПИС
Fig. 3. Relationship of subjects of market relations during the commercialization of industrial intellectual property assets

Рис. 3 представляет собой пример типа взаимоотношений без участия посредника и с участием посредника в лице центра трансфера технологий, бизнес-инкубаторов, инжиниринговых и инновационно-технологических центров при коммерциализации ОПИС. Вместе с тем существуют и другие субъекты:

- проверяющие и контролирующие государственные органы;
- сами предприятия, включающие ОПИС в хозяйственный оборот;
- инвесторы, которые финансируют новые разработки и внедрение их в производственный процесс вплоть до выпуска готовой продукции;
- производители, которые несанкционированно включают ОПИС в хозяйственный оборот предприятия и занимаются выпуском дубликатов, несертифицированной продукции и реплик;
- производители, которые могут рассматриваться в качестве конкурентов за счет использования в своем производстве собственных разработок или ОПИС, идентичных ОПИС другого производителя.

Отметим, что исследовательская стратегия не должна ограничиваться общим анализом рынка – важно также определить и идентифицировать каждую из групп отношений с целью выработки более конкретных мер, отвечающих тактике и специфике их взаимодействия на рынке. Основной точкой пересечения всех групп интересов является рынок продукции и услуг, где и актуализируются особенности и проблемы взаимодействия участников рынка. Иными словами, у каждого участника есть свои возможности, свои интересы и цели, что затрудняет возможность принятия единственно правильного решения. Правовое регулирование позволяет сохранять баланс и учитывать интересы всех ради продуктивного взаимодействия сторон.

По характеру проявления можно выделить три основных аспекта взаимоотношений. *Социально-правовой* аспект обеспечивает соблюдение юридических и моральных норм в рамках взаимодействия, *инженерный* – предполагает наличие результатов производственной деятельности, т. е. материальных и нематериальных объектов, *финансово-экономический* – является показательным при реализации инновационной продукции и вызванным этим процессом перераспределении средств.

Существует еще ряд проблем, связанных с *коммерческим использованием* ОПИС. Разделим их на следующие группы:

1) в рамках предприятия – регулирование взаимоотношений;
2) вне предприятия – процесс приобретения ОПИС и прав на их использование;
3) меры по правовой охране в отношении ОПИС;
4) использование ОПИС в коммерческих целях и получение прибыли, как с имущества предприятия;
5) меры, связанные с финансово-экономическими аспектами:
   - бухгалтерский учет и аудит;
   - оценка и инвентаризация ОПИС;
   - вопросы налогообложения;
   - верификация прав собственности на ОИС.

Каждая из этих групп, по мнению автора, имеет самостоятельное значение и требует детальной разработки и регулирования при учете сложившихся рыночных отношений в следующих направлениях:

1. *Меры нормативного характера*, которые дают возможность авторам и их правопреемникам отстоять свои интересы и подтвердить свои права на обладание и использование ОПИС. Введение данной меры снизит частотность несанкционированного использования ОПИС производителями.

2. *Экономические меры*, которые позволяют правообладателям санкционированно использовать ОПИС, но при этом руководствоваться своими представлениями об экономической выгоде, разрабатывая индивидуальный план поведения.

3. *Морально-этические меры*, которые негласно порицают несанкционированное использование ОПИС и призывают к ведению добросовестной предпринимательской деятельности.

4. *Контрактные меры*, которые обеспечивают партнеров по бизнесу гарантийными обязательствами в сфере взаимодействия участников, что способствует снижению возникновения экономических и репутационных рисков.

5. *Меры по утверждению ОПИС как имущества* организации и включения их в производственный оборот за счет бухгалтерского учета, оценки, документального оформления или инвентаризации.

Заключение

На современном этапе в РФ существуют механизмы выведения РИД на коммерческий результат и возможности внедрения их в хозяйственный оборот организаций.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

На основе проведенного исследования показателей основных государственных программ, затрагивающих область ОИС, отмечено наличие высокой степени заинтересованности правительства РФ в создании благоприятных условий для коммерческой реализации ОПИС. Для достижения поставленной в начале исследования цели автором был сформулирован ряд барьеров, нивелирующих результативность коммерциализации ОПИС. Обозначение проблем в данной области становится важным этапом, который позволит в перспективе скоррелировать внутреннюю стратегию промышленного предприятия и государства в отношении наращивания эффективности коммерциализации ОПИС и, как следствие, конкурентных преимуществ на рынке. Проведенный анализ может послужить базой для дальнейших исследований в области интенсификации коммерциализации ОПИС российскими предприятиями для укрепления своих позиций на отечественном и мировом рынках наукоемких производств.

Литература

1. Грик Я. Н., Монастырный Е. А. Ресурсный подход к построению бизнес-процессов и коммерциализации разработок // Инновации. 2004. № 7. С. 85–87.
2. Орлова К. В. Этапы процесса коммерциализации инноваций // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: экономика и управление. 2017. № 3. С. 45–49.
3. Казметский Дж. Вызов технологических инноваций на пороге новой эры общемировой конкуренции // Трансфер технологии и эффективная реализация инноваций / под ред. Н. М. Фонштейн. М.: АНХ, 1999. 296 с.
4. Коваженков М. А., Бганцева Я. В. Инновационная стратегия управления коммерциализацией интеллектуальной собственности ВУЗа // Креативная экономика. 2009. № 11. С. 21–28.
5. Мухопад В. И. Сущность, средства и проблемы коммерциализации интеллектуальной собственности в российской экономике // Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности и повышение капитализации компании: мат-лы секционного заседания Третьего Всерос. форума «Интеллектуальная собственность – XXI век». (Москва, 20–23 апреля 2010 г.) М., 2010. С. 51–59.
6. Мухин В. И. Управление интеллектуальной собственностью. М.: Владос, 2007. 335 с.
7. Бармута К. А. Совершенствование механизма и программ антикризисного управления промышленными предприятиями // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27. С. 22–29. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00004
8. Батьковский М. А., Кравчук П. В. Методологические основы государственного регулирования развития инновационно-активных предприятий в условиях их диверсификации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-1. С. 22–26. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10005
9. Шулимова А. А., Яквашева Д. Ю., Тюпка Д. А. Институционализация организационных и технологических инноваций как фактор экономического развития России // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27. С. 243–251. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00043
10. Куприянова Л. М., Николюкин С. В. Значение патентной информации об объектах промышленной собственности // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 6. С. 25–38.
11. Мартыненко О. В. Конкурентоспособность как источник и фактор эффективности импортозамещения на промышленных рынках // Практический маркетинг. 2020. № 2. С. 3–13. DOI: 10.24411/2071-3762-2020-10007
12. Воробьев И. А., Омельченко Е. В. Практика оценки экономической эффективности инновационного проекта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2013. № 15. С. 37–43.
13. Пескова О. С., Сучков В. В. Коммерциализация инноваций: современное состояние и перспективы // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2016. № 16. С. 75–79.
14. Кутина Н. Н. Разработка комплексного подхода к коммерциализации свободных ресурсов высокотехнологичного оборудования с применением инструментария стоимостного анализа и технологического маркетинга // Московский экономический журнал. 2019. № 5. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-15019
15. Шигапов З. Г., Иванченко А. Я. Защита результатов научно-технической инновационной деятельности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 3. С. 98–106.
16. Токарев Б. Е. Маркетинг начальной стадии коммерциализации инновационного продукта // Вестник университета. 2018. № 11. С. 58–62. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-11-58-62
17. Полавская Н. В. Интеллектуальная собственность в инновационной экономике // Устойчивое развитие российской экономики: сб. ст. по мат-лам V Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13–14 февраля 2018 г.) М., 2018. С. 196–206.
18. Нехорошева Л. Н., Милоста Е. Г. Необходимость и возможности использования результатов научно-технической деятельности // Наука и инновации. 2017. № 1. С. 52–55.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

19. Жарова Е. Н., Агамирова Е. В. Разработка предложений в области государственной поддержки развития центров трансфера технологий в научно-образовательной сфере // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 3. С. 139–147.
20. Куприянова Л. М. Актуальные проблемы коммерциализации наукоемких технологий // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. № 1. С. 52–64.
21. Куприянова Л. М. Эффективная модель коммерциализации интеллектуальной собственности // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 1. С. 104–110. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-104-110
22. Яроцкая Е. В., Криворучко Е. П. Проблемы и специфика коммерциализации инноваций в России на современном этапе развития // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 4. С. 190–195.
23. Седаш Т. Н., Тютюкина Е. Б. Использование зарубежного опыта налогового стимулирования инноваций в России // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 12. С. 2863–2875. DOI: 10.24891/fc.24.12.2863
24. Усманова Т. Х., Куприянова Л. М. Менеджмент в коммерциализации интеллектуальной собственности // Экономика. Бизнес. Банки. 2016. № S1. С. 9–25.

original article

Some Aspects of the Problems of Commercialization of Industrial Intellectual Property by Russian Enterprises

Polina S. Shpak [a, @, ID]
[a] OCS Distribution, Russia, St. Petersburg
[@] shpakpolina03@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5770-5402

Received 15.01.2020. Accepted 17.04.2020.

Abstract: Intellectual property commercialization is one of the current ways of business capitalization. Using the process of commercialization of intangible assets, an enterprise receives both income and competitive advantage. The enterprise increases its market value as a participant of the intellectual property market since industrial intellectual property brings economic benefits, which increase together with its production volume. The present research featured a set of problematic aspects that level the effectiveness of the commercialization of new technologies at Russian enterprises. The research objective was to identify the main difficulties that enterprises face in the process of commercial implementation of industrial intellectual property. The author analyzed indicators that reflect the current practice of commercializing innovations in Russia. The article also focuses on the relationships between the entities participating in the commercialization process and the ways of their effective legal regulation. It contains a number of proposals to address the problems of commercialization of industrial intellectual property as a sphere of entrepreneurial activity in the context of Russian enterprises.

Keywords: innovation process, competition, commercial result, intellectual property, state program, business capitalization

For citation: Shpak P. S. Some Aspects of the Problems of Commercialization of Industrial Intellectual Property by Russian Enterprises. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(2): 270–278 (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

References

1. Grik Ya. N., Monastyrny E. A. Resource approach to building business processes and commercialization of developments. *Innovacii*, 2004, (7): 85–87. (In Russ.)
2. Orlova K. V. Stages of the process of commercialization of innovations. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: ekonomika i upravlenie,* 2017, (3): 45–49. (In Russ.)
3. Kazmetskii Dzh. The challenge of technological innovation on the threshold of a new era of global competition. *Technology transfer and effective implementation of innovations*, ed. Fonshtein N. M. Moscow: ANKh, 1999, 296. (In Russ.)
4. Kovazhenkov M. A., Bgantseva Ya. V. Innovative strategy for the managing of commercialization of intellectual property of university. *Creative economy*, 2009, (11): 21–28. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-270-278

5. Mukhopad V. I. The essence, means, and problems of intellectual property commercialization in Russian economy. *Commercialization of intellectual property and increasing the capitalization of the company*: Proc. of the section of the Third All-Russian Forum "Intellectual Property – XXI Century", Moscow, April 20–23, 2010. Moscow, 2010, 51–59. (In Russ.)
6. Mukhin V. I. *Intellectual property management.* Moscow: Vlados, 2007, 335. (In Russ.)
7. Barmuta K. A. Improving the mechanism and programs of crisis management of industrial enterprises. *Natural-Humanitarian Studies*, 2020, (27): 22–29. (In Russ.) DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00004
8. Batkovsky M. A., Kravchuk P. V. Methodological bases of state regulation of development of innovative-active enterprises in the conditions of their diversification. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2020, (1-1): 22–26. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10005
9. Shulimova A. A., Yakvasheva D. Yu., Tyupka D. A. Institutionalization of organizational and technological innovation as a factor in the economic development of Russia. *Natural-Humanitarian Studies*, 2020, (27): 243–251. (In Russ.) DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00043
10. Kupriyanova L. M., Nikolyukin S. V. The value of patent information about industrial property subject. *Ekonomika. Biznes. Banki*, 2019, (6): 25–38. (In Russ.)
11. Martinenko O. V. Competitiveness as a source and factor of efficiency import substitution in industrial markets. *Practical Marketing*, 2020, (2): 3–13. (In Russ.) DOI: 10.24411/2071-3762-2020-10007
12. Vorobiev I. A., Omelchenko E. V. The practice of evaluating the economic efficiency of the innovative project. *MIR (Modernization, Innovations, Research)*, 2013, (15): 37–43. (In Russ.)
13. Peskova O. S., Suchkov V. V. Commercialization of innovations: current state and prospects. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2016, (16): 75–79. (In Russ.)
14. Kutina N. N. Development of integrated approach to the commercialization of free high-tech equipment resources based on tools of cost analysis and technological marketing. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal,* 2019, (5). (In Russ.) DOI: 10.24411/2413-046X-2019-15019
15. Shigapov Z. G., Ivanchenko A. Ya. Protection of results scientific and technical innovation activity. *Natsionalnaia bezopasnost i strategicheskoe planirovanie*, 2015, (3): 98–106. (In Russ.)
16. Tokarev B. E. Business model of innovative product startup. *Vestnik Universiteta*, 2018, (11): 58–62. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2018-11-58-62
17. Polavskaya N. V. Intellectual property in an innovative economy. *Sustainable development of Russian economy*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, February 13–14, 2018. Moscow, 2018, 196–206. (In Russ.)
18. Nekhorosheva L. N., Milosta E. G. The commercialization of scientific and technological work results. *Nauka i innovatsii,* 2017, (1): 52–55. (In Russ.)
19. Zharova E. N., Agamirova E. V. Elaboration of proposals in the field of state support of technology transfer centers development in scientific and educational sphere. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2018, 2(3): 139–147. (In Russ.)
20. Kupriyanova L. M. Actual problems of commercialization of high technology. *Ekonomika. Biznes. Banki*, 2017, (1): 52–64. (In Russ.)
21. Kupriyanova L. M. Effective model of intellectual property commercialization. *The world of the new economy*, 2019, 13(1): 104–110. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-104-110
22. Yarotskaya E. V., Krivoruchko E. P. Specifics problems and commercialization of innovation in Russia of today. *TSPU Bulletin*, 2013, (4): 190–195. (In Russ.)
23. Sedash T. N., Tyutyukina E. B. Using the international practices to encourage innovations in Russia: a tax aspect. *Finansy i kredit*, 2018, 24(12): 2863–2875. (In Russ.) DOI: 10.24891/fc.24.12.2863
24. Usmanova T. H., Kupriyanova L. M. Management in the commercialization of intellectual property. *Ekonomika. Biznes. Banki,* 2016, (S1): 9–25. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

оригинальная статья
УДК 332.14

Цели устойчивого развития регионального уровня: постановка и реализация на примере Кузбасса

Лариса Г. Шутько [a, @, ID1]; Людмила Л. Самородова [a, ID2]
[a] Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово
[@] bogotol2@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-5964-6656
[ID2] https://orcid.org/0000-0012-3456-7890

Поступила в редакцию 21.11.2019. Принята к печати 27.03.2020.

Аннотация: Предмет исследования – вопросы встраивания экономики России и регионов, бизнеса в модель устойчивого развития современного общества ООН. Цель – рассмотреть основные цели устойчивого развития и возможности их достижения в России. Задачи: выявить роль российских регионов и бизнеса в реализации концепции устойчивого развития страны на примере Кузбасса; показать пути решения проблем обеспечения экологизации, сохранения биоразнообразия и демографии на территориях ресурсодобывающего региона. При решении поставленных задач использовались элементы системного и комплексного подходов. В результате исследования обоснован вывод, что устойчивое развитие ресурсодобывающего региона имеет непосредственную связь с внедрением наилучших доступных технологий, повышением энергоэффективности, экологизации и безопасности производственных процессов. Показана роль угледобывающих предприятий в формировании Кузбасской региональной модели устойчивого развития, в достижении основных целевых приоритетов устойчивого развития в соответствии с Программой ООН. Раскрыты основные направления реализации дорожной карты модели «устойчивого развития территорий» России в соответствии с документами ООН, реализации национальных проектов на региональном уровне, в том числе формирование цифровых платформ в сфере угледобычи и экологии, сохранение биоразнообразия. Обосновывается необходимость повышения эффективности рекультивации нарушенных угледобывающими компаниями земель.

Ключевые слова: модель устойчивого развития общества ООН, экономика Кузбасса, экология, сохранение биоразнообразия, цифровизация, рекультивация земель

Для цитирования: Шутько Л. Г., Самородова Л. Л. Цели устойчивого развития регионального уровня: постановка и реализация на примере Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 279–286. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

Введение

В 2015 г. Россия вместе с другими 192 странами-участниками Генеральной Ассамблеи ООН участвовала в принятии Резолюции «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – Повестка 2030), в рамках которой были определены цели и задачи устойчивого развития, направленные на обеспечение баланса экономических, социальных и экологических аспектов развития всего международного сообщества в долгосрочной перспективе (всего 17 целей устойчивого развития (ЦУР) ООН и 169 задач). Реализация ЦУР ООН предполагает комплексный подход, требующий исполнения их с учетом тесной взаимосвязи. Именно комплексный подход обеспечивает единство и сбалансированность экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития.

Вопросам теории и практики реализации в России ЦУР ООН посвящены работы российских ученых С. Н. Бобылева, С. В. Соловьевой [1], О. И. Дунаева, В. А. Нагорнова [2], Л. Г. Судас [3]. Анализ формирования законодательной базы, обеспечивающей в России реализацию Программы устойчивого развития ООН, проведен в исследованиях А. Г. Сахарова, О. И. Колмар 4]. Большинство целей устойчивого развития ООН нашли практически полное отражение в приоритетных направлениях развития РФ на период до 2024 г.

Методы и материалы

Исследование проблем устойчивого развития с позиции системного и комплексного подходов позволяет рассматривать бизнес, регион и государство как социально-экономические системы, находящиеся в тесной взаимосвязи, что обусловливает их функционирование и развитие в более общей социально-экономической системе – мировой экономики. В модели устойчивого развития общества, разработанной ООН, устойчивое развитие российской экономики может быть достигнуто посредством

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

реализации целей устойчивого развития на уровне регионов и предприятий.

Мониторинг и оценки прогресса ЦУР ООН, осуществляемые Центром исследований международных институтов в России, включают четыре направления:

- разработку национальных индикаторов на основе глобальных индикаторов ЦУР и сбор данных;
- дезагрегирование данных по полу, возрасту и другим социально-экономическим характеристикам;
- создание системы отчетности и онлайновых систем для обмена информацией;
- оценку прогресса выполнения целей устойчивого развития на национальном и региональном уровнях [4].

В целом анализ ЦУР общества проводится по 230 количественно измеримым индикаторам[1].

Проблематика достижения ЦУР ООН актуальна как в международной повестке дня, так и в связи с задачами социально-экономического развития РФ. Россия активно участвовала в формировании повестки ООН в области устойчивого развития с учетом своих приоритетов, таких как содействие устойчивому промышленному развитию, обеспечение безопасности дорожного движения, формирование здорового образа жизни, борьба с неинфекционными заболеваниями, расширение надежного доступа к базовым услугам в области энергетики, транспорт, образование, здравоохранение, социальная защита.

Нормативными документами, отражающими ЦУР ООН в российском законодательстве, являются Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Майский указ – 2018) и принятые в 2010 г. Государственные программы (Национальные проекты). Вопрос о том, насколько полно и системно цели и задачи устойчивого развития реализуются в России и регионах, приобретает особую важность в связи с тем, что Россия ведет подготовку к представлению первого добровольного отчета РФ о ходе реализации ЦУР в 2020 г. в Нью-Йорке в рамках политического форума по устойчивому развитию ООН. До 2030 г. Россия должна представить еще один Добровольный национальный обзор с уточненными параметрами измерений, которые покажут, насколько Россия приблизилась к заявленным целям, позволят выявить слабые звенья, определить дальнейшие направления государственной политики.

В подготовке добровольного отчета РФ о ходе реализации ЦУР ООН участвуют МИД России, Росстат, другие заинтересованные федеральные органы исполнительной власти. По словам заместителя руководителя Аналитического центра Т. А. Радченко, «именно показатели помогают понять, где мы находимся, к чему стремимся и как достигаем поставленных целей»[2]. В качестве базовых показателей используются данные за 2017 г. и 2018 г., предоставляемые Росстатом. Целевые показатели заложены в нацпроекты и рассчитываются до 2024 г., тогда как Обзор по ЦУР ООН ориентирован на 2030 г. Следует подчеркнуть методологически важный момент: ЦУР разработаны для формирования стратегических целей развития регионов, они также предназначены для определения индикаторов устойчивого развития, механизмов реализации политики в социо- и эколого-экономическом развитии регионов.

Российские ученые Центра исследований международных институтов РАНХиГС3 провели анализ соответствия стратегических целей социально-экономического развития РФ (Майский указ – 2018, мероприятия нацгоспрограмм РФ) задачам ЦУР и систематизировали их, что позволило увидеть, какие показатели уже рассчитываются, какие из них рекомендованы к расчету и т. д. При определении показателей оценки достижения ЦУР ООН целесообразно воспользоваться методиками расчета необходимых показателей других стран с учетом того, что в России пока не утверждены целевые значения показателей, а имеющиеся показатели, по которым осуществляется оценка, носят рекомендательный характер для измерения достижения целей устойчивого развития.

При отсутствии целевых значений показателей в странах Организации экономического сотрудничества и развития используют «абсолютные значения, рекомендованные ООН, уровень показателя в виде необходимого изменения, … значения показателей, закрепленных в международных соглашениях»[3]. Показатели также могут быть установлены исходя из лучшего значения по группе стран.

С методической точки зрения при измерении показателей существуют различные подходы: в ЕС рассчитывают показатели исходя из среднего прироста, в странах АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – ASEAN) рассчитывают индекс текущего состояния и индекс ожидаемого прогресса, что позволяет вырабатывать рекомендации при формировании государственной политики по группам показателей, отражающим степень достижения каждой из 17 целей.

В современных условиях растет осознание необходимости взаимодействия правительства, бизнеса, общественных организаций в обеспечении более устойчивого мира и достижении Глобальных целей (ЦУР) ООН, сформулированных в сентябре 2015 г. В ходе исследования PwC, основанном на анализе корпоративной отчетности более 700 публичных компаний из 21 страны, в том числе отчетности 42 российских компаний (промышленность,

[1] О целях устойчивого развития // РАНХиГС. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/sodejstvie-razvitiyu/o-tselyakh-ustojchivogo-razvitiya (дата обращения: 11.11.2019).

[2] Данные по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/msotrudn/CUR/cur_main.htm (дата обращения: 10.11.2019).

[3] Там же.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

финансовый сектор, сфера технологии и телекоммуникации, транспорт и логистика, энергетика и горная добыча, розничная торговля), было выявлено, что самый низкий показатель по упоминанию ЦУР ООН в отчетности имеют российские компании – 43 %. «Для сравнения: в среднем по миру 72 % компаний, участвовавших в данном исследовании, упоминали ЦУР ООН в своей отчетности. Из стран – лидеров по упоминанию ЦУР можно отметить Тайвань – 97 %, Швецию – 93 %, Францию – 92 %»[4].

Опросы и исследования, проводимые *Accenture* и Глобальным договором ООН, позволили выявить отношение бизнеса к необходимости реализации целей устойчивого развития. Они показали, «что 87 % руководителей компаний считают, что ЦУР ООН предоставляют возможность переосмыслить подходы к созданию устойчивых ценностей»[5]. Кроме того, результаты научных исследований позволили определить в мировой практике три самых популярных ЦУР ООН для бизнеса:

- климатические действия (ЦУР 13) – 63 %;
- достойный труд и экономический рост (ЦУР 8) – 52 %;
- ответственное потребление и производство (ЦУР 12) – 51 % ответов.

Отчасти это объясняется широкой направленностью данных целей, что позволяет компаниям искать идеи и способы сотрудничества для достижения этих целей [5].

Анализ выбора ЦУР российскими компаниями показывает, что приоритетными являются: достойный труд и экономический рост (ЦУР 8), ответственное потребление и производство (ЦУР 12) и качественное образование (ЦУР 4)[6]. Необходимо отметить, что достойный труд и экономический рост, а также ответственное потребление и производство как цели устойчивого развития выбирают и российские, и зарубежные компании. Российские компании традиционно нацелены на качественное образование.

Результаты и обсуждение

Постановка и реализация ЦУР в ресурсодобывающем регионе имеет специфику, обусловленную природными факторами. Рассмотрим влияние устойчивого развития угледобывающих компаний на устойчивое развитие региона в процессе реализации ЦУР ООН прежде всего с точки зрения реализации ЦУР 15 – сохранения экосистемы суши на примере Кузбасса. Всемирный фонд дикой природы (WWF) России способствовал разработке проекта ПРООН / ГЭФ / Минприроды России «Задачи сохранения в политике и программах развития энергетического сектора России». С 2015 г. по настоящее время в нашей стране реализуется Проект рейтинга открытости в сфере экологической ответственности горнодобывающих и металлургических компаний России. Основные цели рейтинга сформулированы как повышение корпоративной ответственности горнодобывающих и металлургических компаний и создание эффективных механизмов обратной связи отрасли с заинтересованными сторонами. Для расчета показателей рейтинга в 2017 г. использовались данные 34 горнодобывающих и металлургических российских компаний[7].

В 2018 г. был составлен уже второй рейтинг и получены результаты оценки открытости в сфере экологической ответственности угледобывающих компаний. В составе данного рейтинга выделяют три раздела: 1 – Экологический менеджмент; 2 – Воздействие на окружающую среду; 3 – Раскрытие информации. Первое место в рейтинге 2018 г. заняла золотодобывающая компания КинроссГолд, на второй строчке рейтинга оказалась также занимающаяся добычей золота компания Полюс золото, а третье место заняла угледобывающая компания СДС-уголь. Выделим из общего результата рейтинга показатели проведенной оценки экологической ответственности только угледобывающих компаний за исключением АО «Русский уголь» (г. Красноярск) и рассчитаем их средние значения (табл.[8]).

В соответствии с результатами общего рейтинга средний балл по вышеуказанным компаниям практически не отличается от среднего балла по рейтингу в целом. Как показывают результаты представленного анализа, больше всего в рейтинге раскрываются данные Раздела 2, в меньшей степени – Раздела 1, причем одна компания вообще не раскрывает данные по этому разделу. Необходимо отметить, что отраслевые рейтинги открытости в сфере экологической ответственности, реализуемые WWF России, направлены на повышение прозрачности экологически значимой информации о российских компаниях. С 2019 г. расчет рейтинга осуществляется при поддержке ЕС в рамках проекта «Люди – природе», реализуемого WWF России.

В рамках концепции «Чистый уголь – зеленый Кузбасс» в регионе создается уникальная для России цифровая управленческая платформа «Экологический стандарт региона» на основе базы данных всех угольных компаний и реализуется дорожная карта природоохранных

[4] Добровольный национальный обзор: от целей к результатам // Аналитический центр при Правительстве РФ. Режим доступа: http://ac.gov.ru/events/024701.html (дата обращения: 10.11.2019).

[5] Кинго Л. Глобальный договор Организации Объединенных Наций: Поиск решений глобальных проблем // ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/36167 (дата обращения: 11.11.2019).

[6] Итоги второго Рейтинга открытости горнодобывающих и металлургических компаний России в сфере экологической ответственности // WWF. 07.12.2018. Режим доступа: https://wwf.ru/resources/news/zelenaya-ekonomika/wwf-predstavil-itogi-vtorogo-reytinga-otkrytosti-gornodobyvayushchikh-i-metallurgicheskikh-kompaniy-/ (дата обращения: 11.11.2019).

[7] Рейтинг экологической ответственности горнодобывающих и металлургических компаний России – 2017. Режим доступа: https://wwf.ru/upload/iblock/cff/gorny_rating_2017.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

[8] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

Табл. Рейтинг открытости угледобывающих компаний в сфере экологической ответственности

Tab. Environmental responsibility openness of coal mining companies

Компания	Обратная связь от компании	Средний балл			
		Рейтинг	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3
Кузбасская топливная компания	+	0,79	0,67	1,09	0,63
Русский уголь	–	0,33	данные не раскрыты	0,36	0,63
СДС-уголь	+	1,42	1,60	1,27	1,38
СУЭК	–	1,10	0,83	1,45	1,00
Среднее значение	–	0,91	0,76	1,04	0,91

мероприятий[9]. В ходе реализации ЦУР 15 в Кузбассе в настоящее время разрабатываются два стратегических цифровых проекта. Первый проект – «Цифровой Обь-Иртышский бассейн» – предполагает создание первого в мире цифрового двойника речного бассейна для построения системной работы по оздоровлению Обь-Иртышского бассейна и его основных рек – Оби, Иртыша, Томи, Тобола, Миасса и Туры. Восемь пилотных регионов в настоящее время участвуют в проекте: Кузбасс, Томская область, Челябинская область, Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В перспективе участниками проекта должны стать все 14 приобских регионов. Проект будет реализовываться в рамках национальных проектов «Экология», «Наука», «Образование», «Международная кооперация и экспорт» и национальной программы «Цифровая экономика»[10]. Второй проект – «Цифровое горное предприятие». Проект инициирован руководством СДС-Уголь при поддержке Правительства Кузбасса и предполагает создание первой в России цифровой платформы горнодобывающей отрасли. В частности, планируется создать цифровую обогатительную фабрику «Кузбасс 300» и мини-ТЭЦ 24,9 МВт для работы на борту угольного разреза, разработать экскаватор нового типа и робот-самосвал на основе технологии цифровых двойников, открыть питомник «Зеленый Кузбасс» для отработки новых природосберегающих технологий и обеспечения региона собственным посадочным материалом для полноценной рекультивации[11]. В Кузбассе уже накоплен положительный опыт, связанный с внедрением проектов Умная шахта и Интеллектуальный карьер на шахтах и разрезах региона [6; 7].

Вместе с тем серьезную озабоченность в сохранении экосистемы суши вызывает тенденция к снижению плодородия земель и утрате биоразнообразия в Кузбассе[12]. В сохранении биоразнообразия важную роль играет рекультивация нарушенных земель[13], что обусловливает необходимость обоснования направлений и мероприятий по повышению ее эффективности [8]. Рекультивация нарушенных земель – это важнейшее направление деятельности по возврату нарушенным землям их сниженных, утерянных функций, значимости, ценности как земельных ресурсов, способствующих поддержанию экологического равновесия в окружающей среде[14]. Это наиболее эффективный способ снижения негативных последствий деятельности промышленности, ее значение имеет трехсторонний характер:

- экологическое (способствует восстановлению экологического равновесия в экосистеме, устойчивости ландшафтов, генофонда растительных сообществ в биоценозах в целом);
- экономическое (восстановление потребительной стоимости, создаваемой с использованием «земли», возвращение площадей для использования в народном хозяйстве);
- социальное (удовлетворение потребностей в условиях проживания и жизнедеятельности, в формах

[9] Сергей Цивилев доложил о реализации национальных проектов в Кузбассе // Выбор народа. 15.11.2019. Режим доступа: http://vybor-naroda.org/stovyborah/148440-sergey-civilev-dolozhil-o-realizacii-nacionalnyh-proektov-v-kuzbasse.html (дата обращения: 10.11.2019).

[10] Добровольный национальный обзор: от целей к результатам…

[11] Кузбасс представил стратегические цифровые проекты на Петербургском цифровом форуме – 2019 // Администрация Правительства Кузбасса. 30.08.2019. Режим доступа: https://ako.ru/news/detail/kuzbass-predstavil-strategicheskie-tsifrovye-proekty-na-peterburgskom-tsifrovom-forume-2019- (дата обращения: 11.11.2019).

[12] Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2017 г. // Администрация Правительства Кузбасса. Режим доступа: https://ako.ru/upload/medialibrary/7ff/doklad_2017.pdf (дата обращения 16.11.2019).

[13] Об утверждении Инструкции о порядке ведения работ по ликвидации и консервации опасных производственных объектов, связанных с пользованием недрами. Постановление Госгортехнадзора России от 02.06.1999 № 33 // Знайтовар.Ру. Режим доступа: https://znaytovar.ru/gost/2/RD_0729199_Instrukciya_o_porya.html (дата обращения: 10.11.2019).

[14] Счет на миллиарды: сколько денег нужно на рекультивацию земель в Кузбассе после угледобычи // ВашГород. 31.10.2019. Режим доступа: https://vashgorod.ru/kemerovo/news/1126254 (дата обращения: 10.11.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

снижения заболеваемости, увеличения количества мест отдыха, повышения суммарного дохода населения, проживающего на рекультивированных территориях и др.) и эстетическое.

Однако очевидная необходимость рекультивации земель не повышает должной заинтересованности в ее проведении угледобывающими компаниями в Кузбассе.

По данным департамента угольной промышленности региона на октябрь 2019 г., в регионе 102 тыс. га относились к нарушенным землям, из них от добычи полезных ископаемых пострадало более 95 тыс. га. По оценкам специалистов, «ориентировочная стоимость рекультивации, которая включает в себя технический и биологический этапы, одного га земли на территории Кузбасского региона составляет 200 000 рублей». Если оценить все необходимые затраты, то это примерно 19 млрд рублей. Все восстановительные работы проводятся за счет частных угледобывающих компаний, т. к. в бюджете региона не предполагается финансирование этих мероприятий[15].

В качестве методического обеспечения рекультивационных работ в департаменте угольной промышленности рекомендуют использовать «Методические рекомендации по лесной рекультивации нарушенных земель на предприятиях угольной промышленности в Кузбассе» [9]. В Рекомендациях содержится методическая база по пяти направлениям рекультивации: лесохозяйственное, сельскохозяйственное, природоохранное, рекреационное и водохозяйственное. В зависимости от того, какой была территория до вмешательства угольщиков, выбирается тип направления рекультивационных работ. Проекты рекультивации согласовывают с муниципалитетами. В 2018 г. Администрация Кемеровской области выступила с рядом нормативных предложений по совершенствованию механизмов рекультивации нарушенных земель, в том числе обосновала необходимость формирования резервов для будущих расходов на восстановление земель недропользователями или уполномоченным органом и целесообразность осуществлять выдачу лицензий с обременением, куда будет входить рекультивация земли и водных объектов. Эти предложения нашли отражение в принятом Экологическом стандарте, который начал действовать в России с января 2019 г.

В настоящее время на примере АО «Черниговец» – ХК «СДС-уголь» можно проследить тенденцию к снижению темпов рекультивации в Кузбассе. В результате расширяются площади нарушенных земель, земель горных отводов и сопредельных территорий, которые испытывают на себе отрицательное воздействие территорий горного отвода.

Проблемы рекультивации земель волнуют и научное сообщество России. Ряд научных исследований, работ, диссертаций посвящены решению этой проблемы [10, с. 75–80]. Тем не менее теоретические разработки по рекультивации все еще отстают от практической деятельности, т. к. усложняются горно-геологические и природно-производственные условия добычи полезных ископаемых, повышается трудоемкость рекультивационных работ, их стоимость. В результате наблюдается низкое качество проектов рекультивации, разработки месторождений. Кроме того, финансирование рекультивационных работ ограничено, управления и участки, рекультивирующие земли, недостаточно оснащены средствами механизации, в особенности специфическими машинами и оборудованием, сохраняется принцип ведомственного подхода во всех аспектах его проведения: в интересах одного предприятия, одной отрасли, одной территории, одной цели.

Решение указанных проблем рекультивации какой-либо одной стороной невозможно. Вопросы должны решаться на всех уровнях: государственном, региональном и на уровне отдельного предприятия с участием научно-исследовательских коллективов.

Серьезной причиной низкой заинтересованности угольщиков в рекультивации является высокая стоимость рекультивационных работ и ее ежегодный рост. Основным путем снижения затрат и, соответственно, повышения эффективности рекультивационных работ является совершенствование технологий[16]. В научных исследованиях, в том числе М. А. Гавриловской, определяются наиболее эффективные технологии рекультивационных работ, к которым относятся:

- организация рекультивационных работ без создания складов плодородного слоя и потенциально-плодородного слоя почвы или с минимальными объемами, сроками складирования;
- использование плодородного слоя почвы на сопредельных территориях, в частности сельскохозяйственных угодий для повышения плодородия;
- выполнение наиболее трудоемких рекультивационных работ с применением основного вскрышного, транспортного и отвального оборудования;
- повышение объемов тех направлений рекультивации, которые не требуют значительных затрат;
- совмещение горных и рекультивационных работ;
- сокращение объемов планировочных работ за счет компактной укладки пород в отвалы и создание более спокойного рельефа их поверхности;
- селективная выемка и складирование вскрышных пород в отвалы с укладкой пород, пригодных для биологической рекультивации, на поверхности отвалов;
- применение методов ускоренного восстановления плодородия нарушенных земель.

[15] Там же.

[16] Правила безопасности при разработке полезных ископаемых открытым способом // Охрана труда в России. Режим доступа: https://ohranatruda.ru/upload/iblock/ff7/4294816730.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

М. А. Гавриловская выделяет четыре направления повышения эффективности рекультивации нарушенных земель:

1. Углубление теоретических исследований, совершенствование технической и нормативной документации, связанной с рекультивацией нарушенных земель.

2. Совершенствование техники и технологии.

3. Совершенствование методик оценки рекультивации.

4. Совершенствование организационно-экономического механизма природопользования [10, с. 139–150].

Итак, реализация мер данных направлений в Кузбассе будет способствовать минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду, начиная со стадии проектирования и заканчивая стадией полной отработки месторождения, его консервации, повышению качества и эффективности рекультивации.

Достижение ЦУР 15 (сохранение экосистемы суши) в соответствии с Программой ООН тесно взаимосвязано с реализацией ЦУР 3 – хорошее здоровье и благополучие. Ключевой элемент устойчивого развития, отраженный в ЦУР 3 на региональном уровне обусловливает постановку задачи по обеспечению здорового образа жизни и содействию благополучию для всех граждан в любом возрасте, проживающих на территории Кузбасса. Вопросы обеспечения здорового образа жизни и благополучия населения являются актуальными и проблемными для Кузбасского региона и требуют отдельного исследования.

Среди 12 национальных проектов («Экология», «Жилье и городская среда», «Здравоохранение», «Демография», «Наука», «Образование», «Цифровая экономика» и др.), направленных на достижение ЦУР ООН и реализуемых в Кузбассе, особую значимость имеет проект «Демография». Важнейшей задачей мероприятий по реализации дорожной карты проекта является обеспечение роста рождаемости в стране и регионах России. Среди прочих мероприятий проекта следует отметить открытие в 2019 г. в составе Перинатального центра Кемеровской областной клинической больницы государственного центра ЭКО, оснащенного специализированным оборудованием. Уже в начале 2019 г. была проведена 921 процедура ЭКО, из которых 216 – за счет средств областного бюджета (из областного бюджета были выделены деньги на 300 процедур).

В рамках проекта «Демография» в Кузбассе идет активное строительство детских садов и поставлена цель в 2020–2021 гг. полностью ликвидировать очередность детей в возрасте до трех лет. С 1 января 2020 г. в Кузбассе, наряду с увеличением государственной финансовой поддержки семей с детьми, будет дополнительно проиндексировано на 10 % пособие на ребенка за счет средств областного бюджета (в Кузбассе таких семей почти 50 тыс.). Еще одним важным направлением дорожной карты проекта станет создание единой системы долговременного ухода за людьми старшего поколения. В настоящее время в целях разработки механизмов ее осуществления реализуется три пилотных проекта в городах Кузбасса, среди которых Кемерово, Анжеро-Судженск и Прокопьевск. На базе центров социального обслуживания организовано обучение процедурам по уходу за пожилыми людьми и инвалидами, открыт прокат технических средств реабилитации, работают волонтеры, помогающие людям на дому[17].

Выводы

В современных условиях повышается роль российских регионов и предприятий в реализации концепции устойчивого развития ООН в России, в частности за счет решения проблем демографии, экологии и сохранения биоразнообразия на территориях ресурсодобывающего региона – Кузбасса. Внедрение наилучших доступных технологий на промышленных предприятиях Кузбасса является необходимым условием устойчивого развития ресурсодобывающего региона и фактором повышения энергоэффективности, экологизации и безопасности производственных процессов.

Формирование позитивных тенденций в реализации ЦУР 15 – сохранение экосистемы суши – на ряде предприятий региона, включая АО «Черниговец» – ХК «СДС-уголь», сопровождается снижением темпов рекультивационных работ, в основном из-за их высокой цены. Это ведет к понижению уровня плодородия земель и утрате их биоразнообразия, способствует снижению уровня социального благополучия населения в регионе. Проблемы сохранения экосистемы суши и создания условий для хорошего здоровья и благополучия (ЦУР 3) требуют взаимосвязанного решения в рамках реализации национальных государственных программ, в частности национального проекта «Демография», прежде всего на региональном уровне.

В ресурсодобывающем регионе угледобывающие предприятия являются важными составляющими региональной модели устойчивого развития, они активно участвуют в реализации национальных проектов, в формировании цифровых платформ в сфере угледобычи и экологии. В Кузбассе наиболее активно идут процессы формирования цифровой экосистемы и использование «Интернета вещей» в горнодобывающей промышленности, что свидетельствует о новом этапе реструктуризации в этой отрасли. Накоплен положительный опыт, связанный с внедрением проектов Умная шахта и Интеллектуальный карьер на шахтах и разрезах Кузбасса.

Заключение

Цели устойчивого развития ООН актуальны для всех регионов мира. Достижение ЦУР невозможно усилиями

[17] Сергей Цивилев: Благодаря нацпроектам в 2019 году в регион удалось дополнительно привлечь почти 28 млрд рублей // Администрация Правительства Кузбасса. Режим доступа: https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-blagodarya-natsproektam-v-2019-godu-v-region-udalos-dopolnitelno-privlech-pochti-28- (дата обращения: 14.11.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

одной из сторон. Глобальные изменения начинаются и происходят, прежде всего, локально. В их основе лежит взаимодействие бизнеса, государства и общества. В последние годы российский бизнес демонстрирует значительный прогресс в понимании особенностей своей вовлеченности в процессы устойчивого развития в регионах и страны в целом, рассматривая концепцию устойчивого развития, ее цели как неотъемлемую часть своей долгосрочной стратегии.

Внедрение экологического стандарта, новых доступных технологий, реализация цифрового проекта «Цифровой Обь-Иртышский бассейн» должны повысить вклад угледобывающих компаний в рекультивацию нарушенных земель, сохранение биоразнообразия, что способствует устойчивому развитию Кузбасса. Региональная модель устойчивого развития Кузбасса формируется посредством реализации 12 национальных проектов и регионального проекта «Цифровое горное предприятие». Таким образом, в рамках концепции устойчивого развития Кузбасса реализуются все три составляющие ЦУР – социальная, экономическая и экологическая.

Литература

1. Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 26–33.
2. Дунаев О. И., Нагорнов В. А. Гармонизация практики корпоративной социальной ответственности для достижения целей устойчивого развития // Государственно-частное партнерство. 2017. Т. 4. № 2. С. 93–102. DOI: 10.18334/ppp.4.2.38147
3. Судас Л. Г. Бизнес за устойчивое развитие // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 241–262.
4. Сахаров А. Г., Колмар О. И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 189–206. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11
5. Феоктистова Е. Н., Аленичева Л. В., Копылова Г. А., Озерянская М. Н., Пуртова Д. Р., Хонякова Н. В. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2017–2018 гг. выпуска. М.: РСПП, 2019. 104 с.
6. Samorodova L. L., Shutko L. G., Yakunina Yu. S., Lyubimov O. V. «Smart service» as an innovative system of service for mining companies in Kuzbass // E3S Web of conferences. 2017. Vol. 15. DOI: 10.1051/e3sconf/20171503013
7. Самородова Л. Л., Шутько Л. Г., Якунина Ю. С. Цифровые экосистемы и экономическая сложность региона как факторы инновационного развития // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 2. С. 401–410. DOI: 10.18334/vinec.9.2.40607
8. Реструктуризация угольной промышленности / под общ. ред. Ю. Н. Малышева. М.: Компания «Росуголь», 1996. 531 с.
9. Методические рекомендации по лесной рекультивации нарушенных земель на предприятиях угольной промышленности в Кузбассе / под общ. ред. Ю. А. Манакова. Кемерово: КРЭОО «Ирбис», 2017. 44 с.
10. Гавриловская М. А. Оценка эффективности рекультивации нарушенных земель (экосистемный подход): дис. … канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007. 211 с.

original article

Setting and Implementing Sustainable Development Goals on the Regional Level: the Case of Kuzbass

Larisa G. Shutko [a, @, ID1]; Lyudmila L. Samorodova [a, ID2]
[a] T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo
[@] bogotol2@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0001-5964-6656
[ID2] https://orcid.org/0000-0012-3456-7890

Received 21.11.2019. Accepted 27.03.2020.

Abstract: The research features integration of Russian economy into the model of sustainable development proposed by the United Nations Organization. The authors considered the main goals of sustainable development and their prospects in Russia. The paper focuses on the case of Kuzbass (Kemerovo region) as a typical resource-type mining region. The authors studied how the local authorities implement the sustainable development concept, solve demographic problems, preserve biodiversity, and protect forests. The research involved elements of systematic and integrated approach. The authors believe that the sustainable development of a mining region depends on the implementation of the best available technologies,

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

energy efficiency, creating green spaces, and production safety. The research also featured the role of coal mining enterprises in the formation of the regional model of sustainable development and achieving the main target priorities of sustainable development in accordance with the UN Program. The article describes the roadmap of the sustainable development model for Russian territories, as well as regional national projects, e.g. digital platforms in coal mining and environmental protection. The authors emphasize the need for reclamation of disturbed lands by coal mining companies.

Keywords: UN model of sustainable development of society, Kuzbass economy, ecology, biodiversity conservation, digitalization, land reclamation

For citation: Shutko L. G., Samorodova L. L. Setting and Implementing Sustainable Development Goals on the Regional Level: the Case of Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2020, 5(2): 279–286. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-279-286

References

1. Bobylev S. N., Solovyeva S. V. Sustainable development goals for the future of Russia. *Problemy prognozirovaniia,* 2017, (3): 26–33. (In Russ.)
2. Dunaev O. I., Nagornov V. A. Harmonization of corporate social responsibility practices in order to achieve sustainable development goals. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo*, 2017, 4(2): 93–102. (In Russ.) DOI: 10.18334/ppp.4.2.38147
3. Sudas L. G. Business for sustainable development. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik,* 2017, (64): 241–262. (In Russ.)
4. Sakharov A. G., Kolmar O. I. Prospects of Implementation of the UN SDG in Russia. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij,* 2019, 14(1): 189–206. (In Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-11
5. Feoktistova E. N., Alenicheva L. V., Kopylova G. A., Ozerianskaia M. N., Purtova D. R., Khoniakova N. V. *Analytical review of corporate non-financial reports: 2017–2018 release*. Moscow: RSPP, 2019, 104. (In Russ.)
6. Samorodova L. L., Shutko L. G., Yakunina Yu. S., Lyubimov O. V. "Smart service" as an innovative system of service for mining companies in Kuzbass. *E3S Web of conferences*, 2017, 15. DOI: 10.1051/e3sconf/20171503013
7. Samorodova L. L., Shutko L. G., Yakunina Yu. S. Digital ecosystems and economic complexity of the region as factors of innovative development. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2019, 9(2): 401–410. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.9.2.40607
8. *Coal industry restructuring*, ed. Malyshev Yu. N. Moscow: Kompaniia "Rosugol", 1996, 531. (In Russ.)
9. *Methodological recommendations on forest reclamation of disturbed lands at the enterprises of the coal industry in Kuzbass,* ed. Manakov Yu. A. Kemerovo: KREOO "Irbis", 2017, 44. (In Russ.)
10. Gavrilovskaia M. A. *Assessment of the effectiveness of reclamation of disturbed lands (ecosystem approach)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2007, 211. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Митько Наталья Викторовна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Nataliya V. Mitko, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:
Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 25.05.2020.
Дата выхода в свет 29.05.2020.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 19. Уч.-изд. л. – 16,7.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
http://kemsu.ru.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.